

Наследники по прямой

Вадим Давыдов

Киммерийская крепость

«Автор»

Давыдов В.

Киммерийская крепость / В. Давыдов — «Автор»,
— (Наследники по прямой)

Яков Гурьев – «самый верный, самый страшный сталинский пёс». Или это – всего лишь личина? Но если да, то зачем? В чём его предназначение, что делает он на берегах Чёрного моря, далеко от Москвы? Может быть, именно здесь решается исход грядущей смертельной схватки за судьбу страны и народа? О том, что же происходит на самом деле, вы узнаете из первой книги трилогии «Наследники по прямой». Продолжение – следует!

© Давыдов В.

© Автор

Содержание

ВЕНОК ЭПИГРАФОВ	5
Москва, Курский вокзал. 27 августа 1940	8
Литерный «Москва – Симферополь». 27 августа 1940	10
Симферополь. 28 августа 1940	17
Сталиноморск, гостиница «Курортная». 28 августа 1940	23
Сталиноморск. 28 августа 1940	27
Лондон. Август 1939	36
Сталиноморск. 28 августа 1940	56
Сталиноморск. 28 августа 1940	62
Сталиноморск. 28 августа 1940	67
Сталиноморск. 29 августа 1940	70
Сталиноморск. 30 августа 1940	73
Сталиноморск. 30 августа 1940	75
Сталиноморск. 30 августа 1940	77
Сталиноморск. 30 августа 1940	81
Сталиноморск. 1 сентября 1940	82
Сталиноморск. 1 сентября 1940	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Вадим Давыдов

Киммерийская крепость

ВЕНОК ЭПИГРАФОВ

*Есть в наших днях такая точность,
Что мальчишки иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова -
Сажень косая, твердый шаг -
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О паразитных делах.
Мы были всякими, любыми,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучаясь, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они украсят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы! «...»
И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я – патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю,
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахнуло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох как пес от ностальгии
В любом кокосовом раю. «...»*

Павел Коган (1918 – 1942)

*Благими намерениями вымощена дорога в ад.
Джон Рэй*

Не бойся, не надейся, не проси.
Лагерная мудрость

Чтоб добрым быть, нужна мне беспощадность.
У. Шекспир

Его гибкий ум был настолько разносторонен, что, чем бы он ни занимался, казалось, будто он рождён только для одного этого.
Тит Ливий

*И тебя не минуют плохие минуты -
Ты бываешь растерян, подавлен и тих.
Я люблю тебя всякого, но почему-то
Тот, последний, мне чем-то дороже других...*
Ю. Друнина

*Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,
И длится суд десятилетий,
И не видать ещё конца.*
А. Твардовский

*Самая великая вещь на свете – это владеть собой.
Следует отказываться от всяких несвоевременных действий.
Вероломство может быть иногда извинительным; но
извинительно оно только тогда, когда его применяют, чтобы наказать
и предать вероломство.*
М. Монтень

*Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..
Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжёт, и губит!*
А. Блок

*Вот она, вот. Никуда тут не деться.
Будешь, как миленький, это любить!
Будешь, как проклятый, в это глядеться,
будешь стараться согреть и согреться,
луч этот бедный поймать, сохранить!
Щелкни ж на память мне Родину эту,
всю безответную эту любовь,
музыку, музыку, музыку эту,
Зыкину эту в окошке лобом!*
Тимур Кибиров

Москва, Курский вокзал. 27 августа 1940

Гурьев, предъявив кондуктору на перроне плацкарту и паспорт, подошёл к вагону. До отправления оставалось чуть меньше четверти часа. Кондуктор-проводник, вытянувшись под его взглядом, кивнул и распахнул перед ним дверь. Гурьев вошёл в купе, поставил в ящик свой чемодан, точно туда поместившийся, опустил сиденье, задвинул чертёжный тубус на полку над дверью. Сел на диван, подёрнул двумя пальцами занавеску, посмотрел в окно.

Шаги в коридоре, ничем не похожие на шум, производимый обыкновенными пассажирами, отвлекли Гурьева от созерцания заоконного пейзажа. Звук шагов замер точно напротив двери в его купе. Ну же, подумал Гурьев. Дверь рывком распахнулась, и он увидел в проёме молодую женщину, и с нею – девочку лет шести. Впрочем, Гурьев мог и ошибиться – туда-сюда на полгода – относительно возраста ребёнка. Но вот что касается всего остального – тут ошибки быть не могло.

Он привычно подавил вздох. Вид и у женщины, и у девочки был далеко не презентабельный: аккуратные и чистые, но сильно поношенные вещи, стоптанные в прах туфельки. Контраст с его собственным нарядом просто разительный. На людей, путешествующих исключительно первым классом, компания явно не тянула. К тому же Гурьев, не особенно жалуя попутчиков в принципе, распорядился выкупить купе целиком.

Женщина смотрела на Гурьева. В её взгляде не было ничего, кроме отчаяния. Я бы на её месте попробовал общий вагон или, в крайнем случае, смешанный, подумал Гурьев. Но мягкий?! Какой нетривиальный ход, однако.

Всё, абсолютно всё было написано у непрощённой попутчицы на лице. Он умел читать по лицам куда более сложные послания. Выучился. Что же мне с вами делать-то, снова вздохнул Гурьев. И как вам мимо кондуктора на перроне удалось проскочить, вот что интересно. Ладно. Действовать будем, как сказал бы товарищ секретарь ЦК Сан Саныч Городецкий, в соответствии с обстановкой. Он знал, что прокачал ¹ всё абсолютно верно: вещей у женщины не было. Никаких. Ему потребовалось не больше секунды на раздумья.

Гурьев сделал вид, будто несказанно рад своим гостям:

– Доброе утро. Вы не стойте в дверях-то, проходите. Скоро трогаемся.

– Да... Что? – проговорила женщина едва слышно. Было видно – тон Гурьева сбил её с толку.

– Проходите, – повторил Гурьев. Он не просто лучился радушием и спокойствием. Он и был – само спокойствие, само радушие. – Проходите, проходите, смелей. Усаживайтесь, вот так, по ходу поезда, чтобы девочку не укачало. Вам ехать-то далеко?

В глазах у женщины снова загорелся лихорадочный огонёк. Дикой, невероятной надежды. Готовности на всё, абсолютно на всё, только... И, конечно же, страха. Того самого страха, который, кажется, уже навечно угнездился едва ли не в каждом из живущих – здесь и сейчас. Гурьев моргнул, пряча за этим рассеянным движением пристальную цепкость профессионального внимания, отточенного годами соответствующих тренировок, и улыбнулся – ободряюще, даже ласково. Сколько лет, подумал он, пора привыкнуть уже, а вот, поди ж ты – не могу. Боже, какое милое лицо, что сделалось с ним, смотреть нельзя. И девчушка – просто кукла, глазёнышки, как два шоколадных уголька, – только бледненькая, не то, что витаминов – просто еды, и той, видно, не хватает.

Женщина, колебавшись, переступила порог и опустилась на обитый красным плюшем диван напротив Гурьева, как-то не по-городскому ловко подсадив девочку и уместив её рядом с собой. И, затравленно оглянувшись на вход, снова посмотрела на Гурьева. Скользнув к двери,

¹ Прокачал (проф. арг) – здесь: установил, вычислил (здесь и далее – примечания автора).

Гурьев закрыл её, повернул на один оборот защёлку шпингалета и вернулся на своё место, проделав все эти манипуляции с такой скоростью, что у гостыи наверняка зарябило в глазах.

Он снова улыбнулся – как можно беззаботнее, и ободряюще кивнул.

Женщина украдкой, – думая, вероятно, будто делает это украдкой, – разглядывала Гурьева, пытаясь сообразить, что же за тип перед ней. Судя по всему, это ей никак не удавалось. Гурьев потрогал себя за скулу и сказал, как будто бы ни к кому не обращаясь:

– Ну, вот и славно. Устраивайтесь, обживайтесь. Кондуктор наш появится уже после того, как мы поедем, так что располагайтесь и чувствуйте себя, как дома. А я вас временно покину. Запритесь, хорошо? Я постучу.

В тамбуре он достал плоский портсигар, вытащил набитую трубочным табаком папиросу собственного изготовления, с длинной гильзой, несколько раз ударил ею по крышке, как бы уплотняя и без того тугую механическую набивку; сильно сжав «накрест» короткий мундштук, вцепился в него зубами так, словно хотел прокусить картон насквозь. Крутанув колёсико зажигалки, он вызвал к жизни яркий жёлто-оранжевый огонёк пламени, и прежде чем прикурить, долго смотрел на него, не мигая. Гурьев курил мало и редко, это даже курением сложно было назвать. Да и не курил он – окуривал. Густой фруктово-табачный запах помогал ему сосредоточиться и был приятен для обоняния, – не только его собственного, но и окружающих. А сейчас ему требовалось совершенно точно «перекурить это дело». Ну, спаситель грёбанный, усмехнулся Гурьев, опять? Опять, опять. Всегда. Никуда тебе от этого не деться, дорогой. Никуда. Судьба такая. Страна такая. Время такое. Карма. Ничего нельзя делать сразу. Можно всё испортить, если сразу. Мы готовимся. Готовимся. Уже четыре года, Варяг. Четыре года. Почти пять. Рабы. И гражданами становятся только тогда, когда просят пройти. Ненавижу. И мы тоже, – нашли, называется, способ. Ну, да, получилось. Пока – получилось. Пока что у нас всё получается. В том числе и то, что не может и не должно получаться. А потом, дальше?! Гурьев зажёл папиросу, неглубоко затянулся и с силой выдохнул дым вниз через ноздри. Следовало ещё две затяжки, он понял – курить ему совершенно не хочется.

Он с сожалением посмотрел на не докуренную даже до половины папиросу, сунул её в пепельницу и устало прикрыл глаза. Нет, это наваждение какое-то, подумал он. Эти бабы меня когда-нибудь доконают. Откуда взялась на мою голову эта несчастная?! И почему я – неужели никого вообще вокруг больше нет?! Я же не могу. Я вообще ни о ком не могу думать, только... Что же мне со всеми вами делать, я же ведь не Христос и даже не родственник... Или родственник всё-таки? Каким-то боком, теперь, после всего? Он посмотрел на часы. До отхода по расписанию оставалось не больше трёх минут. И неуловимым, змеиным движением, способным вогнать случайного свидетеля, окажись таковой поблизости, в ледяной смертельный пот, отступил в глубину тамбура. Ему совершенно не хотелось возвращаться в купе. Не хотелось разговаривать с этой женщиной. Вообще ни о чём, никогда. Ничего нового он ей не в состоянии был сказать. Ничего. Вагончик тронется, перрон останется, невесело усмехнулся Гурьев. Надо было напугать её как следует каким-нибудь трюком. Пожалел, идиот. Всё будет хорошо, пока не станет совсем плохо. Так плохо, как вообще, наверное, не бывает.

Первый рывок локомотива судорогой прокатился по составу, Гурьев услышал свисток паровоза, и поезд, наконец, тронулся, сначала медленно, потом всё быстрее, быстрее. Гурьев дождался, пока башня вокзала окончательно скроется из виду, и направился назад, в купе.

Литерный «Москва – Симферополь». 27 августа 1940

Отворив незапертую, несмотря на его просьбу-предупреждение, дверь, Гурьев увидел, как попутчица опять вздрогнула. Она сидела вместе с девочкой на том самом месте и, кажется, в той же позе, в какой он её оставил. Гурьев кивнул и улыбнулся обоим, словно старым знакомым, достал из сетки для мелких вещей свежий номер «Известий» и сел на свой – дважды законный – диван.

Он успел даже перевернуть страницу, где осьмушку полосы занимал портрет Папы Рябы, как припечатал лучшего друга чекистов ещё в двадцать восьмом неутомимый на придумывание всяческих прозвищ зам Городецкого Степан Герасименко, и усмехнулся. Давно, давно мы так не говорим и даже не думаем, Стёпа. Очень, очень давно.

«ТАСС, 26 августа. В последнее время в средствах буржуазной печати настойчиво муссируются слухи о якобы шириющейся советизации республик, недавно присоединившихся к СССР. При этом так называемые „аналитики“ этих самых средств печати утверждают, будто в этом и состоит основной смысл присоединения к СССР. Совершенно ясно, что подобные утверждения преследуют своей целью вбить клин недоверия и настороженности между населением присоединившихся к СССР республик, органами местного самоуправления этих республик и руководством СССР, командованием и бойцами РККА, дислоцированными на территории Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины и Белоруссии, Молдавии, Буковины и Закарпатской Украины. Несмотря на отдельные факты превышения власти военными комендантами территорий и сотрудниками органов НКВД по борьбе со шпионажем и саботажем, несмотря на злоупотребления и некомпетентность некоторых советских и партийных работников на местах, проявленное ими непонимание нужд и чаяний простых людей, руководство СССР, тщательно расследуя каждый такой случай и строго, беспристрастно наказывая виновных, подтверждает свою приверженность принципам, лежащим в основе договоров о взаимопомощи и договоров о вступлении в СССР – принципам широкого и глубокого местного самоуправления, многоукладной экономики, внимательной и взвешенной национально-территориальной политики».

Неплохо, решил Гурьев, неплохо. Хороший щелчок по носу этим писакам. Одно слово – щелкопёры. Акулы пера. Шакалы ротационных машин. Сейчас опять вытё начнётся – обман, дезинформация, да кто же поверит, большевики, коммунисты... Им всегда будет мало – что бы мы не делали. Всегда слишком мало «демократии», всегда слишком много контроля. Они не помнят – и не хотят помнить, что вытворяли сами, прежде чем стали великими и свободными. Сытый голодного не разумеет. Ничего, ничего. Мы справимся.

Процесс изучения официальных новостей был прерван появлением кондуктора:

– Билетики предъявляем, граждане, билетики на проверку!

Гурьев достал паспорт, обе плацкарты и протянул их дедуле. Когда женщина поняла: Гурьев показал не один билет, а два, кровь совершенно отлила от её лица, и без того отнюдь не пышущего здоровьем. Кондуктор так долго и придирчиво изучал бумаги – Гурьев даже развеселился: тоже мне, выискался специалист по органолептике². Дедушка Мазай со вздохом вернул ему документы:

– А гражданочки паспортчек? Будьте добры, гражданочка. – И, куда более подобострастно, – Гурьеву, в котором безошибочным лакейским чутьём распознал большое начальство, впрочем, плохо представляя себе реальные масштабы этой величины: – Понимаете, гражданин, – инструкция. Полагается, значит-ца, у всех пассажиров документики проверочке

² Органолептика – совокупность способов визуально-тактильного исследования объектов, в криминалистике – в т.ч. документов и банкнот на подлинность.

подвергать, значит-ца, на соответствие предъявляемой личности, потому как бдительность – это в нашем кондукторском деле, гражданин хороший, самое главное. Без этого нам, кондукторам, никак невозможно, значит-ца!

Гурьев удивился. Кого-то ищут? Её? Ориентировку кондукторам раздали? Чушь, подумал он. Просто быть такого не может. Вот совершенно. Или я недостаточно представительно выгляжу? Вот же навязались, на мою голову. С внушающей невольное уважение скоростью и правдоподобием Гурьев изобразил осеняющую лицо – непонимающе-, начальственно-, брезгливо-, изумлённо-, скучающе-, раздражённую – полуулыбку, полугримасу:

– Что!?

Натолкнувшись взглядом на серебряный смерч в завораживающе светлых глазах непонятого пассажира, ревнитель железнодорожной дисциплины вжал голову в плечи. Но высказывать за дверь не спешил. То ли совсем обезумел от странности ситуации, то ли ещё что. Конфликт ужасов, подумал Гурьев. Ужас здесь и сейчас – и ужас там и тогда. Что выбрать? Что предпочесть? Какая дилемма. Какой молодец Гурьев. Как умеет ставить людей в безвыходное положение. Ну да, ну да.

Он откинулся на бархатную спинку дивана, сложил ногу на ногу, слегка покачал начищенным до невероятного блеска ботинком и вдруг щёлкнул в воздухе пальцами – так громко, что все присутствующие вздрогнули, а девочка испуганно прижалась к матери. Кивнув, проговорил, голосом выстуживая воздух в купе до стратосферной температуры:

– Товарищ Кукушкин. – Фамилию кондуктора Гурьев запомнил. Он всегда всё помнил. Ну, откуда, в самом-то деле, было знать старому сексоту ³: Гурьев внимательно изучил штатное расписание литерного пару дней тому назад. И знал не только дедкину фамилию и физиономию, но и кое-что ещё, гораздо более интересное. Увидев, как поехало у деда лицо, Гурьев чуть-чуть прищурился. – За проявленную бдительность объявляю вам благодарность. А теперь сделайте одолжение, – он так повёл взглядом в направлении двери, что кондуктора качнуло. – Закончите проверку пассажиров, принесёте три стакана чаю и печенье. И не отлучайтесь далеко. Если понадобится, я вас позову.

Дедушка Мазай громко сглотнул и, засновав головой так, словно она была приделана к челноку швейной машинки, испарился. Гурьев, посмотрев секунду на дверь, шевельнул бровями и взялся, как ни в чём не бывало, за газету. И, лишь заслонившись от женщины бумагой, прищурился, увидев почти наяву, как кондуктор, рухнув на шконку в своей конуре, трясущимися руками накапывает себе в стакан камфару. Стукач в трауре. Бог ты мой, как же мне это надоело. А ведь это всё придётся разгребать, разгребать. Нельзя же просто убить их всех. Или можно?

Девочка всё это время тихо, как мышка, возилась в уголке с маленькой тряпичной куклой, судя по всему, самодельной. Женщина первой нарушила тишину:

– Что же вы так газетой увлеклись, товарищ следователь? Что у вас там дальше по плану – случайное знакомство? Давайте, не стесняйтесь!

Гурьев вздохнул и понял: дочитать «Известия» он сможет только вечером. Если сможет вообще. Ты правильно угадала, милая, я умею приказывать, подумал он. А приказывать у нас может только тот, у кого есть власть. Никому даже в голову не приходит, что и обычный человек должен уметь приказать власти оставить его в покое. А если она не захочет – свернуть ей шею ко всем чертям.

– У вас есть выбор? – спокойно спросил Гурьев, медленно и аккуратно складывая газету.

– Что?! – голос женщины сорвался. Он увидел, как задрожали её руки, и как на побледневшем лбу мгновенно выступили капельки пота.

³ Сексот (секретный сотрудник, встречается также аббревиатура с/с) – известный и широко употребительный с 20-х гг. XX в. термин для обозначения штатных и нештатных осведомителей ЧК/ГПУ/НКВД.

– Я спрашиваю, какой у вас есть выбор? – повторил Гурьев, по-прежнему не повышая тона. – Даже если я и в самом деле следователь. Что это меняет в нашей ситуации? Поверьте, ровным счётом ничего. Вот совершенно. Кто у вас там? Муж?

Конечно, она поняла, о чём он. Кивнула и съёжилась. Гурьев на миг прикрыл глаза. Ни у кого из нас нет выбора, подумал он. Ни у кого. Это лишь кажется, будто ты высоко и у тебя есть выбор, – ещё и потому, что ты высоко. На самом деле всё не так. Очень давно нет у нас выбора. Может, он и был у нас раньше. А теперь – весь вышел.

– Ну, будет, – он опять вздохнул и посмотрел в окно. – Извините, если я вас напугал. День такой выдался. Никакой я не следователь. Я учитель. Еду на работу в Сталиноморск.

– Довольно глупо, между прочим, придумано, – вскинулась вдруг женщина, и Гурьев услышал в её голосе истерические нотки. – Да какой же вы учитель?! Вам... Вы... Вон какой... Да видно же... Сразу же всё видно! А в Сталиноморске у меня мать живёт... Господи, Господи, как же это...

Женщина прижала кулачки к щекам и зажмурилась. И слёзы, которые Гурьев никогда не мог переносить, так и брызнули у неё из глаз.

Ох, женщины, грустно подумал Гурьев, всё-то вы чувствуете, хорошие вы мои. Учитель. Наставник заблудших. Всё видно, да? Так-таки прямо и всё? Распустился. Дисквалифицировался. Раньше кем угодно мог притвориться – хоть японским богом. А теперь – сразу видно. Сразу видно: хочу – убью, хочу – помилую. Советский начальник. Это была с самого начала очень глупая идея – ехать поездом. С самого начала. Надо было лететь – как обычно. До самого места. Почему, почему?!

– Мама, я кушать хочу, – вдруг сказала девочка, пододвигаясь поближе к женщине. – Дай мне хлебушка...

– Катюша, потерпи, солнышко, – женщина словно опомнилась, быстро провела мысками ладоней по скулам, ловко, привычно взяла дочь на руки. – Потерпи, золотко, ладно? Приедем к бабушке, она нам пирогов испечёт...

– А пироги вкусные?

– Вкусные, вкусные. Потерпи, ладно?

– А мы далеко ещё до бабушки поедем?

– Нет, лапонька, недалеко. День да ночь, сутки прочь. Да, маленькая? Потерпишь? Ты ведь у меня умница, доченька моя золотая, да?

Девочка, вероятно, очень хотела, чтобы мамочка похвалила её, но голод был куда сильнее желания быть хорошей и умной. Катюша негромко захныкала с опаской поглядывая на дядю, которого мама назвала страшным словом «следователь».

Гурьев взялся рукой за горло, в котором в этот момент что-то еле слышно пискнуло – давя этот писк, Гурьев негромко кашлянул, поведя головой из стороны в сторону, – и, сохраняя вид весёлого безразличия, вышел из купе.

Если я убью его когда-нибудь, подумал Гурьев, то вот именно за это. Ни за что другое. Он замер, вцепившись в поручень под окном. Когда всё кончится, я его убью. Или всё-таки не стану? Ведь я же дал слово. И я никогда не обещаю того, чего не могу. И всегда могу то, что обещаю.

Он оглянулся, зашёл в туалет. Поморщился от неистребимого аммиачного амбре и решил, что заставит дедушку Мазая драить очко без перерыва как минимум до Харькова. Посмотрел в зеркало, достал расчёску, пригладил волосы, – видом своим остался вполне доволен. Плотно затворив за собой дверь, Гурьев зашагал в направлении вагона-ресторана.

Подойдя к стойке буфета, Гурьев натянул на лицо самую обольстительную из имеющихся в его арсенале улыбок:

– Девушка! На два слова.

– Да, – не оборачиваясь, буркнула девица, поглощённая каким-то невероятно важным буфетным занятием.

– Как вас зовут, милая?

Таким тоном – и таким голосом – не разговаривают простые смертные пассажиры с простыми смертными буфетчицами. Девушка развернулась и с благоговейным ужасом уставилась на незнакомца, от которого её отделяла хлипкая преграда буфетной стойки. В долю секунды оценив его рост, телосложение и наряд, а также явно не пальцами впопыхах, как у большинства окружающих, организованную причёску, буфетчица, начисто позабыв о драгоценном достоинстве работника советской сферы услуг, резко сменила тон и, не забыв кокетливо передёрнуть плечиком, прошелестела, расцветая гимназическим румянцем:

– Рита...

– Замечательное имя, – Гурьев навис над стойкой и заговорщически подмигнул, продолжая улыбаться. – Ритуля, радость моя, выручайте. Горю, как швед под Полтавой.

– А что случилось? – участливо спросила девушка, мечтая о том, чтобы непонятный пассажир взмолился о помощи, – и тогда, она, Рита, – о, тогда!..

– Да вот, понимаете, сестру с дочкой везу к матери на юг, ну и, как всегда, бледную курицу в газете забыли дома. В суматохе сборов, так сказать. Помогите, солнце моё, ликвидировать прорыв, а?

– Поможем, – важно кивнула Рита и просияла: – А я вас знаю! Вы ведь киноартист, да? Я вспомнила, я вас в кино видела, да ведь?

Конечно, подумал Гурьев, я ведь страшно похож на Черкасова⁴. Сегодня – на Черкасова. Сегодня мне хочется быть похожим на Черкасова. Такой я себе выбрал образ на ближайшие пару – тройку недель. Мне так захотелось. Надо же и мне когда-нибудь развлекаться, верно? Впрочем, те времена, когда подобные игры действительно развлекали его, давно и, кажется, безвозвратно миновали. Теперь вынужденное лицедейство – безупречное, разумеется – вызывало у него скуку. Оскомину, – вот, пожалуй, самое подходящее слово. Ну, ничего. К счастью, с Ритой можно было особенно не церемониться:

– Точно, – серьёзно подтвердил Гурьев. – «Броненосец Потёмкин», помните, там коляска прыгает по лестнице?

– Помню!

– Вот я в той коляске и лежал. Страшно было, вы, Ритуля, не поверите.

– Вам бы всё шуточки, – притворно нахмурилась Рита. – Ладно, посидите, я сейчас принесу! Вам сколько порций?

– Две, – улыбка Гурьева сделалась ещё обворожительнее. – Умоляю вас, бриллиантовая моя, яхонтовая, умоляю, скорей!

Буфетчица ласточкой метнулась в кухонный отсек и через минуту вынесла Гурьеву рамку с тремя судками:

– Вот! И чай ещё там, горячий. Настоящий цейлонский!

В голосе Риты было столько всего... И неподдельная гордость за родной буфет, сумевший угодить таинственному посетителю, похожему сразу на интуриста, артиста и графа Монтекристо; и неодолимое желание, – ну, пожалуйста, пожалуйста, Боже, пусть этот человек, без всякого сомнения, из породы хозяев жизни, посмотрит на неё, буфетчицу Риту Зябликову из подмосковного городка Люберцы, где живут её четверо братьев и сестёр с мамкой, которая в свои сорок с небольшим выглядит, как семидесятилетняя старуха, а отец втихаря совсем уже спился с круга, – пускай он посмотрит на неё так, как она на самом деле заслуживает! Ведь она настоящая, живая женщина, тоскующая по истинной, неподдельной, большой любви, – и

⁴ Популярный в 30-е – 40-е годы советский актёр, сыгравший в кино Александра Невского и Ивана Грозного в одноимённых фильмах.

разве виновата она в том, что готова обрушить эту тоску на любого, кто хотя бы случайно окажется на директрисе огня?! И жажда штормовых страстей, которые ей не суждено пережить, и жгучая, смертельная зависть к той, которую этот светский лев, морской волк и полуночный ковбой, он же калиф, султан и герой, страстно ласкает сутки напролёт, шепча о своей негасимой любви... И что только не вырывалось ещё из глубин Ритиной души вместе со звуками ее голоса! Гурьев был для бедняжки олимпийцем, сошедшим прямо с небес. Прямо к ней. Прямо здесь. Прямо сейчас.

– С сахаром?

– А как же! И с лимоном!

– Ритуля, вы – просто чудо, я даже не знаю, нет слов. А фрукты тут у вас есть?

– Конечно, – Рита сработала глазами, сама того не зная, по хрестоматийной схеме – «в угол – на нос – на предмет»: незамысловатое пикирование Гурьева попадало в цель безошибочно, прежде всего, по причине прямооты и крайней доходчивости. Сам он в такие минуты над собой слегка посмеивался, прекрасно понимая, как выглядит вся эта бутафория со стороны для искушённого наблюдателя.

– Даже ананасы! Только дорогие очень.

– Ну, это нас не остановит на нашем праведном пути. Дайте, счастье моё, пару ананасов и яблок с полдюжины, поярче, лично для меня!

Получив пакет, Гурьев протянул девушке три купюры по пять червонцев:

– Сдачи, как говорят у нас на Кавказе, не надо.

– Ой, что вы, – Рита потупилась, но деньги взяла – алчный огонёк промелькнул у неё в зрачках. – Ой, вы такой щедрый, мужчина! Может, коньяку хотите? Армянский, четыре звёздочки!

– Не теперь, – торжественно-таинственно прошептал Гурьев и подвигал бровями, как Дуглас Фербенкс ⁵. – Мне, к сожалению, пора. Всех благ, Ритуля, – и Гурьев, склонившись, чмокнул буфетчицу в щёчку – непостижимо элегантно для человека, у которого обе руки заняты комплексным обедом и десертом.

Ещё и поклонившись на прощание остолбеневшей Рите, он ретировался.

* * *

В купе он вывалил добычу на столик, где уже исходил крутым паром исправно доставленный кондуктором чай. Женщина посмотрела на Гурьева круглыми от изумления глазами:

– Учитель Вы, да?! – губы у неё прыгали, как сумасшедшие. – Учитель, да? Учитель...

– Да, – Гурьев опустил на диван. – Покормите ребёнка и сами поешьте, у вас лицо зелёное – невозможно смотреть.

Женщина разрыдалась. Гурьев не успокаивал её – молча сидел, выбивая пальцами по столешнице замысловатую дробь и смотрел в окно. А лицо было таким, словно не происходит ровным счётом ничего интересного.

– Мама, не плачь, – девочка подёрнула её за рукав. – Мама, я очень кушать хочу... Давай покушаем, мама, мам... Посмотри, какие красивые, это яблоки, да? Мама, а это что такое? – Катя схватила ананас за зелёный хвост.

Женщина перестала всхлипывать и посадила дочку на колени. Он расставил судки, достал нож – несмотря на то, что Гурьев раскрыл его за спиной под пиджаком и совершенно бесшумно, при виде хищного, матово-чёрного клинка попутчица всё равно вздрогнула – и приступил к разделыванию заморской диковины. Выложив кусочки ананаса на блюде, Гурьев придвинул лакомство Катюше:

⁵ Знаменитый в 20-е – 30-е годы XX в. американский актёр, снявшийся в советском фильме «Поцелуй Мэри Пикфорд».

– Ешь. И подружку свою не забудь покормить, она, наверное, ужас какая голодная.

– Ага...

– А как её зовут?

– Машенька, – еле слышно прошептала девочка.

– Ешьте, ешьте, Катенька и Машенька, – Гурьев улыбнулся. – Ехать нам целый день и целую ночь, так что следует хорошенько подкрепиться.

Глядя на негладных своих попутчиц, Гурьев шурился и делал вид, что пристально и с интересом разглядывает чеканку на подстаканнике, – мужественно сражаясь с непреодолимым желанием смять его в кулаке, как фольгу.

Закончив с едой, женщина уложила Катю спать. Та не нуждалась в долгих уговорах – уснула тотчас же, крепко прижав к себе куколку. Женщина достала платок, вытерла глаза и несмело улыбнулась Гурьеву:

– Извините меня... Вы... Вы ведь не следователь, правда?

– Нет. А что – похож?

– Не знаю... Не очень. То есть... Нет, нет, совсем не похожи!

– Ну и замечательно, – Гурьев нарочито рассеянно провёл рукой по щекам, будто проверяя, не сильно ли отросла щетина. – Вы успокойтесь. Приедете домой, всё будет нормально. Не станут вас там искать.

– Откуда вы знаете?

Гурьев только плечами пожал:

– Знаю. Как вас зовут?

– Вера.

Гурьев назвал себя и скользнул глазами по стоптанным в прах Вериним туфлям:

– И давно вы так... скитаетесь?

Что-то было в его тоне, голосе, взгляде такое, что Вера заговорила безо всякого страха. Как это назвать словами, она не знала. Просто почувствовала, как тоненькая золотая паутинка протянулась от Гурьева к ней. Просто поняла: Гурьеву – можно.

– Полтора года. Почти...

– Что?!

– Когда Серёжу – мужа моего – арестовали, мы с Катей к моей подруге жить ушли. Просто она человек очень хороший, понимаете? С работы меня выгнали почти сразу, а из квартиры мы сами ушли. Если б не ушли, нас бы через неделю забрали бы следом, а то и скорее ещё... Да что я вам... Вы же знаете. Вот. Сергей инженер, он в конструкторском бюро Лифшица работал, они Днепрострой проектировали, их всех вместе и забрали, в одну ночь... А в квартире опечатано было всё, деньги, документы, вещи – в чём были, в том и ушли. Пока у Марии жили, я ей по хозяйству помогала, подъезды меня взяли убирать... Правда, когда заплатят, а когда и... Иди, говорят, вражина, а то в милицию сейчас! Я возвращаюсь позавчера с уборки, а Мария стоит в дверях и Катю одетую за руку держит – уходите, говорит, час назад участковый заявлялся, спрашивал, кто такие, почему без прописки? Две ночи на путях ночевали, прятались, чтобы наряд не застукал, а сегодня почему-то у входа на перрон не было контроля, я и решилась – будь что будет, всё одно не дадут жить нам.

– Ясно.

Гурьев коротко кивнул и стиснул зубы. Интересно, в «шарашку» или в расход? Они же не все попадают в «шарашку». Мы не можем взять всех. Почему, чёрт подери, почему не всех?! Ну, ладно, рабский труд на благо Родины, даже если это рытьё канав, дороги в никуда, прииски или дурной, без разбора и смысла, лесоповал, истребляющий не только деревья, но и всё живое вокруг, – это я ещё могу хоть как-то осознать. Не простить, не понять, – но уяснить это ещё как-то возможно. Но стрелять-то зачем?! Это вечное, вечное, неизбежное, не то византийское, не то ордынское, не то из обоих зловонных колодцев сразу – «бей своих, чтоб чужие боялись».

И никак не понять им, убогим: чужие не боятся, когда свои лупят своих же. Они злорадствуют. Мы наш, мы новый. Вот за это, Степан? За это, Сан Саныч?! Ничего нового. Всё старое, как тлен.

– Знаете, я, когда вас увидела...

– Не надо, Верочка. Я понимаю. Всё в порядке.

– Яков Кириллович... Вы... Как вы не побоялись с этим... с кондуктором? А если бы он не послушал... или в милицию... – Вера запнулась. – И не страшно вам?

Гурьев посмотрел на Веру, и едва заметная усмешка тронула уголки его резко очерченных жёстких губ.

– Отчего вы молчите? – тихо спросила Вера. – Я глупые вопросы задаю, да?

– Это в вашем положении простительно. А молчу я вовсе не по причине природного хамства, поверьте. Давайте на «ты», хорошо? Я если и старше, то совсем не намного.

– Хорошо.

– Ты на Кузнецком была?

– Это в справочной? Была. У меня передачу даже ни разу не приняли.

Гурьев покачал головой и полез за папиросами. Потом поднялся:

– Отдыхай, Веруша. Тебе выспаться надо как следует. Приляг, я выйду воздухом подышать.

Вот так всегда. Всегда и со всеми. До дна быстротекущих дней, – он стоял в тамбуре, слушая свист ветра, перемежаемый громоханием колёс на стыках. – Где же мне сил на всё это взять?! Лучше б ты был, Господи. Ей-богу, так было бы для всех лучше. И для меня, наверное. Как и для всех остальных. Ну, а поскольку Тебя нет... На нет, как говорится, и суда нет. Только Особое совещание. Так что придётся самим. Самостоятельно. С помощью лома и такой-то матери. Ничего, ничего. Мы исправимся. Мы обязательно исправимся и всех их передавим. Мы исправимся. Исправимся. И справимся.

Гурьев сжал кулаки, закрыл глаза и медленно сел на корточки, прижимаясь к стенке вагона. И долго ещё сидел так.

Симферополь. 28 августа 1940

Когда длинная зелёно-голубая змея состава вползла в просыпающийся город, солнце едва показалось из-за горных вершин. Гурьев разбудил Веру.

– Мы выходим здесь.

– Почему?!

– Так нужно, Веруша. Вставай.

Та хотела было поднять девочку, но он не дал:

– Не надо, я её понесу.

– Давай, я тогда твои вещи возьму.

– Это тоже лишнее. Я справлюсь, не волнуйся.

На привокальной площади он осторожно передал Вере спящую Катю, вернулся в вагон, вытащил на перрон свои вещи. Поманил пальцем носильщика, молча указал на чемодан – довольно внушительный, кстати. А вот тубус взял сам. На привокальной площади расплатился со служащим, снова передал Вере девочку и, кивком велев не двигаться с места, ушёл куда-то.

Через несколько минут Гурьев возвратился. Увидев его, выходящего из автомобиля, Вера, несмотря на строгое предупреждение ничему не удивляться, прижала ладонь ко рту.

По указанию Городецкого в Симферополе Гурьева встречал шофёр, чтобы отвезти в Сталиноморск – Гурьев хотел проверить, каковы автомобильные дороги на второстепенном направлении. Предполагалось, база перевалки грузов будет именно в Симферополе: и не в Сталиноморске, и на виду, а значит – хорошо спрятано. Стандартная синяя горкомовская «эмка», и шофёр – разбитной парень в лихо заломленной шестиклинке, явно гордящийся русым чубом из-под козырька. Он посмотрел на Веру с удивлением куда большим, чем она на него – уж очень не вязался её затрапезный вид с холёным московским гостем, явно серьёзным начальством, даром, что на артиста похож. А может, артист и есть. Во дела, подумал шофёр. Интермедия. Привязалось к нему это недавно услышанное в кино слово.

Гурьев усадил Веру с ребёнком на заднее сиденье, уместил свои вещи в багажнике авто – чемодан был изготовлен на заказ таким образом, чтобы помещаться в тесных багажниках отечественных «эмок» и «ГАЗов» – и сел рядом с шофёром.

– А в Сталиноморске куда, товарищ Кириллов? – спросил шофёр.

Услышав, как шофёр назвал Гурьева чужой фамилией, Вера вздрогнула и закусилась нижней губу едва не до крови.

– Краснофлотская, тридцать два, – откинувшись, Гурьев обернулся и указал подбородком на Катю: – Спит?

– Да. Спасибо.

– Что?

– Спасибо, – повторила Вера и не отвела взгляда, отважно встретив всплеск расплавленного серебра со дна гурьевских глаз.

– Это службишка, не служба, – Гурьев усмехнулся.

И, отвернувшись, за всю дорогу не проронил больше ни слова.

У калитки «эмка» остановилась. Гурьев помог Вере выйти:

– Ну, вот вы и дома.

– А ты сейчас куда?

– В гостиницу.

– Ты не сердись на меня, – тихо попросила Вера. – Я просто забыла уже, что это такое, когда рядом кто-то, – она помолчала и добавила шёпотом: – Как ты.

– Я понимаю, – Гурьев прищурился, глядя поверх её головы. – Я не сержусь, Веруша. Ни капельки. Вот совершенно.

– Может, хоть вещи у нас оставишь? – Вера крепко держала за руку Катю, норовившую вырваться и помчаться навстречу обещанным вкусным пирогам. – Пожить не предлагаю, понятно, откажешься...

– Понятно, откажусь, – Гурьев достал из кармана пиджака плотный конверт. – Здесь три тысячи, – видя, как Вера отшатнулась, он взял женщину за руку и вложил в неё деньги, сказал резко: – Ну же, это не милостыня. Отдашь потом... когда-нибудь. Лишними не будут, а у матери, смею предположить, фамильные бриллианты по полу не раскиданы.

– Яша, – Вера так сжала конверт, что побелели пальцы. – Яша, кто ты?!

Гурьев словно не слышал вопроса:

– Как только я со своими делами закончу – это несколько дней – позанимаюсь твоими бумагами. Сама никуда не ходи и лишнего в городе не светись. И осторожно. Всё, до свидания.

Не дожидаясь ответа, он вернулся в машину и кивнул водителю:

– Поехали.

– Куда?

– Сначала покатай меня по городу. А потом – в «Англетер», – Гурьев усмехнулся. – Или как это у них тут называется. На полчаса я тебя задержу, а после сразу домой поедешь. Давай, распишусь в путёвке.

Гурьев достал «Монблан» с «вечным» пером, и шофёр не удержался от завистливого вздоха, глядя на невозмутимо безупречное гурьевское ухо. И как это у него волосы-то держатся, пронеслось у парня в голове, ветер же, и на бриолин не похоже? Он буркнул «спасибо», спрятал подписанный бланк и тронул машину с места.

Город был именно таким, каким Гурьев и представлял его себе. Присутствие флота, хорошо оплачиваемого и молодого, жадного – до жизни и вдруг открывшихся удовольствий – флотского комсостава, пусть и не такого многочисленного, как в Севастополе; и вместе с тем – огромное количество курортников, организованных и не очень, – сообщали здешней атмосфере ту самую, почти забытую им уже, невыразимую лёгкость бытия, какую невозможно было встретить в набитой «номенклатурой» и страхом Москве или промозглом, вылизанном волнами чисток и высылков Питере. Как будто и нет ничего. Как будто всё замечательно. Ни очереди, ни серых пальто, ни панбархатных жакетов. Кафе-мороженое, фабрика-кухня, санаторий «Приморский», пансионат «Шахтёр». Ресторан «Астория». Коммерческий, надо же. Немного похоже на Фриско. Эти горы... О-о, подумал он, усмехаясь про себя. Вспомнила баба, как девкой была. Не была ты никогда девкой, дурная баба. Приснилось тебе всё. Есть только вот это. Здесь и сейчас.

Зарегистрировавшись в гостинице и оставив в номере вещи, Гурьев направился представляться.

Где-то ближе к одиннадцати, после обязательного визита, нанесённого заведующему городским отделом народного образования, Гурьев подошёл к Первой школе. Огромное здание бывшей классической гимназии, выстроенное в конце прошлого века, едва просвечивало сквозь густую листву каштанов и лип. Он легко взбежал на высокое крыльцо, отворил тяжёлую дверь и очутился в длинном мрачноватом вестибюле. Было тихо – до начала занятий оставалось три дня.

Гурьев поднялся по широкой парадной лестнице, подошёл к кабинету заведующей, постучал:

– Можно?

– Да-да, входите!

Он шагнул внутрь. За столом у величественного арочного окна сидела миниатюрная, как статуэтка хаката ⁶, пожилая женщина в чеховском пенсне. Несмотря на рассиявшийся на

⁶ Хаката – уникальное производство керамических фигур на острове Кюсю, широко известное со времени Всемирной

улице довольно жаркий августовский день, плечи её укрывал толстый оренбургский платок. Она поднялась навстречу Гурьеву, и он увидел – возраст никак не отразился на её фигуре, по-прежнему изящной, словно у юной курсистки.

– Здравствуйте, – Гурьев чуть наклонил голову и назвал.

– Анна Ивановна Завадская. Я очень рада, – сердечно сказала женщина и протянула Гурьеву руку, с удивлением разглядывая его и только теперь понимая, отчего так странно звучал голос заведующего ГОРОНО, решившего почему-то лично предупредить её по телефону о прибытии нового работника. – Да вы садитесь, голубчик, а то мне и смотреть на вас несподручно, – она улыбнулась и гостеприимно указала Гурьеву на кресло, сама опускаясь в такое же напротив. – Экий вы великан, однако. Я вас себе несколько иначе представляла.

– Не вписываюсь в образ? – вскинул брови Гурьев, протягивая ей документы.

– Это вовсе даже неплохо, – возразила Завадская, просматривая бумаги, – во всяком случае, мои головорезы станут относиться к вам с должным почтением. – Она прервалась на полуслове, углубившись в чтение.

Читай, читай, голубушка, незаметно вздохнул Гурьев. Всё там правильно и хорошо, вот только с характеристикой декан перестарался. Ну, да исправлять было уже никак не с руки.

Умевший читать по лицам лучше, чем многие по бумаге, Гурьев всё-таки мыслей читать не умел. И – к счастью.

Какой старой я стала, думала Завадская, невидящим взглядом уставившись в бумаги. Оказывается, я совершенно забыла, что на свете бывают такие мужчины. Такие. Такие уверенные. Такие красивые. Такие... большие. Что же он делает здесь, Боже мой?!

Закончив, Завадская сняла пенсне, протёрла его уголком платка и водрузила на место:

– Ну-с, рассказывайте. Какими судьбами к нам?

– Так там же всё написано, – удивлённо пожал плечами Гурьев, – по распределению.

Завадская укоризненно покачала головой:

– Яков Кириллыч. Я не ребёнок. У Вас... неприятности? Скажите честно. Если нам работать вместе, будет лучше, если вы всё сразу расскажете. Меня вам не нужно опасаться, голубчик...

Действительно дисквалифицировался, сердито подумал Гурьев. Не может быть такого. Женщины. Он вздохнул.

В следующий миг с ним как будто что-то произошло. Что, Завадская не сумела бы объяснить. Но перемена была, – разительной.

– Анна Ивановна, – Гурьев подался вперёд и чуть наклонил набок голову. Как птица, почему-то подумала Завадская. Огромная, прекрасная, хищная птица. – Вам учитель литературы нужен?

– Да, – колебавшись, кивнула Завадская. – Но на романтика вы, извините, не похожи. Вы уж, пожалуйста, не обижайтесь. У нас ведь рутина, голубчик. Надолго ли вас хватит? Я предпочитаю иметь дело с постоянными людьми, а не с моряками.

– Моряками? А, понял, – Гурьев улыбнулся, – которые поматросили и бросили?

– Именно.

– Ну, добро, – окончательно развеселился Гурьев.

Внешне, впрочем, это никак не выразилось. Вы прелесть, Анна Ивановна, подумал он, вот только проверяете вы не то и не так. Что ж, спишем это на отсутствие специальной подготовки. Милая, я же приехал, чтобы вам помочь. Нам помочь. Всем. Себе тоже.

– Я приехал, чтобы вам помочь, – вслух повторил Гурьев. – Меня не нужно учить, что делать, если Петя разбил окно, а Маша испачкала стену чернилами. А что касается провинции, – он, чуть прищурившись, посмотрел на Завадскую, – в большой империи провинция

возле тёплого моря – самое благодатное место, равно удалённое и от метелей, и от августейшего внимания. Говоря словами классика, – минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь.

В глазах Завадской радость боролась с удивлением и страхом. До чего ж мы не умеем прятать наши эмоции, грустно подумал Гурьев. И я такой же. Несмотря на всю науку.

И радость у Завадской, наконец, пересилила и удивление, и страх:

– Ого... А Вы, оказывается, орешек! Что ж. В таком случае, добро пожаловать!

– Спасибо. Я знал, мы поймём друг друга, – и Гурьев улыбнулся весело и открыто.

– Яков Кириллович, а почему – на пол-ставки? Я понимаю, с кадрами ситуация напряжённая, но... Вы ещё где-то будете?

– Буду.

– Вот как, – Завадская разочарованно отвела взгляд.

– У меня есть важное дело здесь, Анна Ивановна, – тихо произнёс Гурьев. – Ужасно важное и крайне срочное. Поэтому я возьму только литературу. Без русского языка.

– Что же за дело, голубчик, Яков Кириллыч?

– Раскопки в крепости. Ну, и кое-что ещё, в общем, важное – и не проговариваемое вслух.

Завадская долго смотрела на Гурьева. Потом устроилась поглубже в кресле и поджала губы:

– Если вас не затруднит...

– В том-то и дело – затруднит, – Гурьев вздохнул. – Затруднит, и весьма. Я вам скажу только то, что могу пока сказать. То есть практически ничего. Но проект с раскопками – очень ответственный. А заниматься техническим обеспечением проекта поручено мне.

– Кем поручено?!

Перед глазами у Гурьева встало лицо Сталина – изученное за долгие годы до мельчайших деталей, серое от чудовищного напряжения непомерной власти; низкий, прорезанный морщинами лоб, испещрённые глубокими оспинами щёки, нос со склеротическим прожилками выступивших на поверхность сосудов. И жёлтые, тигриные глаза мудреца и убийцы, насмешливые, понимающие всё на свете. Ничего ты мне не поручал, мегобари ⁷, подумал Гурьев. Я сам себе всё поручил.

– Центральным Комитетом, Анна Ивановна.

– Как?! Кем?!

Гурьев виновато развёл руками.

– А здесь... Но ведь здесь... Здесь ничего нет, – удивлённо приподняв брови, сказала Завадская. – Эту крепость всю перекопали... Вдоль и поперёк. Там ничего нет. Я имею ввиду – ничего государственно важного. Да и не может быть!

– А легенда? О генуэзцах? О мальтийских рыцарях? Вы разве не слышали?

– Слышала, я же выросла здесь, – пожалала плечами Завадская. – И переболела этим, как все дети в округе. Но там ничего нет. Это легенда, да и та...

– Давно умерла, хотите сказать? – улыбнулся Гурьев. – Нет, нет. Жива, Анна Ивановна, жива.

– Но... ЦК?! При чём тут ЦК?! Сейчас, когда...

– Именно сейчас.

– Что же там может быть?!

Гурьев пожал плечами – такой бесконечно-безразличный, великолепный жест – и улыбнулся, но промолчал.

– И я совершенно не понимаю, к чему вот такое... инкогнито.

⁷ Мегобари – друг (грузинск.)

– К тому, Анна Ивановна, что приезд большущего и страшного московского барина – это совершенная глупость, которая ничуть не помогает работе, вносит ненужную нервозность и всё, буквально всё, идёт наперекосяк. К тому же – я не барин, а всего-навсего мелкий технический сотрудник аппарата, которому поручено на месте разузнать кое-что, подготовить почву – и сделать это лучше и правильнее, если о моих задачах будете осведомлены только вы и моё руководство в Москве.

– А Фёдор Афанасьевич...

– А Фёдор Афанасьевич знает, что ему положено, и ни словечком больше.

Завадская снова надолго замолчала. Она даже перестала рассматривать Гурьева, почти отвернулась от него даже, теребя кисти платка... Он ждал. Давай, подумал он, давай, дорогая, вспомни, зачем ты здесь. До пенсии всего ничего, я всё понимаю, но ты же не за пенсией пошла в девяносто шестом на только что открывшиеся Императорские Учительские курсы, совсем не за пенсией, – за чем-то другим? Вспоминай, Анна Ивановна. Вспоминай, хорошая моя.

– А какое отношение имеет ко всему этому наша школа? Я сама, наконец? Почему вы мне всё это рассказываете?!

– Ну, как же?! – удивился Гурьев. – Раскопки – раскопками, Центральный Комитет – Центральным, как говорится, Комитетом, а работать-то мне предстоит у вас и с вами. Под вашим началом и руководством. Так что не вижу ничего странного. Опыт учителя, наставника у меня очень скромный, поэтому даже и не понимаю, как можно предполагать обойтись без вашей помощи и поддержки. А с раскопками – помогут ещё и школьники, особенно с вашего соизволения. Дело интересное, нужное: история родной страны, родного края – это важно, архиважно, я бы сказал. Историческая практика. Практическая история, – вот, пожалуй, наилучшее определение.

– А почему тогда – литература? Почему – не история?!

– Потому что литература – это история в наиболее увлекательной, доходчивой форме, Анна Ивановна.

– И что же? Вы будете... просто учителем? На полставки?!

– Буду, – кивнул Гурьев. – С огромным удовольствием. И вы скоро убедитесь: я вам нравлюсь – в том числе и как учитель.

– И что же, бумаги ваши... настоящие? Все – настоящие?

– Абсолютно. А говорю я вам это – про раскопки и важное поручение Центрального Комитета – для того, чтобы вы знали: я иногда буду совершать экстравагантные, неожиданные поступки, а вам при этом лучше всего делать вид, будто всё совершенно нормально. И чтобы вы не боялись – ощущайте за своей спиной всю мощь Центрального Комитета. Нашей родной коммунистической партии. Большевиков.

Если бы Завадская не была абсолютно уверена, что это невозможно – она могла бы поклестся: в голосе сидящего перед ней человека звучит насмешка. Откровенная – и более чем язвительная. Но ведь это невозможно, подумала Завадская. Нет. Нет, решила она окончательно. Нет. Мне показалось.

– Что – всей?! – она приподняла брови.

– Целиком.

Заведующая долго рассматривала Гурьева, прежде чем нарушить молчание:

– Вы ведь не расскажете мне, что происходит. Что – вообще – происходит?

– Нет, Анна Ивановна. Поверьте, так правильно.

– Хорошо, – Завадская вздохнула и посмотрела на Гурьева. – Хорошо, Яков Кириллыч. Можете располагать мной в полной мере. А насчет классов... Два десятых и три девятых. Два восьмых. Классы не такие уж и большие.

– Разберёмся, Анна Ивановна, – Гурьев кивнул, заложил ногу на ногу и сцепил пальцы в замок на колене. Рукава сорочки чуть-чуть приподнялись, и Завадская с изумлением увидела

на его левом запястье часы – странные, блестящие, явно и вызывающе заграничные, а на правом – массивный браслет кованого червонного золота, с затейливой славянской вязью, но не произнесла ни звука. Потому что он весь был такой, этот непонятный молодой человек, говорящий невероятные, едва ли не смертельно опасные вещи с таким видом, как будто нет ничего обыденнее и проще. Что же – получается, в Центральном Комитете вот такие – теперь – работают?! Молодые, яркие, нездешние какие-то. С такими глазами. Да этого же просто быть не может. Выдумка? Мистификация?! Боже мой, да кому же придёт в голову такая чудовищная идея?! Не может быть. А – есть. Подождите... А с чего я взяла, будто он – сотрудник ЦК?! Он же сказал – «поручено»?! Всего-навсего – «поручено»?! Да – или нет?! Что же происходит?!

Она зябко повела плечами и стянула пальцами платок у самого горла – и всё-таки решилась задать страшный вопрос:

– Вы работник ЦК?

– Я школьный наставник, обременённый важным, ответственным поручением, которое не имею права не выполнить, Анна Ивановна, – ласково проговорил Гурьев. – Это всё. Извините меня, пожалуйста – это действительно всё.

– Что ж, – Завадская поняла: стена. За много лет – она научилась понимать такое. И, в общем, даже привыкла. – А на сегодня какие планы у вас?

– Осмотреть окрестности.

– Понятно. Не откажетесь отобедаете со мной? Буду ждать вас к четырём часам.

– С удовольствием. А сейчас – разрешите откланяться, – и Гурьев поднялся.

Сталиноморск, гостиница «Курортная». 28 августа 1940

Закрывшись в номере, он присел на кровать, вздохнул, задумчиво помял рукой подбородок. Потом поднялся, взял тубус, открыл. И через мгновение ощутил в ладони привычное живое тепло рукоятей Близнецов.

Мягкий, еле слышный щелчок фиксатора, – и седая, покрытая дымчато-переливающимся, словно струящимся полупрозрачным узором сталь клинков показалась на свет. Медленно, словно осматриваясь, мечи выдвигались, повинаясь живительным токам, идущим от ладони Гурьева.

– Знакомьтесь, Близнецы, – тихо произнёс Гурьев. – Пока мы живём с вами здесь.

Он провёл несколько ката ⁸. Близнецы остались довольны. Гурьев и Близнецы понимали друг друга и вместе могли очень многое, если не всё. Меч – это больше, чем оружие. Меч – Струна Силы. Именно меч собирает воедино всё искусство воина – от рукопашного боя и сюрикэн-дзюцу ⁹ до умения останавливать врага взглядом, – любого врага. Меч – Судья, Наставник, Друг и Брат воина. Продолжение руки, мера и средоточие воинского Духа. Меч – живой. Меч – Альфа и Омега. Двойной Меч.

Гурьев вложил клинки в ножны и аккуратно закрыл тубус:

– Спасибо за урок, Близнецы.

Тёмно-коричневая кость, из которой были сделаны ножны-рукояти Близнецов-ширасайя ¹⁰, всегда была тёплой. Какому животному принадлежала эта кость, Гурьев так и не выяснил. Хотя интересовался в своё время, и ещё как. Просто поверить в сказанное Накадзимой, – кость из гребня Дракона, – он так и не решился. Может, и зря. Ну, какие, в самом-то деле, драконы ещё, невесело усмехнулся Гурьев. Драконов не бывает. А всё, что случилось со мной, со всеми нами, – разве бывает?!

Гурьев достал из саквояжа фотографические планы города и крепости, сделанные с самолёта по указанию Городецкого. Снимки были просмотрены и изучены до дыр, и привязаны к карте ещё в Москве, и теперь Гурьев хотел проверить всё на местности, благо вид из окна весьма к этому располагал. Он вытащил небольшой, но мощный бинокль с просветлённой оптикой и нанесённой внутри сеткой дальномера. Расстояние от Гурьева до Главной башни – три тысячи восемьсот метров. Плюс-минус десятая процента. И высота над уровнем моря – метров шестьдесят с хвостиком, прикинул он.

Странная всё-таки фортеция, подумал Гурьев. Словно специально тут стоит, меня дожидается. В качестве приюта для горожан, спасающихся бегством от захватчиков, мало подходит, – высоко больно, серпантин крутой, узкий, две повозки не разъедутся. От бухты далеко и наискосок – даже с нынешней артиллерийской техникой держать оную под прицелом затруднительно. А площадка наверху огромная. Может, рельеф береговой был другим в те времена? Красиво стоит, слов нет, однако же с точки зрения военного специалиста на удивление бесполезно. Словно сама для себя выстроена, а до всего остального ей и дела нет. Это здесь, подумал он. Это здесь.

Всё, что можно было увидеть обычным зрением, Гурьев увидел. Он лёг на кровать, закинул руки за голову, закрыл глаза и позвал Рранкара.

⁸ Ката – упражнения комплекса боевых техник, выполняющиеся, в отличие от произвольной программы, по строгому, раз и навсегда определённому канону.

⁹ Сюрикэн-дзюцу – искусство бросания острых предметов, иногда обозначает умение бросать любые предметы с целью поразить противника в бою.

¹⁰ Ширасайя (сирасайя) – меч, выполненный «под посох» (меч странника). Когда клинок находится в ножнах, рукоять плотно примыкает к ним таким образом, что стык малозаметен и меч действительно можно принять за посох.

Огромный беркут, распластав могучие чёрно-коричневые крылья, парил над руинами, – так высоко, что с земли казался точкой. Зато Гурьев, рассматривая крепость глазами птицы, видел каждую ямку, каждую трещинку на камне, каждую песчинку. Прошло не менее четверти часа, прежде чем Гурьев отпустил орла.

«Спасибо, Солнечный Воин. Доброй охоты!» Ощувив встречную волну тепла от беркута, Гурьев открыл глаза, и зрение вернулось в обычный режим.

Улыбнувшись и сев на кровати, Гурьев встряхнулся. Рранкар был первым. Самым первым, с которым Гурьев научился вот так – «разговаривать». Птица. Птица – глупое слово. Птах. Пернатый бог, безраздельный властелин высоты и чистого неба. Конечно, это не было разговором, людским разговором при помощи слов. Обмен мыслями-картинками. Образами. Так было очень, очень легко. Гурьев никогда не подчинял беркута своей воле, как и другую живность, только «просил». И не было случая, чтобы птах не выполнил просьбу друга. Чего бы это ему ни стоило. Когда-то Рранкар был единственным надёжным средством «мгновенной» связи – да и то лишь в том случае, когда находился рядом с человеком, с которым Гурьеву требовалось войти в контакт. А теперь – техника. Почему-то мы доверяем технике значительно больше, чем живым существам. Чем людям. Чем самим себе.

Пора было отчитываться перед «начальством». На этот раз все детали операции и вопросы прикрытия находились в компетенции Городецкого, и начальством поэтому числился Сан Саныч. Ну, во всяком случае, по форме. Гурьева никогда не интересовали иерархические формальности. Потому что оба они – и Городецкий, и он сам, как, впрочем, и все остальные, – прекрасно знали, кто главный и в чём.

Гурьев поднялся, достал из чемодана плоскую коробочку из чёрной литой пластмассы с тумблером, кожаный чехол с «комбинатором» – так назывался на их внутреннем жаргоне довольно устрашающий гибрид пассатижей, ножниц по металлу, лезвий, пилок, отвёрток и бог знает чего ещё (результат сотрудничества Базы, Ладягина, с его неистощимыми выдумками, и златоустовских сталеваров) – и приступил к священнодействию. Через десять минут всё было готово.

Люкс с телефоном, подумал Гурьев. Как приятно быть молодым, здоровым и богатым. Куда приятнее, чем лагерной пылью. Ничего. Ничего. Это ведь ещё не конец, не так ли? Всё только начинается.

Он снял трубку, накрутил на диске номер коммутатора:

- Барышня, Москву, пожалуйста. Три – тридцать – пять.
- Соединяю.

В динамике несколько раз щёлкнуло, – ох, связь, связь, удержал Гурьев рвущийся наружу вздох, – и потом знакомый голос бодро произнёс:

- Дежурный Веденеев. Слушаю вас.

Гурьев перекинул тумблер на коробочке. Теперь в наушниках у тех, кто захотел бы подслушать беседу Гурьева с Москвой, звучал разговор, никакого отношения ни к Гурьеву, ни к его делам не имеющий. Шесть транзисторов, новомодных английских штучек, и два реле. Питание – от напряжения телефонной линии.

- Здорово, Василий. Царёв. Давай мне секретаря, я соскучился.

– Слушаюсь, Яков Кириллыч, – совсем весело отозвался Веденеев. – Узнал Вас! Как там погода? Небось отличная?

- Угадал. Загораю.

– Везёт же Вам, – почти натурально изображая голосом чёрную зависть, вздохнул Веденеев.

- Ещё один, на этот раз – только один, щелчок.

- У аппарата.

- Здорово, секретарь.

- И тебе исполать, Гур, – проворчал Городецкий. – Как доехал, бродяга?
- Нормально. Только что обозрел объект. Завтра с утра залезу туда ножками, камушки потрогаю ручками. Дорога наверх – редкое нечто, однако.
- Ну, нашим воздушным шарикам плохая дорога – семечки. Ещё что?
- Пока ничего. Завтра отзвонюсь по результатам.
- Завадскую вербанул?
- Ты такой большой начальник, секретарь, – усмехнулся Гурьев, – но такой глупый, просто прелесть. Разве нужно таких людей вербовать? Два слова, полвзгляда.
- Ну-ну, полечи меня, учитель. Всё?
- Нет, не всё. Найди мне человечка. Лопатин Сергей Валерьянович, десятого года рождения, взяли в составе КБ Лифшица.
- Опять баба?!
- Варяг, не бузи. Какая разница?
- Зачем он тебе?
- Пригодится.
- Я не могу ГУЛАГ распустить по твоей просьбе. Ты знаешь.
- Найди его, Варяг.
- Я попробую. Теперь всё?
- Вроде всё пока.
- Добро. Загорай-купайся, сил набирайся. Как погода?
- Высший класс. Веденеев даст подробную сводку. У тебя?
- Осень в Москве, учитель. Равняется судьбе. Ничего я завернул, да?
- Ох, секретарь, – Гурьев вздохнул.
- До связи, Гур.
- До связи, Варяг.

Гурьев аккуратно положил трубку на рычаг и посмотрел на умолкнувший телефон. Тащить с собой в Сталиноморск аппарат «Касатки» не стоило – пока никаких особенных и частых переговоров не предвиделось, начнутся работы – тогда. Пока ещё слишком громоздкая штукавина. Ну, да не до жиру. Ладно. И так достаточно демаскирующих факторов. Интересно, как долго мне удастся бутафорить хотя бы вот по такому, сокращённому и урезанному донельзя, варианту?

Гурьев разобрал конструкцию, убрал «шалтай-болтая» в деревянную массивную коробку с папиросами, которую выставил на столик у кровати, телефонный шнур закинул на одежный шкаф. Хочешь что-нибудь спрятать – положи на виду.

А схожу-ка я, в самом деле, окунусь, подумал Гурьев, и посмотрел на часы. Половина второго, для солнечных ванн поздновато, а вот для морских – пожалуй, в самый раз. Он переоделся – лёгкие льняные брюки, рубашка с воротником «апаш», навыпуск, сандалии на босу ногу, мягкая полотняная кепка. Экипировка курортного бонвивана тщательно готовилась ещё в Москве. Нож – как и некоторые другие убойные детали повседневной формы, способные вызвать у неподготовленного индивидуума состояние коматозного изумления – он уложил в чемодан, снабдив закрытые замки нехитрыми метками, демаскирующими любые попытки вторжения. Оставил Гурьев только хронометр и браслет, с которыми никогда не расставался.

К своим противникам, или, как предпочитал именовать таковых сам Гурьев, спарринг-партнёрам, он относился без всякого пиетета. Они не были дороги ему даже как память, но это никак не мешало Гурьеву соблюдать необходимые, кое-кому казавшиеся иногда излишними, меры предосторожности. Помимо всего прочего, это способствовало поддержанию организма в тонусе постоянной готовности. Спарринг-партнёры, не отличаясь ни умом, ни сообразительностью, имелись, однако, в удручающих количествах, для которого наиболее адекватным эпитетом являлось избитое словечко «тьма», причём как в прямом, так и в переносно-метафо-

рическом значении. Кладбищенская серьёзность и непоколебимое самомнение спарринг-партнёров служили Гурьеву и Городецкому незаменимым подспорьем. Если бы не это, жить при свете яркого солнца социалистической действительности сделалось бы, наверное, совсем тошнотно.

Заперев номер и разместив контрольную нитку на замочной скважине двери, Гурьев покинул гостиницу.

Сталиноморск. 28 августа 1940

На берег, забитый отдыхающими – трудящимися и не очень – со всех концов Союза, Гурьев даже не собирался. Километра два западнее песчаная полоса упиралась в нагромождение камней, которое протянулось на расстояние, едва ли не превосходящее длину самого большого благоустроенного пляжа на этой части побережья. Песок там практически отсутствовал, только камни и галька, отполированные прибоем и прогретые солнцем. Огромные валуны и глыбы песчаника и известняка образовывали множество крошечных бухточек, полностью изолированных от чужого глаза и друг от друга. Перейти из одной в другую можно было лишь по узкой галечной кромке – или переплыть.

Это было именно то, что ему требовалось. Гурьев разделся, сложил одежду и спрятал её под внушительную каменюку в тени серо-желтой известняковой скалы, принявшей в результате многовековой эрозии весьма причудливую форму. Нравы соотечественников со времён военного коммунизма хотя и значительно окрепли, но всё же не настолько, чтобы добротную одежду можно было безнаказанно оставить на виду без присмотра. Он вошёл в воду и почти сразу нырнул, – глубина начиналась здесь совсем близко. Вынырнув, Гурьев поплыл вдоль берега сильными размашистыми гребками.

Воду Гурьев любил. Особенно морскую, – нигде человеческое тело не чувствует так свободно и легко, как в морской воде. Возвращение к истокам... Кто сказал, будто человек произошёл от обезьяны? Чепуха. Если и от обезьяны, то, без сомнения, морского базирования. А, скорее всего, вообще от какого-нибудь Большого Отца-Тюленя. Гурьев усмехнулся, ещё раз нырнул и, вынырнув, медленно поплыл на спине.

То, что Гурьев увидел на берегу, проплыв метров сто пятьдесят, ему страшно не понравилось, – прежде всего потому, что требовало немедленного вмешательства. Девушка в кольце восьми здорово разогретых парней из разряда мелкой городской шпаны. Шпана чувствовала себя вполне привольно – вокруг, кроме девушки и наблюдающего с моря Гурьева, не было ни души. Только вода и скалы. Гурьева они видеть не могли – пока. Очень смешно, подумал Гурьев. Обхохочешься.

Некоторые детали Гурьева насторожили, – и сильно. Исходя из конфигурации прибрежного ландшафта и диспозиции сторон, случайная встреча – «ба, какие люди, и без охраны!» – полностью исключалась. Девушку, безусловно, «выпасли», – чем чёрт не шутит, возможно, и задолго до наблюдаемого эксцесса. Кроме того. Шпане полагалось – в соответствии с классикой жанра – радостно гоготать и отпускать сальные реплики. В действительности шпана сжимала кольцо вокруг девушки молча. Ну, не молча, конечно же, но необычайно тихо. Кроме того, их было как-то подозрительно много. И всё это вместе... Некоторые не умеют ни смотреть, ни видеть. Кое-кто смотрит, но не видит. Смотреть и видеть умеют немногие. Гурьев относился именно к последним.

Собственно, у него было не так много времени на размышления: верхней детали «купальника» на девушке уже не было, на бедре алел длинный, даже с такого расстояния хорошо различимый, порез, и вообще всё было плохо-плохо, – ситуация держалась просто на честном слове, причём Гурьев под этим словом свою подпись не поставил бы ни за какие коврижки. А расстояние, хотя и не бог весть какое значительное, требовалось всё же проплыть. Сорок – сорок две секунды, подумал Гурьев. Количество нуждающихся в спасении возрастает просто в логарифмической прогрессии. Интересно, что это означает, – что я на месте или наоборот? И Гурьев рванул к берегу, как торпеда.

Он вылетел из воды и взглянул на хронометр – тридцать восемь секунд. И три терции. Мировой рекорд, усмехнулся Гурьев. Ну да, ну да. Это службишка – не служба.

– Эй, – тихо произнёс Гурьев, глядя куда-то мимо и вверх. – Всё.

Оружейного металла, отчётливо лязгнувшего в этих двух коротеньких словах – даже, скорее, междометиях – в общем, хватило. Семеро из участников представления отреагировали, как выражался в таких случаях любимый адъютант кавторанг Осоргин, «штатно»: позеленели и начали пятиться, озираясь, ясно давая понять, что их тут не стояло и вообще они так, погулять вышли. Зато восьмой, – восьмой оказался тем, что называется на оперативном жаргоне «головная боль». Настоящая. О, встревожился Гурьев, осторожно и незаметно втягивая ноздрями воздух. И ведь он не такой уж и пьяный. Это была очередная странность. Странностей Гурьев не любил. Не выносил просто. Терпеть не мог. Ненавидел. Не пьяный, а «выпимши». То есть принял, конечно, но только для храбрости. Для куража. И девушку порезал, и стоял так, – грамотно. Девушка к морю не могла мимо него пройти. Никак. Остальные – мелочь, не стоят беспокойства, а это что за птица?! Парень был какой-то удивительно сальный, мерзко-сальный – поганый, один только вид его вызывал отчётливое ощущение тошноты. Ого, подумал Гурьев, ого. Чем дальше, тем меньше нравится мне всё это.

Гурьев был знаком с разными категориями наблатыкавшейся мрази и умел с ними обращаться. Подобная публика имела мало общего с настоящими блатными, которые, отведав однажды мягкость тюремных нар и божественный вкус баланды, вряд ли стали бы вот так, запросто, примерять на себя статью. Мразь же могла из праздного любопытства выпустить человеку кишки, чтобы посмотреть, как они устроены.

– Чё, на бога берёшь?! – парень был мускулистый, недавно стриженный под полубокс, в несвежей тельняшке и широченных, ничуть не более свежих штанищах по последней «пацанской» моде. Он картинно сложил перед собой ножик-«выкидуху» и снова нажал на кнопку. Открываясь, подпружиненный клинок звонко и зловеще ударился об ограничитель. – Битый фраер приканал, робя. Впрягается, бля. Щя я тя макну, бля!

Гурьев включил взгляд – тот самый взгляд, от которого люди впадали, мягко говоря, в сильное беспокойство и выказывали различные степени утраты психического равновесия. В общем, по ситуации. В зависимости от накала.

Напоровшись на этот взгляд, кореша тоже не заставили себя долго упрашивать. Развернувшись, будто по команде, они припустили что было мочи в сторону большого пляжа, нелепо подскакивая и разбрасывая тучи брызг. Дождавшись, когда кодла скрылась из виду, Гурьев перевёл взгляд на оставшегося парня, который, быстро и недоумённо оглянувшись, снова уставился на Гурьева своим непонятно застывшим, но отнюдь не пьяно-заторможенным взглядом. Он, похоже, вовсе не торопился следовать примеру своей свиты. Или с самого начала не очень на них рассчитывал, или они здесь совсем не для того собрались, чтобы девушку полапать и выпустить. Плохо-плохо, подумал Гурьев. Плохо-плохо. Начинать своё пребывание в тихом городе Сурожске с акции Гурьеву не хотелось. Но ничего иного как-то не вытанцовывалось. Плохо. Плохо!

Парень конечно же, тоже задёргался, побледнел – но не побежал. Было ясно – он кого-то боится, и боится пока больше, чем его, Гурьева. Опять конфликт ужасов. Сшибка. Парень медленно отступал, водя ножом перед собой: плавно слева направо и резко – в обратную сторону, с интервалом в три-четыре секунды перехватывая нож то одной рукой, то другой. Это уже здорово походило на достаточно примитивную, но всё же – школу. И не понравилось Гурьеву гораздо сильнее, чем всё предыдущее.

Нет, промелькнуло у Гурьева в голове, нет, ну, это же просто ни в какие ворота не лезет. Я приехал покопаться в земле, поиграть в учителя и принять кораблик, который сварганила для меня одна из лучших дочерей американской революции миссис Эйприл Оливер Рассел. Что вообще тут в этом курортном раю происходит?!

В состоянии боевого транса Гурьев ничуть не походил на берсерка: напротив, сознание его расширялось, впитывая информацию об окружающем, он словно бы видел всё происходящее с высоты – в том числе и самого себя. В этом состоянии он сохранял способность пол-

ноценно и отстранённо мыслить, хладнокровно рассчитывая и предугадывая действия противника по различным, в том числе далеко не каждому специалисту заметным, знакомым и понятным вазомоторным реакциям. При этом Гурьев и выглядел на редкость мирно: никаких угрожающих стоек, гортанных криков, колючих прищуров и прочей чепухи с ахинеей, которую так любят изображать дилетанты и боксёры-разрядники. И результат был скучен и однообразен, как справка из райсобеса: всегда один удар. Первый – и последний. Привычка такая – ничего не повторять по два раза. Никому. Точка. И момент постановки этой точки оказывалось возможным отследить только с помощью очень-очень дорогой и очень-очень специальной аппаратуры.

Всё случилось, как всегда, тихо, мгновенно и незрелищно. Голова парня запрокинулась, и он медленно осел на песок, превратившись в нелепую кучку тряпья. Гурьев перехватил выпавший нож в воздухе, легко разобравшись в нехитрой конструкции, сложил и длинно-стремительным движением зашвырнул далеко в море. Отслеживая застывшую позу девушки и отмечая где-то на периферии сознания – девушка определённо заслуживает его вмешательства и даже неизбежно следующих за таковым неудобств, – он присел перед парнем и прижал палец к его шее, нащупывая пульс. Его частота и наполнение Гурьева вполне удовлетворили.

Он выпрямился и быстро оценил диспозицию: то, что осталось от одежды девушки, в качестве таковой использованию не подлежало в принципе, – разве что полотенце. О-о, возмущился про себя Гурьев. Это же просто плохо написано. Просто притянута за уши и вбито коленом. Кто, кто сочиняет эти дурацкие сцены, – можно, я ему в рожу харкну?!

Однако тот, кто эту сцену написал, уже написал её, и переписывать в угоду утончённым литературным пристрастиям Гурьева вовсе не собирался. У него возникло подозрение, что даже смачный плевок мало что мог бы изменить в образовавшемся раскладе. Ну, решать что-то надо, вздохнул Гурьев. Значит, будем решать.

Переместившись в нужном направлении, Гурьев сам поднял полотенце и, набросив его на плечи девушке, подхватил её на руки и быстро, едва ли не бегом, направился прочь от места, где небольшая кучка тряпья у кромки воды не торопилась подавать признаков жизни. Девушка, резко выдохнув, обняла Гурьева за шею, прижалась к нему всем своим лёгким, сильным, тугим, горячим, вздрагивающим телом. Он даже едва не остановился – словно его пушистой лапой толкнули в грудь.

Он, в общем, относился к человеческим слабостям снисходительно. Ему, как никому другому, было отлично известно, какие процессы начинаются в организмах мужчин при появлении в поле их зрения таких вот девушек – с коэффициентом фертильности сто процентов с большим-пребольшим плюсом. Химия. И с ним самим это тоже происходило. Вот, – почти как сейчас. И, увидев покрытую мелкими гусиными пупырышками золотистую кожу на руке девушки, Гурьев осознал отчётливо и бесповоротно: с этого мига он отвечает за всё, что когда-нибудь случится с этим существом. Абсолютно за всё. Как же это опять меня угораздило, с неожиданной злостью подумал он.

Метров через пятьдесят Гурьев остановился и осторожно опустил девушку на землю, придерживая полотенце у её горла и не давая материи соскользнуть. Девушку всё ещё колотила нервная дрожь, но вместо мертвенной бледности на лице её, как он успел заметить, полыхал гневный румянец, и это могло Гурьева, в общем-то, только радовать. Он не делал никаких попыток отстраниться, и девушка, снова потянувшись к Гурьеву, уткнулась лбом ему в плечо и расплакалась – по-настоящему.

На этот раз Гурьев ни имел ничего против слёз – как признака наступающей эмоциональной разрядки:

– Ну, всё, всё, хорошая моя, – ласково произнёс он, осторожно проводя ладонью по спине девушки. – Всё. Всё позади.

– Я испугалась, – всхлипывая, пробормотала девушка. – Ужас просто, как я испугалась. Я ведь думала уже...

Гурьев прищёлкнул языком, не давая ей договорить:

– Не надо. Я же сказал – всё позади.

– Я бы с ними до последнего дралась. До последнего, – и то, с какой едва сдерживаемой яростью она это произнесла, Гурьев понял: да, дралась бы. И неизвестно ещё, кому бы больше досталось.

Девушка резко выпрямилась, вздохнула, отстранилась и бесстрашно заглянула ему в глаза. И Гурьев – «сделал стойку».

Нет, дело было совершенно не в том, что полотенце ничего не скрывало, а вовсе даже подчёркивало. И не в том, что девушка оказалась безоговорочно, несанкционированно и абсолютно бессовестно хороша, – безупречна. Не в этом было дело, не в этом. Во всей её фигуре, позе, выражении и чертах лица сквозило нечто, не имеющее ни характеристики, ни названия, нечто неуловимое – и при этом безошибочно угадываемое. Это же надо, подумал Гурьев. И как при такой говённой жизни, на таких говённых продуктах выросло такое чудо?! В сильном расцвете шестнадцати лет. Красивая. Ах ты, Господи, – да это же всё равно, что назвать чайный клипер просто «парусником»! И тем не менее – не в этом было дело. В другом.

Девушка, опустив руки, серьёзно смотрела на Гурьева. Не только глазами. И глазами, разумеется, тоже – чёрно-синими, как штормовое море. Но – не только.

Гурьев всегда уделял пристальное внимание форме. И это действовало, – ещё как действовало, – и на мужчин, и на женщин. При росте в метр девяносто два сантиметра он весил чуть-чуть меньше пяти пудов. Пять пудов мышц и сухожилий, каждая клеточка которых была протренирована насквозь, так, что могла явить, по желанию своего владельца, полный диапазон состояний – от свободной текучести воды до гибкости и твёрдости дамасской стали. Не объём, – рельеф. За какое-то мгновение весь спектр эмоций – от испуга к восторгу и снова к благоговейному ужасу – промелькнул в глазах у девушки.

Для вящего контраста с демократической модой текущего момента Гурьев предпочитал не сатиновые трусы семейного фасона, а был упакован в плавки из безусловно неизвестного девушке синтетического материала, чья эластичная и плотно-поддерживающая фактура подчёркивала отнюдь не одни лишь прелести мускулатуры. Учтя это, Гурьев счёл анатомическое любопытство, промелькнувшее во взгляде спасённой наяды, извинительным. Впрочем, вполне академический характер любопытства не вызывал у Гурьева сомнений. И это следовало, безусловно, записать девушке в актив, – становиться объектом, равно как и субъектом собственных юношеских страстей в планы Гурьева никак не входило:

– Даже если ты подумала, что я бесплотный дух, это не так. Тебе показалось.

Она быстро, но не поспешно, и это Гурьев тоже зафиксировал, захватила пальцами полотенце, прикрываясь.

– Нет, вы не дух, – улыbnулась она вздрагивающими губами – но глаза при этом оставались серьёзными и продолжали изучать Гурьева, – пристально. – Не дух, конечно. А кто? Осназ¹¹?

Надо же, какая наблюдательная, подумал он. Слова какие знает. Чудо, настоящее чудо. Ну-ну. Наступит, интересно, когда-нибудь время, когда девушкам в России не нужно будет ни знать таких слов, ни даже представлять себе, что такие слова вообще существуют? И думать о военных тайнах?! Нет, решил он. Я не доживу.

– Давай-ка я на царапину взгляну, – Гурьев, пропустив вопрос мимо ушей, так, словно он и не был задан, присел и быстро, профессионально пробежался пальцами по следу от ножа. На

¹¹ Осназ – отряд особого назначения, специальное (диверсионное) подразделение.

самом деле царапина, с облегчением понял он, даже шрафика не останется. А почему я думаю об этом?! Он выпрямился: – Ерунда. До свадьбы заживёт. Не били тебя?

– Нет, – девушка тряхнула волосами, – норовисто и сердито.

– Чудесно, – будто не замечая её гнева, Гурьев кивнул и продолжил: – План следующий. Моя одежда – метров сто восточнее по этому берегу. Наденешь мою рубашку, она сойдет за экстравагантный халат, и подождёшь меня у спасателей. А я схожу за таксомотором и отвезу тебя домой. Там переоденешься и вернёшь мне моё имущество. На всё про всё времени час, не больше, у меня дела. Как тебя зовут?

– Даша. Даша Чердынцева. А вы, всё-таки – кто? Вы ведь не флотский, загар у вас – не такой...

Это очень хорошо, Даша, подумал Гурьев совершенно спокойно. Это замечательно. И то, что ты Даша. И то, что Чердынцева. Не Мария не Иванова и не кто-нибудь ещё. Это очень хорошо. Очень. Дивно. Чудно. Прелестно. Восхитительно. Интересно, я что-нибудь – когда-нибудь – пойму?!

В личном деле Чердынцева не было никаких фотографий, кроме уставного снимка самого капитан-лейтенанта, – совершенно обыкновенного, такого, какими украшают кадры десятки тысяч личных дел красноармейцев и командиров по всей стране. О дочери в личном деле сведений содержалось и вовсе на полстроки – правда, Гурьев отметил: имя хорошее, настоящее, «несовременное». Вот и всё, подумал он. Конец маскировки, вся бутафория – псу под хвост. Проклятье. Как такое могло получиться?!

– Я учитель, – Гурьев вздохнул. – Литературы.

– Не рассказывайте, раз нельзя, – невзирая на полотенце, Даша исхитрилась пожать плечами. Она почти совсем успокоилась – удивительно быстро, и её больше не колотила нервная дрожь. Ах, молодость, молодость, подумал Гурьев. Есть всё-таки хоть какие-то преимущества. – Вам же нельзя. Я понимаю.

И опять посмотрела, – нет, вовсе не на хронометр и не на браслет. На два – Даша не знала, как правильно они называются, – предмета, висевших у Гурьева на шее на длинных цепочках. Один – из металла, похоже, серебряный, и ещё один, поменьше – из неизвестного Даше светлого камня. Гурьев отрефлексировал её взгляд:

– Ну да, – подтвердил он, придавая голосу необходимые беспечные модуляции. – Нельзя. Я только что приехал. Сегодня. Замечательный у вас город. Зелёный, солнечный, тихий – просто прелесть. А осназ – это что такое?

– Не смейте таким тоном со мной разговаривать, – сказала девушка, и глаза её сверкнули так, что Гурьев весь подобрался. – Я не певичка из кафешантана, а мой папа – капитан боевого корабля. Так что я знаю, что такое осназ. Понятно?!

Вот оно, решил Гурьев, вот оно. Как же это?! Не бывает такого. Не бывает, и всё!

– Извини, пожалуйста, – он вздохнул. – Конечно, я тоже знаю, что такое осназ. И ещё много чего знаю. И я не стану никогда больше разговаривать с тобой, как с певичкой из кафешантана. Никогда. Обещаю. Честное слово. Простишь меня?

– Прощу, – кивнула Даша. – Только если слово держать будете.

– Буду, – без всякого лукавства подтвердил Гурьев. – Но я действительно работаю в школе. А самбо – это хобби.

– Это не самбо, – очень спокойно и тихо возразила девушка. – Такого самбо не существует. Вы обещали.

– На самом деле это именно самбо, – резко, словно кнутом, стеганул голосом Гурьев. Не хватало мне ещё тебе историю создания универсальной боевой системы докладывать и свою выдающуюся роль в её разработке и развитии, усмехнулся он мысленно. – Но ты права: на соревнованиях по самбо такого не показывают. И не будут показывать. Никогда. Я доходчиво

излагаю? – И тотчас же, микшируя угрожающие нотки, улыбнулся: – Как считаешь, получится из меня учитель?

– Наверное, – Даша не очень неуверенно и с некоторой как будто опаской опять пожала плечами. – А где вы работать будете?

– В Первой школе.

– А я там учусь, – вдруг улыбнулась Даша. Улыбка была такая, что Гурьев едва не опрокинуло – мгновенная, неожиданная и разящая, как ночной выстрел в лицо. – Десятый «Б». Правда? У нас в школе?

Он кивнул, стараясь смотреть куда-нибудь поверх головы девушки. Лихорадочно пытаюсь понять, на кого она так удивительно, невероятно похожа. Похожа до такой степени – Гурьев готов был поклясться: эти глаза, эту мимику, моторику – он уже где-то видел. Где? Когда? И не мог никак вспомнить, – он, с его феноменальной от рождения, а потом развитой годами специальных упражнений зрительной памятью. Он даже испытал нечто, отдалённо напоминающее раздражение. Очень уж некстати оказалась внезапная «амнезия». Ну, а совпадение времени и места – просто не лезло ни в какие ворота. А тут ещё – такая улыбка.

– Правда. Значит, отец – капитан корабля. А это случайно не военная тайна?

– Нет. Капитан-лейтенант Чердынцев, эскадренный миноносец «Неистовый», – она так гордо это сказала, и так вскинула подбородок, – Гурьева проняло до самой печёнки. – Типа «Дерзкий». Который после «Новика» строили, того, балтийского, знаете?

– Знаю, – Гурьев сдержанно кивнул. Ну, надо же. – Он где, дома сейчас?

– Нет. Он... на работе. Мы с ним вдвоём, моя мама умерла, когда я родилась. Ну, просто, чтобы вы не боялись спрашивать. Я её даже не помню.

– Ясно. Что это за публика такая была? Может, расскажешь?

Он всё ещё надеялся, что это обычная история – хулиганы к девушке прицепились. Уже знал: это не так, но всё-таки – теплилась ещё надежда, крошечная совсем.

– Я их так, в лицо видела, некоторых. И... этого тоже. Только я с такими не вожусь.

А вот это даже я понимаю, подумал Гурьев.

– Вы ведь его не убили? – вдруг тихо спросила Даша.

– Нет, – отрезал Гурьев. А если да, подумал он, то что – будем вызывать милицию, составлять протокол и садиться в ДОПР? И почему мне так настойчиво мстится, что я напрасно не вышиб этой твари мозги на песок?! И небрежно махнул рукой: – Оклемается к вечеру. Далеко нам до места вашей с отцом постоянной дислокации топать?

– Не очень. Это на Морской, – после паузы произнесла Даша, снова посмотрев Гурьеву в глаза. Голос её прерывался от едва сдерживаемых слёз, но всё-таки второй раз она не заплакала.

– Ну, иди вперёд, я за тобой, – он чуть отступил, войдя в воду по щиколотку. – Типа «Дерзкий», значит.

– Мне косу заплести надо, – словно извиняясь, сказала девушка. – Что же я, такая расчёпанная, пойду?

Верно, подумал Гурьев. Косу заплести просто необходимо. А для этого придётся полотенце-то снять. Он вздохнул и демонстративно развернулся на сто восемьдесят градусов. И секунду спустя услышал Дашин голос:

– Можете смотреть, если хотите. Мне не жалко.

Гурьев едва сдержался, чтобы и в самом деле не обернуться. Не то, чтобы ему очень хотелось на неё посмотреть. Вот на её лицо он хотел бы посмотреть. В глаза, опять. Это – да. Это – вот точно.

Две минуты прошли в полном молчании. По доносившимся до него звукам Гурьев понял: туалет закончен, и полотенце находится опять на положенном месте. Он повернулся, улыбнулся, как ни в чём не бывало, и подбородком указал – подтвердил – направление.

Они двинулись. Отпустив девушку на несколько шагов, он смотрел, как идёт она по кромке воды. Да на кого же она так похожа, чёрт подери?! Эти глаза, этот взгляд. Волосы. Где, где я это уже видел? Работай давай. Качай, качай ¹² быстрее. Он вздохнул и буркнул:

– Одна просьба.

– Я знаю, – Даша живо обернулась и кивнула. – Я никому не скажу, вы не переживайте. Эта шпана только может проболтаться, а я – могила. Я же понимаю.

Что ты там понимаешь, почти рассердился Гурьев, что можешь ты понимать, прелестное дитя природы, растущее на черноморских скалах?! О-о...

– Всё равно вы на учителя не похожи.

– А на кого похож?

– На Ланселота.

– На кого?! – чуть не споткнулся на ровном месте Гурьев. – Начиталась ты, Даша, всякой чепухи.

– Ой. Я книжку там забыла, – Девушка умоляюще оглянулась на него.

– Что за книжка?

– Не по программе, – вскинула опять подбородок Даша. – «Красное и Чёрное». Жалко, я даже до половины не дочитала.

– Возьмёшь в библиотеке. Мы не станем возвращаться.

Дурёха романтическая, почему-то с нежностью подумал Гурьев. Книжки на камнях читает, под мерный рокот прибоя. Вот. Сейчас в тебя ка-а-а-к влетит весь этот заряд романтики. Обхохочешься.

– Ладно, что ж... Она, кажется, вообще в воду упала. Всё равно жалко. А вы с Аннушкой уже познакомились?

– С кем?!

– С Анной Ивановной. Мы её так все называем, она чудесная, не то, что некоторые!

– Познакомился. Если это можно так назвать.

Что-то ты очень уж смелая в разговоре с незнакомым мужиком при полном безлюдье и практически неглиже, подумал Гурьев. Это непосредственность такая или причина интереснее? Или я просто совсем уже спятил?

– А вы в каких классах будете преподавать?

– В старших.

– И у нас?

– Вероятно.

Даша остановилась и повернулась к Гурьеву. Он тоже остановился – в полном замешательстве, впрочем, умудрившись это достаточно успешно скрыть:

– Что?!

– Вы меня не бойтесь, Яков Кириллович, – проговорила Даша. – Я в вас влюбляться не собираюсь, даже не думайте, и мешать вам работать не буду. У меня папа – морской офицер.

– Офицер?!

– Да. Офицер. Я это слово не произношу обычно, знаю, нельзя. Но вам – можно. Вы – настоящий.

Ну да, подумал Гурьев. Мне – можно. За версту видать: никому нельзя, а этому вот – можно. Вот же влип.

– Даша.

– Я же говорю – вы меня не бойтесь. Я устав очень хорошо знаю.

– Устав?

¹² Качать (проф. арг.) – сопоставлять данные обстановки, информацию, анализировать и делать выводы.

– Это папа всегда так говорит. Устав учила? Учила. Что можно – то можно, а что нельзя – то нельзя. Вот.

– Суровый у тебя папа.

– Он капитан. Командир, ему иначе никак. Но весёлый тоже бывает... Хотя редко, – Даша отвела со лба прядь волос и смущённо улыбнулась, но глаза при этом сохраняли испытующе-серьёзное выражение. – Вы не сердитесь, пожалуйста. Я вам даже спасибо толком не сказала.

– Не стоит благодарности, – усмехнулся Гурьев.

– Дело не в благодарности, – Даша вздохнула и посмотрела туда, где мористее виднелись силуэты двух военных кораблей. – Не только в этом, хотя и в этом тоже. Вам ведь самому было приятно меня спасать. Но это же... Думаете, я не понимаю, да? Если бы не вы, мне от них ни за что не уйти было. Вообще – не уйти. А жить после такого... Разве можно после такого жить?

Жить можно не только после такого, подумал Гурьев. И после такого, и после другого всякого разного... дивушко. Дивушко, да. Настоящее дивушко. Уж ты мне поверь, девочка моя дорогая. После чего только не живут люди на свете – и после такого вот тоже. Ибо и псу живому лучше, нежели мёртвому льву. Это поганая философия, знаю я, знаю. Но – что же всё это значит, очень хотелось бы мне выяснить, и поскорее.

– Всё хорошо, что хорошо кончается, – мягко улыбнулся Гурьев, придавая лицу надлежащее выражение, а голосу – столь же необходимые модуляции. – И влюбляться в меня действительно ни в коем случае не следует. Тут ты совершенно в точку попала.

– Я знаю.

– Что ты знаешь? – удивился Гурьев.

– Я знаю, – упрямо повторила Даша, и глаза её потемнели. – Почему вы не вместе? Так же нельзя!

– Разве у меня на лбу что-нибудь написано? – печально спросил Гурьев.

– Конечно, написано, – девушка смотрела на Гурьева так, что ему захотелось превратиться в краба и забиться куда-нибудь под камень. – Огромными буквами. Только никто не умеет читать, а я умею. Вы ужасно ловко притворяетесь, конечно, но я-то всё равно вижу. Так почему?

– А это что же, – неразборчиво?

– Перестаньте сейчас же так ужасно улыбаться. Я же не из любопытства спрашиваю. Мне обязательно нужно знать, понимаете?

– Даша... Не стоит.

– У неё очень красивое имя, – медленно проговорила девушка. – Очень, очень красивое... Старинное какое-то... И она сама... Такая... Такая... Ну, что же это за безобразие-то, в конце концов?! Почему вы не вместе?! – Даша топнула ногой, и брызги дождём полетели во все стороны. – Почему, почему?!

Вот это да, обмер Гурьев, чувствуя, как побежали по спине, по локтям ледяные муравьи. Вот это да. Что ж ты не смеёшься, наставник заблудших? О, теперь тебе не до смеха?

– Рэйчел. Её зовут Рэйчел.

Он не знал, почему говорит это. Отчаянно не знал, но удержаться не мог. Он столько держался. Столько лет. Наверное, просто больше не было сил. Да что же я делаю такое, подумал он в ужасе. Как она в меня попала, – я просто оправиться не могу. Раскрылся, как последний салага на ринге, – такой удар пропустил. Совсем нух потерял, идиот. И повторил:

– Её зовут Рэйчел.

Лондон. Август 1939

Кроме Рэйчел, в кабинете находились двое, – её первый заместитель и советник по финансовым вопросам Оскар Брукс, сухопарый и чуточку надменный, и член комиссии по иностранным делам палаты Общин, депутат-виг Питер Каллиган. О присутствии ещё двух мужчин, сосредоточенно внимавших каждому звуку и ежесекундно готовых к бою, Каллиган даже не подозревал. Искусно замаскированные ширмы скрывали их от случайного или любопытного взгляда, а выучка этих двоих была безупречной.

То, что эти люди собрались здесь в столь неурочный день и час, свидетельствовало о ситуации, которую можно было без преувеличения назвать чрезвычайной. Была ещё одна причина, по которой разговор происходил именно тут. Это было едва ли не единственное место во всём Лондоне, где Рэйчел могла не опасаться чужих ушей.

Каллиган говорил довольно долго, как всегда, пересыпая свою речь множеством вводных оборотов и рисуясь перед Рэйчел своим искусством риторика и парламентского лицедея. Рэйчел это не мешало, – несколько не мешало выделять суть повествования и ни на секунду не выпускать разговор из рук, умело направляя Каллигана в нужное русло, когда тот уж слишком увлекался.

Зато Брукс злился. Ты, самодовольный павлин, думал он, ты что же, всерьёз полагаешь, будто ты интересен хоть сколько-нибудь для миледи – ты, болтун и повеса?! Да ты должен ползать на коленях перед ней только за то, что она сидит тут с тобой и терпеливо слушает твой порожний звон уже второй час подряд, улыбаясь тебе своей волшебной ангельской улыбкой, как будто ты и вправду что-нибудь значишь... Она, – она, этот ангел во плоти! Бездари, соглашатели, предатели и кретины. Даже детей этого несчастного русского царя вы побоялись вывезти сюда, не говоря уже о нём самом. Это, видите ли, было невозможно в сложившейся политической обстановке. Негативно сказалось бы на положении и престиже Империи. Неудивительно, что русские нас ненавидят. Вонючие социалисты. Нацистские прихвостни и троцкистские проститутки. Из-за вас мы только и делаем, что теряем клиентов и деньги. Столько денег, чёрт побери. Вот и теперь!

Наконец, Каллиган выдохся и торжествующе посмотрел на Брукса. Тот ответил морозной улыбкой тонких, в ниточку, бледных губ. Рэйчел, улыбнувшись Каллигану, поднялась и протянула ему руку:

– Благодарю Вас, мистер Каллиган. Вы очень мне помогли.

– Для вас – просто Питер, леди Рэйчел, – депутат поспешно встал и склонился над её рукой в поцелуе. – Мы ведь договаривались, не правда ли?

– Конечно, Питер, – ласково улыбнулась Рэйчел. – Я вам очень, очень признательна. Спасибо. Это просто бесценно – то, что вы делаете для нас.

– Ну, что вы, леди Рэйчел, – потупился Каллиган. И продолжил со значением: – Всегда рад быть вам полезным. Буду ждать от вас новостей.

Они распрощались, и Каллиган вышел в сопровождении появившегося по звонку дежурного секретаря. Рэйчел, сняв улыбку, как надоевший наряд, вздохнула. Телохранители покинули убежища за ширмами и заняли привычные позиции в углах кабинета, поклонившись хозяйке. Рэйчел благодарно кивнула в ответ. Она привыкла к присутствию охраны, иногда ловя себя на ощущении, что вовсе перестаёт её замечать.

– Я думаю, нам следует как можно быстрее избавиться от наших польских активов, Оскар, – мягко сказала она, поворачиваясь к Бруксу.

– Это вызовет панику на рынке, миледи, – недовольно сказал Брукс. Лицо его, впрочем, оставалось при этом почти бесстрастным. Почти.

– Паника разразится так или иначе, – вздохнула Рэйчел. – Неделей позже, недель раньше. Вы поняли мою мысль, Оскар.

– Конечно, миледи.

Это война, подумала Рэйчел, чувствуя, как леденеет всё у неё внутри. Опять, Господи, опять!

– И французские дела нужно сворачивать тоже, – проговорила Рэйчел, глядя, как складывает бумаги в папку Брукс.

Его руки буквально замерли в воздухе:

– Миледи?!

– Оскар, милый, – улыбнулась Рэйчел. – Вы ведь всегда доверяли моему чутью. Доверьтесь и на этот раз, дорогой.

– Разумеется, миледи.

– Послушайте, Оскар, – нахмурилась Рэйчел. – Я не хочу, чтобы вы просто выполняли мои указания. Вы должны понимать, что и почему вы делаете. У нас прежде никогда не было проблем с этим, не так ли?

– Нет, миледи. Но сейчас я вас не понимаю.

– Просто вы не знаете многого, милый Оскар. Мы ещё раз обсудим всё подробно, до мельчайших деталей, когда я вернусь от короля.

– Его Величество к вам явно неравнодушен, миледи, – чуть улыбнулся Брукс.

– У него не так много людей, которым он может по-настоящему доверять, – улыбнулась в ответ Рэйчел. – Оскар, вы несносны. Чем он вам так уж не угодил? По-моему, на фоне всех остальных...

– На фоне всех остальных – Его Величество, безусловно, настоящее сокровище, – подтвердил, не колеблясь, Брукс. – Разрешите мне быть свободным, миледи?

– Конечно. И позовите, пожалуйста, господина Осоргина, Оскар.

Брукс кивнул и поднялся, ничем не выказав своего беспокойства. Не то чтобы он не любил Осоргина. Нет. Просто эти русские, окружавшие миледи, вызывали у него некоторое смутное, безотчётное беспокойство. И Осоргин – едва ли не больше всех остальных. Где это видано, чтобы респектабельное финансовое учреждение, такое, как «Falcon Bank and Trust»¹³, содержало целое войско головорезов из русских эмигрантов! Руководитель службы безопасности. Ему следовало бы называться руководителем службы опасности, сердито подумал Брукс. Настоящий аферист и разбойник, как все русские. Как и этот, хозяйкин. Ей давно бы следовало забыть о нём. И он оставил её, – её, и уехал в свою проклятую Россию! И ещё эти его японцы! Кем нужно быть, чтобы оставить её, – её?! И ради чего?! Да, конечно, если бы не он, ничего не было бы. И он, Брукс, продолжал бы прозябать в своей меняльной конторе, а не быть каждый день рядом с ней. И Молли, и девочки. Если бы не он... Миледи, при всём её удивительно остром уме и потрясающей проницательности, всего лишь движется в указанном им направлении. Двигается очень успешно, – но не больше. И он, Брукс. Он, Брукс, всего лишь блестящий специалист. Мастер своего дела. Не гений. Хотя без него они ничего не смогли бы, конечно. Но в нём, Бруксе, нет этого потрясающего напора, этой отчаянной, бесшабашной смелости, граничащей с наглостью и жестокостью. Как в этом русском. Он мог бы распоряжаться средоточием финансовой мощи пятисотмиллионной Империи, а вместо этого он уехал в свою проклятую нищую Россию, где даже хлеба никогда не бывает вдоволь, не говоря уже обо всём остальном. И оставил её. Когда он был здесь, она не была спокойна. Но она была счастлива, Брукс это видел. Как она смотрела на этого русского своими глазами, – глазами ангела. А теперь она спокойна, но несчастна. А он, Брукс... Ему достаточно дышать одним воздухом с ней. Она ведь ангел, подумал он. Настоящий ангел. Она улыбается, как ангел. Она всё делает, как ангел, – говорит,

¹³ Название переводится как «Банк и трастовая компания „Фалкон“».

ходит, вздыхает, грустит, хмурится, гневается. И любит, конечно же. Разве может он, Брукс, прикоснуться к ангелу?! Только этот русский. Он даже никогда не называл её так, как положено. Как положено обращаться к женщине, в чьих жилах течёт такая кровь. Всегда называл её по имени. Наверное, он даже не понимает. Они все. Никто не понимает. Даже не догадываются, с кем рядом им посчастливилось находиться. Каждый день! И этот сумасшедший русский... Нет, нет. Он ведь любит её. Это было так... И она. Раз она полюбила его, – она, – значит, он достоин. Ведь только ангел может любить так. Она просто неспособна полюбить того, кто не заслуживает её любви. И его, Оскара Брукса, она тоже любит. Любит и очень ценит. Но этих русских?! Просто потому, что они – такие же, как он.

Брукс поджал губы. Я просто ревную, подумал он. Глупость какая. Мы ведь все делаем одно дело. Большое, важное, настоящее дело. И она, и он, Брукс, и этот сумасшедший русский, без которого ничего не было бы вообще. Господи, когда же это кончится?! Бедная девочка. Он ей так нужен. Она держится, но...

Сделав так, чтобы миледи не увидела его мимической гримасы, Брукс с достоинством поклонился и вышел из кабинета.

Рэйчел, стоя у огромного – французского – окна, глядела на панораму Сити, открывавшуюся перед ней. Это он настоял на том, чтобы центральный – а тогда ещё единственный – офис был именно здесь, подумала Рэйчел. Ему чем-то понравилась готическая архитектура этого здания. Возможно, потому, что она так не похожа на его Москву... Потом она тоже полюбила этот дом. И место это было просто идеальным для банка... Нельзя, нельзя так, оборвала она себя. Вот это и началось. То, о чём он говорил когда-то. Неужели? Неужели он опять прав? Конечно. Ещё бы. Как всегда.

Несмотря на август, было холодно, и низкие облака, казалось, цепляются рваными краями за крыши и трубы домов. Руки у Рэйчел тоже были холодными.

Обернувшись на звук открывающейся двери, Рэйчел улыбнулась вошедшему Осоргину: – Здравствуйте, Вадим Викентьевич, – по-русски сказала Рэйчел. Она всегда говорила со своими русскими помощниками по-русски. Отчасти из уважения к ним, отчасти затем, чтобы не разучиться самой думать по-русски.

– Здравствуйте, миледи, – Осоргин тоже улыбнулся и чуть склонил голову в поклоне.

Как Осоргин всё-таки на него похож, с тоской подумала Рэйчел. Нет, никакого внешнего сходства, разумеется. Но тот же тип, безусловно. Он обладает просто потрясающей способностью находить мужчин своего типа буквально везде, хоть в Лондоне, хоть в Париже, а то и вовсе – *in the middle of nowhere*¹⁴, заражать их своей одержимостью, окружать себя ими. И меня. Господи, как он посмел уехать, мерзавец?!

Осоргин ждал. Бывший офицер русского императорского флота, в свои шестьдесят лет сохранивший выправку и статью юного гардемарина, давно научился ждать и терпеть. И к человеку, который научил его этому – научил, ничему не уча, не поучая и не командуя, научил, ни разу не задев его бешеной гордости и не уязвив самолюбия, Осоргин испытывал чувство, похожее на сыновнее, хотя сам годился ему по возрасту в отцы. А к миледи... Как ты посмел уехать от неё, мерзавец, подумал Осоргин. Когда ты приедешь, я тебя задушу своими руками. Не до смерти, но задушу. Господи Иисусе, если бы ты видел сейчас её лицо. Леди Рэйчел. Господи Боже! Ну сделай же что-нибудь!

Рэйчел вернулась к столу и жестом пригласила Осоргина присоединиться к ней. Когда он сел, Рэйчел посмотрела на него – словно погладила его светом своих серо-синих, как штормовые облака, печальных глаз.

¹⁴ *In the middle of nowhere* (англ.) – дословно «посередине нигде», т.е. в пустоте, в вакууме, там, где нет ничего и невозможно ничего найти.

Раньше глаза у неё никогда не были такими печальными, подумал Осоргин. Раньше. Когда этот сукин сын был здесь. Когда он был здесь, её глаза сверкали и лучились так, что в них просто больно было смотреть. Как ты посмел уехать от неё, мерзавец?!

– Я к вашим услугам, миледи.

– Вы всё слышали, Вадим Викентьевич?

Конечно, он всё слышал. Слышал и фиксировал. Над записью откровений депутата уже трудились поднятые по тревоге офицеры аналитического отдела. Всё, что выболтал Каллиган, просто идеально ложилось в схему событий, неотвратимо и властно затягивавших мир в омут очередной бойни. А теперь ещё и эти, о которых они узнали около месяца назад. Проклятье! Осоргин устремил взгляд на хозяйку и нахмурился:

– Это война, миледи. Теперь уже никаких сомнений.

– Да, Вадим Викентьевич, – Рэйчел чуть отвернулась от него и снова посмотрела в окно. – Но ведь это вовсе и не новость для нас, не правда ли? Я сожалею, что не могла пригласить вас. Каллиган не должен ничего заподозрить.

– Разумеется, миледи. Я слушаю вас.

– Я думаю, вам следует отправить несколько человек в Варшавский офис, помочь им свернуть дела и вывезти бумаги и оборудование. Нужно переходить на нелегальное положение. Господи, как мне это не нравится!

– Может быть, после? Нам сейчас не следует распыляться.

– Нет, Вадим Викентьевич, – отрицательно качнув головой, Рэйчел прикрыла веки. – Нельзя, чтобы эти негодяи догадались. Мы должны успеть – и здесь, и там. Я понимаю, это почти невозможно. Но именно – почти.

– Я распоряжусь, миледи.

– У нас много должников во Франции?

– Немало, – вздохнул Осоргин.

– Я полагаю, вам следует отправить самых проверенных людей в Париж и постараться урегулировать всё, что можно урегулировать. Я разрешаю им принимать решения по собственному усмотрению и действовать по обстановке.

– Конечно. Какие будут указания по поводу нашей информации? Мы не можем больше подвергать Его Величество столь явной и серьёзнейшей опасности. Да и вас тоже это касается самым непосредственным образом, леди Рэйчел.

– Вам ведь прекрасно известно – со мной ничего не может случиться, – улыбнувшись, пожала плечами Рэйчел. – Как дела у Владимира Ивановича? Без его приборов нам будет нелегко.

– Ладягину не хватает людей, миледи. Вы же знаете, какая это проблема.

– Да. Знаю, – Рэйчел вздохнула и опустила взгляд.

– Я всё же настаиваю на усилении внешней охраны, миледи, – Осоргин чуть подался вперед. – Ещё четырёх моих офицеров, леди Рэйчел. Пожалуйста. Я отвечаю за вас головой – и очень беспокоюсь.

– Ну, перестаньте же, Вадим Викентьевич. Повторяю, со мной всё будет в порядке.

– Я настаиваю, леди Рэйчел. Не столько прошу, сколько настаиваю. После всего, что случилось, и ещё, похоже, случится. Кому, как не вам, знать это.

– Нет, – Рэйчел вскинула подбородок. Встретившись с ней взглядом, Осоргин, почувствовал, как мурашки побежали у него по спине. – Никаких признаков беспокойства. Никаких. Нельзя спугнуть их сейчас. Сейчас – ни в коем случае. После Мюнхена они совершенно утратили чувство опасности, и это сослужило нам хорошую службу.

– Вы правы. И всё же – ведь это совсем иная ситуация, чем в тридцать четвёртом, миледи. Я осмелюсь, однако, настаивать. Если вы не верите моему чутью, спросите хотя бы Мурука-сан, – Осоргин посмотрел туда, где находился один из телохранителей.

– Ну да, – Рэйчел улыбнулась. – Почтеннейший Сидэи-сан готов согнать сюда всю императорскую армию для моей охраны и не позволить мне больше никогда в жизни ступить ногой на землю. Какое счастье, что в своё время были введены столь чёткие и разумные ограничения.

– Может быть, настало время их пересмотреть? Это настоящие профессионалы, клянусь, вы их даже не будете замечать, точно так же, как и людей Муруоки.

– Вадим Викентьевич. Я запрещаю.

– Хорошо, – Осоргин сдался. Если Рэйчел принимала решение – это было решение, а не повод поспорить. – Когда я должен приступить?

– Как можно скорее, – Рэйчел посмотрела на моряка. – Мы планируем созвать тридцать первого собрание акционеров. Общее собрание. Я была бы рада, если бы могли как-то успокоить наших вкладчиков и друзей.

– Хорошо. Аэроплан в Варшаву вылетит, – Осоргин бросил быстрый взгляд на ручной хронометр, – через четыре-пять часов, это максимум. Людей в Париж я отправлю тоже сегодня же вечером. Аэропланом. Миледи...

– Да?

– Миледи, – Осоргин почувствовал: ещё немного – и голос сорвётся. – Позвольте нам разобраться с этими. Сейчас. Поверьте, мы справимся. И вам не нужно будет...

– Нет, – голос Рэйчел звучал спокойно, – но Осоргин понял: она в ярости. – Нет. Я не позволю. Вы забыли о предупреждении? Не смейте умножать эманаций. Вы стали слишком сильны и самоуверенны. Там, где раньше вы просчитывали три дюжины вариантов, теперь вы... прётё, как дреднот. Именно об этом говорилось. Когда он был ещё здесь. Если вы забыли, я вам напомню. Я среди вас именно для этого. И я запрещаю.

– Да, миледи, – Осоргин повесил голову. – Конечно, вы правы. Простите.

– Я вас люблю, Вадим Викентьевич, – ласково дотронулась до его рукава Рэйчел. – Я вас ужасно люблю, и не хочу потерять. Пожалуйста, не будьте так неразумны. Осторожность и выдержка. Я ведь хорошо вас знаю. Мы можем вызвать такую бурю, которая нас скрутит, сомнёт в мгновение ока. Как бы мы не были могучи и уверены в своих силах, никогда нельзя уверенность заменять самонадеянностью. Перестав думать, мы погибнем.

– Не тревожьтесь, миледи, – тихо сказал Осоргин. – Мы справимся. Всё будет сделано, как надо.

– Прекрасно. Немедленно отыщите доктора Вейцмана ¹⁵, мы должны встретиться безотлагательно. Пусть подготовит докладную записку, возможно, Его Величество сочтёт желательным заслушать его.

– Хорошо, миледи.

– Свяжитесь с господином Жаботинским ¹⁶, пусть его люди приступают к развёртыванию. Кажется, больше ждать не имеет смысла.

– Похоже, так, – Осоргин едва не закрипел зубами. – Как бы уже не было поздно.

– Они... мы справимся, – твёрдо сказала Рэйчел и вскинула голову. – Ведь другого выхода нет, не так ли?

– Да, миледи. Конечно.

– Подготовьте шифровку Рутенбергу ¹⁷, я должна её посмотреть перед отправкой.

¹⁵ Д-р Хаим Вейцман – один из лидеров сионистского движения, президент Всемирной сионистской организации в 1920 – 31 гг., затем с 1935 г. Способствовал принятию Декларации Бальфура (1917) о создании еврейского национального очага в Палестине.

¹⁶ Жаботинский, Владимир Евгеньевич – писатель, публицист, участник сионистского движения, один из инициаторов создания Еврейского легиона в британских войсках в период Первой Мировой войны, создал и возглавил новую партию «Союз сионистов – ревизионистов», организовал при ней молодежное военно-патриотическое движение «Бейтар», был автором плана эвакуации европейских евреев в Палестину.

¹⁷ Пинхас (Пётр) Рутенберг – бывший участник российского революционного движения, в котором разочаровался, покинув его в 1906 г. Инженер, изобретатель, предприниматель, подготовил полный план ирригации Палестины. В феврале 1917

– Полчаса, миледи.

– Кто будет вас замещать на период подготовки?

– Майор Ушаков и майор Репнин. Отличные офицеры, можете на них смело полагаться.

– Не премину, – улыбнулась Рэйчел. И снова сделалась серьезной: – Скажите, Вадим Викентьевич. Я ведь в таких вещах не слишком хорошо разбираюсь. Если придётся держать коридор для эвакуации... Это возможно? С нашими силами?

– Некоторое время, – Осоргин чуть наклонил голову вперёд. – Не очень долго, разумеется. Я не могу и не буду рисковать всем корпусом ради...

– Вадим Викентьевич, – Рэйчел укоризненно покачала головой.

– Нет, нет, – заторопился Осоргин и поморщился от неловкости. – Я же не в том смысле. Мои люди совсем для других задач обучены и предназначены. Это же как шпагой деревья рубить... я просто не имею такого права. Да и потом – насильно мил не будешь, как говорится. Если сам Владимир Евгеньевич не может своих соплеменников перед лицом такой опасности, – Осоргин замялся, подыскивая нужное слово, – уговорить, то где уж нам-то?!

Да, подумала Рэйчел, это правда. Она вспомнила свою встречу с раввинами из Польши, Чехословакии, Румынии и Венгрии – здесь, в Лондоне, в мае тридцать восьмого, за пять месяцев до «Хрустальной ночи». С каким недоверием, с какой враждебностью смотрели на неё эти люди, от которых зависело очень много. Невероятно много. Она улыбнулась чуть заметно, вспомнив, как недоверие сменилось недоумением, когда она объяснила, почему и зачем просила их всех приехать сюда. Когда сказала: есть только один способ жить в ладу с самим собой. Это значит – обращаться с другими так, как хочешь, чтобы обращались с тобой. И делать именно то, что должен, – для того, чтобы случилось, чему суждено. В этих словах – вся правда этого мира. Тому, что без долга и чести ничего не имеет смысла на этой земле, – под этим небом, под этим солнцем, – можно научиться только от мужчин, подумала она, закрывая глаза. Она улыбнулась ещё раз, припомнив, как недоумение на лицах этих людей сменилось совершеннейшим изумлением, когда она сказала: мне всё равно, хороши или плохи евреи. Меня интересует лишь одно: насколько плоха или хороша я – как человек, как женщина и как христианка. И что я должна сделать для того, чтобы случилось то, чему суждено – на самом деле, а не задуманное какими-то извергами, вообразившими себя богами. И что должны сделать для этого вы – точно так же, как и все остальные.

Рэйчел встрепенулась, снова услышав голос Осоргина:

– Плохо, что мы очень часто плетёмся в хвосте у событий. Взаимодействие с разведкой очень непросто складывается – не смотря на всё, что мы для них делаем, да и своих людей в Рейхе у меня практически нет, можно сказать... Извините, миледи. Я вас перебил.

– Ничего, ничего, Вадим Викентьевич. Мне очень важно знать ваше настроение, поэтому не стесняйтесь. Так как насчёт коридора? У вас ведь есть план, не правда ли?

– Есть, – кивнул Осоргин. – Мы ведь не первый день готовимся.

– Я помню, – кивнула Рэйчел, – кажется, вы были вполне удовлетворены результатами.

года он вернулся в Россию. В дни октябрьской революции Рутенберг предлагал арестовать и казнить В.Ленина и Л.Троцкого. Но во время штурма Зимнего сам был арестован и шесть месяцев провел в Петропавловской крепости. После объявления советскими властями «красного террора» Рутенберг бежал, в Одессе руководил снабжением во французской военной администрации. В 1919 году Рутенберг покинул Россию уже навсегда. Он уехал в Палестину, где начал электрификацию страны, помогал В.Жаботинскому создавать еврейскую самооборону во время арабских беспорядков в Иерусалиме в апреле 1920 года. Тогда же начал борьбу за получение концессии на использование вод рек Иордана и Ярмука для нужд электроснабжения. В этом его поддерживали У.Черчилль и Х. Вейцман. В 1923 году он учредил Палестинскую электрическую компанию и начал строить электростанции. П. Рутенберг возглавлял еврейскую общину Палестины (ишув). Приложил огромные усилия для сглаживания противоречий в отношениях между Бен-Гурионом и Жаботинским. Неудачей (в основном из-за активного противодействия исламского духовенства и особенно муфтия Иерусалима Аль-Хуссейни) закончились его попытки выработать программу арабо-еврейского взаимопонимания. Призывал еврейскую общину к национальному единению, выступал против партийной борьбы и требовал равных прав для всех жителей ишува.

– Да. Как и генерал Матюшин. Конечно, «Бейтар» – не настоящая армия, но... Они ничего, – он вдруг улыбнулся. – Понятливые. Может, и выйдет из них со временем толк. Есть план, разумеется. Но всё же не от нас, на самом-то деле, зависит.

– Я понимаю. Увы, – Рэйчел посмотрела в окно. – Если бы всё зависело только от вас, мне не о чем было бы волноваться.

– Ситуация не внушает мне оптимизма, миледи.

– Я слушаю, Вадим Викентьевич.

– Британия не располагает сколько-нибудь серьёзной сухопутной армией, готовой выступить на континенте. Это очевидно любому, кто хоть немного интересуется проблемой.

– Французы?

– Там нет ни одного серьёзного военного специалиста, понимающего стратегию глубокой операции, так блестяще разработанную в России и так превосходно применяемую гитлеровцами.

– Сколько, по-вашему, продержится Варшава?

– Если это продлится хотя бы до начала ноября, миледи, можно считать такой прогноз наилучшим. Но... сомневаюсь.

– Получается, времени у нас нет вообще.

– Да, миледи. Получается, так.

– Пессимистический прогноз?

– Две недели.

– О, Господи! Мы же не успеем!

– В условиях немецкой оккупации мы, разумеется, действовать не сможем. Это исключено.

– Я понимаю, – Рэйчел прикрыла ладонью глаза. – Господи, услышь наши молитвы... Да, ради всего святого, не забудьте сообщить всё Сигэру-сама¹⁸. Я так понимаю, что должна теперь докладывать вам свой маршрут?

– Маршрутом займутся офицеры, – Осоргин вздохнул. – Просто сообщите ваше расписание, миледи. Мне кажется, вы слишком много думаете о второстепенных задачах.

– Никто ничего не должен заподозрить. Это и есть самая что ни на есть первостепенная задача.

– Хорошо, миледи. Куда вы направляетесь сейчас?

– Сейчас – в Метроу Парк, – Рэйчел зябко повела плечами. – Пожалуйста, сообщите Тэдди, я должна срочно с ним переговорить. Потом, в зависимости от того, как сложится, придётся, вероятно, навестить Их Величеств. Не уверена, что они смогут меня сегодня принять, но попробовать необходимо... Если не сегодня, то, в крайнем случае, завтра. Доктор Вейцман?

– Его доставят к вам, миледи. Это улажено.

– И не забудьте о профсоюзах. Они – один из ключевых элементов.

– Да, леди Рэйчел.

– Тогда послезавтра – первый лорд Адмиралтейства. Вероятно. Всё будет ясно после беседы с Его Величеством.

– Я распоряжусь подготовить материалы для встречи с Его Величеством, – наклонил голову Осоргин. – Это всё?

– Пока – да.

– Ещё какие-нибудь поручения или пожелания?

Рэйчел замаялась. Помолчав несколько секунд, она встала и опять шагнула к окну. И так, сцепив на животе побелевшие пальцы и стоя спиной к Осоргину, что позволяла себе лишь в одной-единственной ситуации, спросила преувеличенно спокойно, даже бесцветно:

¹⁸ Сигэру Иосида – чрезвычайный и полномочный посол Японии в Лондоне.

– Какие-нибудь новости от... него, Вадим Викентьевич?

– Никаких, миледи, – отрицательно качнул головой Осоргин. – Пока – никаких. С Москвой мы поддерживаем контакт в обычном режиме. Поступающие сведения касаются почти исключительно внутреннего положения в России, миледи. Мы внимательно изучаем данные, ничего особенно интересного непосредственно для вас и для работы банка там – пока – не происходит.

– Но что же? Неужели ничего не меняется в России? – без улыбки спросила Рэйчел, поворачиваясь лицом к Осоргину.

– Конечно, меняется. Меняется многое, многое, сразу и везде. Очень многое, но в то же время – не всегда и не совсем так, как мы ожидали, и как нам хотелось бы. Но ведь так всё и должно происходить, совершенно в соответствии с планами, – Осоргин хрустнул пальцами, и, увидев, как поморщилась Рэйчел, смешался. – Простите.

– Ничего, ничего, – поспешно сказала Рэйчел. – Я иногда думаю о том, что чувствовала бы я, оставшись без Родины, без всего, что мне дорого, без Вас, без Тэдди, потеряв всё на свете, вынужденная бежать куда-нибудь в Рейкьявик и сидеть там, не в силах ничего предпринять...

– Это не так уж и фантастично, миледи, – усмехнулся Осоргин. – Это ещё вполне может произойти.

– Он уехал, чтобы этого не случилось. Вы ведь знаете это, так же, как и я, – грустно сказала Рэйчел. – Чтобы этого больше нигде, никогда не случилось!

– Вы верите, что у нас это получится? – тихо спросил Осоргин и стиснул зубы.

– Я верю. И вы должны верить, мой дорогой капитан, – Рэйчел вскинула голову. – Только так мы можем что-то сделать. Все вместе. Только так у нас появится шанс снова увидеть его здесь. С нами.

Она никогда не думает о себе, вздохнул Осоргин. Почти никогда. Или о нём, или о брате. О нас всех, о работе, о банке. И снова о нём, – все эти годы. И этот взгляд, – внутрь себя, и свет изнутри, такой свет! Заработав миллионы фунтов, каждый день находясь среди мужчин, которые... Она всё время думает о нём. Всё время. Конечно, если бы не он, ничего этого не было бы. И меня бы не было. Господи Иисусе, как ты посмел оставить её, мерзавец?! Да, да, я знаю. Ты не мог поступить иначе. Ты уехал, чтобы защитить её, – и всех нас. Если бы не эта тряпка на троне сначала и не эта толпа вурдалаков в Кремле потом, у меня могла бы быть такая дочь, замирая от ярости, подумал Осоргин. Или такой сын! Толпа вурдалаков, русских и нерусских. Ну-ну, – а разве не русские столетиями торговали русскими, словно скотом? Разве не русские жгли за это русских, вешая и швыряя на вилы грудных младенцев?! Мы сами себя ненавидим. Что же удивительного в том, что случилось с нами, если мы сами так ненавидим друг друга?! Это же он сказал тогда, – Всевышний рассеял евреев не за грехи прелюбодеяния и мздоимства, а за грех беспричинной ненависти. И с нами Он поступил так же, только рассеял лишь толику нас. Может быть, чтобы когда-нибудь собрать нас снова. Господи, пусть у него получится. Прости нас, Господи. Мы опомнимся. Мы опомнимся и передадим всю эту нечисть. Клянусь Тебе, Господи. Прости нас. Прости Россию, Господи!

* * *

– Невозможно, дорогая, – Эдуард Восьмой взял пальцами за виски. – Они найдут тысячу оправданий и поводов. Миллион отговорок. Понимаете, леди Рэйчел?

– А вы, милорд? Вы тоже будете искать отговорки?

– Вы же знаете, как я к вам отношусь.

– И я вас люблю, милорд, – просто сказала Рэйчел. – Вы это тоже хорошо знаете. Но дело не в этом. Всё изменилось самым трагическим образом. Вы не можете больше кивать

на правительство. Когда начнётся война, британцы будут ждать поступков и твёрдости не от правительства, которому уже мало кто верит. От Вас.

– Вы даже не представляете себе, о чём вы просите, миледи, – нервно вскинул голову король. – Неужели вы думаете, они нам позволяют?!

– Я верю, милорд, вы не станете никого спрашивать. Я – определённо не собираюсь.

– Рэйчел, дорогая...

– Меня сейчас абсолютно не интересуют крайне неотложные дела правительства. Я как раз очень даже хорошо представляю себе масштабы своей так называемой просьбы. Милорд, я прошу в действительности только об одном. Объявите вашу волю. Если британские джентльмены и настоящие мужчины, возглавляющие британскую нацию, желают и впредь оставаться мужчинами и джентльменами в глазах британских женщин, им придётся, наконец, научиться держать слово и выполнять обещания. И волю своего монарха. А кого и как они собираются при этом и для этого спасать – поляков, зулусов или евреев – мне всё равно. А если нет, – Рэйчел прищурилась, и Эдуард едва удержался, чтобы не поёжиться. – Если нет, милорд, – мы вместе с Её Величеством сумеем позаботиться о том, чтобы британские женщины узнали, кому они доверили свои судьбы и будущее своих детей. И джентльменам не поздоровится. Поверьте, милорд, всё именно так и будет.

– Как вы собираетесь их заставить?! После Мюнхена, после...

– Я вам объясню, милорд.

Когда Рэйчел умолкла, Эдуард, сторбившись, снова сжал пальцами виски.

– Сейчас?! – простонал он. – Леди Рэйчел, да после всего, что вы мне изложили?! Сейчас?! Сейчас они хотят...

– Именно сейчас, – голос Рэйчел наполнился звоном, от которого у короля возникло чувство, будто ему за шиворот вытряхнули мешок со льдом. – Именно сейчас, потому что другого шанса у них не будет.

– Ну, хорошо. Вы хотя бы представляете себе...

– Отлично представляю. Мои люди работают над этой задачей уже почти месяц. И мы готовы.

– Готовы – к чему?!

– Встать на вашу защиту, милорд. Вы ведь не думаете, что я пытаюсь играть с вами?

– Нет, – вздохнул Эдуард. – Конечно же, нет!

– Тогда вам тоже предстоит подготовиться.

– Вы думаете, это совещание будет достаточным поводом спровоцировать их выступление?

– Не сомневаюсь ни одной секунды, милорд. Надо, с одной стороны, отобрать у них инициативу, а с другой – не позволить им догадаться об этом.

– И вы?

– Разумеется, я тоже.

– Подождите, Рэйчел. А что же Артур? Вы не собираетесь предупредить Глокстона?

– Артур давно предупрежден, милорд.

– Что?! И он не...

– Старина Артур не хуже меня понимает, в чём состоит истинная забота о вашей безопасности.

– Чёрт вас всех побери, – Эдуард закрыл глаза.

– Мой человек со всеми необходимыми бумагами, цифрами и выкладками будет у Глокстона, – Рэйчел посмотрела на изящные часики, инкрустированные изумрудами и бриллиантами, украшавшими её запястье, – через два часа. Если Вы окажете мне такую любезность и посидите над ними хотя бы до полуночи, то уже завтра сможете набросать тезисы для разговора с нашими рыцарями из Адмиралтейства. Я знаю, вы этого страшно не любите, но иначе нельзя.

Вы должны быть во всеоружии, милорд. Я умоляю вас – ради вашей любви к Уоллис, ради вашего сына, ради нас всех. Пожалуйста, милорд. Вы не можете больше тянуть. Вы должны показать – вы король не только по крови. У нас у всех не осталось иного выхода.

– Леди Рэйчел, – Эдуард изумлённо покачал головой. – Леди Рэйчел, вы понимаете, что мне придётся отправить правительство в отставку? И не только правительство, вероятно. Боже, что будет твориться в Палате общин!

– Да.

– И как вы это себе представляете?!

– Отлично представляю. На нашей стороне будут все здравомыслящие люди. И пресса.

– Ах, да, – король усмехнулся. – Разумеется. И кого же вы видите в качестве премьера?

– Сэр Уинстон прекрасно справится с этими обязанностями.

– Вы с ума сошли, дорогая, – содрогнулся король. – Этот буйвол станет орать на меня по каждому удобному и неудобному поводу. Кроме того, я ему не до конца доверяю. Если бы не ваше вмешательство, он со своими друзьями свалил бы меня тогда, в декабре тридцать шестого, не задумываясь!

– Сэр Уинстон – один из немногих политиков, способных менять свои взгляды. Не убеждения, а именно взгляды. Это крайне важно в нашей ситуации.

– Допустим. А как же его русофобия? Меня беспокоит этот его пункт, леди Рэйчел. Его антибольшевизм – всего-навсего форма, суть же остаётся прежней чуть ли не с Крымской войны, которую он, кажется, не прочь перевоевать при удобном случае. Если нам предстоит сражаться плечом к плечу с русскими – а, насколько я понимаю, именно так и будет – нам это станет мешать. Очень сильно мешать, я полагаю.

– И всё-таки он единственный, на кого можно положиться. И он последовательный и непримиримый противник Гитлера. Признаться, его враждебность к России беспокоит и меня, хотя в последнее время мы многократно обсуждали это. И я должна сказать Вам, милорд, – влиять на сэра Уинстона сложно, но возможно. Он политик, который способен выслушать иное мнение. Да, его нелюбовь к России не нравится мне, – кроме всего прочего, ещё и по личным мотивам. Значит, нам следует принять меры к тому, чтобы установить равновесие. И вы, я уверена, отлично справитесь с этим. А орать на короля не посмеет даже Черчилль, милорд.

– Вы позаботитесь об этом, – лукаво посмотрел на Рэйчел Эдуард.

– Совершенно верно, милорд. Я позабочусь о том, чтобы сэр Уинстон исполнял вашу волю надлежащим образом.

– Ну, ещё бы, – усмехнулся Эдуард. – Ещё бы. Ведь он – ваша собственность. Вы думаете, мне неизвестно, что вы оплачиваете его счета? Это правильно, дорогая. Вы – молодец.

– Вы с ума сошли, – с дрожью в голосе произнесла Рэйчел, и король с изумлением увидел, как её глаза стали чёрными и заблестели от слёз. – Как вы можете так говорить?! Сэр Уинстон – мой друг, как и вы, милорд! Или вас я тоже купила?!

Да, подумал Эдуард, да, дорогая. Вы купили меня – всего, целиком, без остатка. С потрохами. Заплатив мне ту цену, которую никто не решился, не осмелился, не захотел предложить. Мало того – вы сделали так, что я сам примчался к вам и умолял вас: купите меня, миледи, купите! Я сам назвал вам её, эту цену. Женщина, которую я люблю больше всего на свете, даже больше, чем самого себя, мой сын – вот какова эта цена. Вы оказались щедры, безумно щедры, дорогая – и купили меня. И продолжаете делать это сейчас – глядя на меня вот так, такими глазами, что мне самому невообразимо стыдно за свой цинизм, за своё ничтожество перед лицом вашей любви. Вашей любви к нему. К нему – вы знаете, о ком я. Вы очень хорошо это знаете.

– Конечно, дорогая, конечно, – Эдуард улыбнулся ей – той самой своей улыбкой, против которой устоять невозможно. Никому и не удавалось – кроме неё. – Конечно же, я ваш друг. А вы – мой. Самый настоящий, бесценный, преданный друг.

– Несносный, – проворчала Рэйчел, успокаиваясь и улыбаясь в ответ. – Несносный. Все мужчины несносны. Как женщинам удаётся это терпеть?

– Любовь, леди Рэйчел, – король на мгновение прикрыл глаза. – Леди Рэйчел... Хорошо. Я согласен. Что сейчас намерены делать вы?

– Всё, чтобы вы никогда не пожалели о том, что согласились со мной, милорд.

Король несколько секунд, недоумевая, смотрел на Рэйчел. Потом, азартно хлопнув себя по колену, заливисто, молодо и заразительно рассмеялся.

* * *

Эдуард внимал монотонному докладу адмирала сэра Барри Домвайла, из всех сил сдерживая эмоции. Он дал себе слово выслушать этого адмиралтейского индюка в позументах, хотя это было чертовски трудно. Просто невозможно поверить, промелькнуло в голове у короля, что эта убогая косноязычная развалина вообразила себя вершителем судьбы Империи. Невероятно. Неужели, неужели они решатся на такое?! Доклад адмирала диссонировал с докладом Осоргина не только по стилю, но, прежде всего, по духу. Слушая Осоргина, который, несмотря на ужасный славянский акцент, был предельно доходчив и действительно безупречен в выводах, Эдуард не уставал поражаться, как много – и как незаметно! – удалось добиться этим людям. А его, Эдуарда, адмиралы...

Домвайл, стоя у карты, доказывал: его, Эдуарда, флот не в состоянии выполнить поставленную перед ним задачу. Вместо того, чтобы предложить королю способы решения накопившихся проблем с обучением моряков, подготовкой офицеров, снабжением кораблей горючим, боеприпасами, обмундированием и продуктами, Домвайл твердил: флот не может то, не может это, не готов к третьему и не потянет четвёртого. Наконец, он умолк.

– И что же вы всё-таки предлагаете? – спросил Эдуард. – Вы напрасно думаете, будто я не осознаю стоящих перед нами трудностей, адмирал. Вы очень убедительно их нам обрисовали. Но что дальше?

– Я предлагаю отказаться от активных действий сейчас, Ваше Величество, – сказал Домвайл. – У нас, как я докладывал, для обеспечения господства на коммуникациях едва ли в настоящее время достаточно сил, и ещё не совсем понятно, как будет складываться ситуация в Азии. Нет ничего хуже, чем распылять силы Флота в условиях полной неопределённости относительно развития событий. Не говоря уже о каких-то эвакуационных мероприятиях. Тем более, не очень понятно, какой резон флоту участвовать в таких эвакуационных мероприятиях.

– Я понял вас, адмирал, – проговорил Эдуард, изображая сомнение. – Но предположим, у вас будет достаточно времени для подготовки. Сколько, по-вашему, его потребуется?

– Несколько месяцев, Ваше Величество. Я в настоящий момент не готов назвать точные сроки, думаю, на моём месте этого никто не смог бы сделать. Кроме того, в последние три года было сделано всё возможное для того, чтобы восстановить против нас арабов, и я не вижу необходимости...

– Я осведомлён о вашей позиции по этому вопросу, адмирал, – чуть более поспешно, чем следовало, оборвал Домвайла король. – И тем не менее, я хотел бы выслушать нашу дорогую гостью. Миледи, – Эдуард повернулся к Рэйчел. – Вы считаете, миледи, нам стоит направлять людей сразу же в Палестину?

– Да, – кивнула Рэйчел. – Мне представляется, использовать Британию как перевалочный пункт – излишнее напряжение для всех. Конечно, если вы решите, что это необходимо, ресурсы «Фалкона» будут задействованы для надлежащего финансирования, но я бы предпочла вкладывать средства непосредственно на территории Палестины. Мне кажется, подготовку почвы можно считать достаточно солидной. Конечно, ситуация сейчас неблагоприятная, даже угрожающая. Но, строго говоря, для операций такого масштаба никакой момент нельзя при-

знать в достаточной мере подходящим. Потом, среди этих людей есть и те, кто поможет нам начать прямо на месте налаживать отраслевую инфраструктуру.

– Вы не опасаетесь, что в таких условиях средства будет сложно контролировать?

– Опасаюсь, – пожала плечами Рэйчел. – Всегда найдётся некоторое количество негодяев, которые наживаются на неразберихе и человеческом горе. Но там будут в полной боевой готовности бейтаровцы и русские ребята из Белого легиона, а уж они сумеют не допустить хаоса и сколько-нибудь заметного разбазаривания помощи.

– Мистер Иосида уже подтвердил свою готовность к сотрудничеству? Ведь он не может не понимать: именно от его усилий зависит очень многое, если не всё.

– Да. Разумеется, Сигэру-сама отлично это понимает. Я разговаривала с ним накануне, за это направление можно быть абсолютно спокойным.

– Отлично.

– Прошу простить меня, Ваше Величество, – чуть привстал адмирал Парсонс, – мне хотелось бы всё же представить себе, что думают по этому поводу наши советники на Ближнем Востоке. Как совершенно справедливо заметил сэр Барри, наш неумеренный протекционизм в отношении евреев сильно усложнил взаимоотношения с арабской улицей. Резидентура в Каире...

– Резиденту в Каире не дают спокойно спать лавры полковника Лоуренса, – усмехнулся король. – Я прекрасно информирован о его позиции, и я её не разделяю. Больше того, – я полагаю, всю эту его авантюру с Саудитами нам предстоит расхлёбывать не один год. Одному Богу известно, сколькими жизнями и миллионами фунтов придётся за это заплатить. На Востоке нам нужна стабильность. Неужели Вы и в самом деле убеждены, что на арабских шейхов и эмиров можно положиться? Их необходимо контролировать, а единственный способ контроля, который доступен их пониманию – это сила. Если вы думаете, будто управляете ими, оказывая им услуги, вы заблуждаетесь. Оказанная услуга не стоит ничего – такова восточная мудрость, господа. Хотелось бы, чтобы об этом помнил не только я.

– Ваше Величество, нам прекрасно известно, кто внушает вам подобные взгляды, – Домвайл посмотрел на Рэйчел. – Это просто смешно. В конце, концов, политика...

– Политика – прерогатива короля и Кабинета министров, – холодно улыбнулся Эдуард. – Ваши вопросы, господа, ограничиваются исключительно техническим планом, и настоятельно рекомендую за рамки этого технического плана не выходить. Надеюсь, я достаточно ясно выразился, адмирал. Что же касается тех или иных взглядов...

– Ваше Величество, – подал голос представитель штаба ВВС. – Я прошу понять меня правильно, но мы не располагаем возможностью осуществлять прикрытие операции с воздуха. Мы...

– Артур, доложите, пожалуйста, сводку по производству истребителей, – ласково промурлыкал Эдуард, поворачивая голову к начальнику своей канцелярии.

Торжествующий Глокстон раскрыл папку:

– Девяносто три машины, сэр.

– А каковы возможности для расширения производства, Артур?

– По моим сведениям, при надлежащей мобилизации ресурсов и помощи, которую обещает нам руководство «Фалкона», через три, максимум четыре месяца, мы выйдем на рубеж порядка трёхсот истребителей и не менее двухсот бомбардировщиков-торпедоносцев, сэр.

– Спасибо, дружок, – елеинно проворковал Эдуард и, мгновенно сменив выражение лица, посмотрел на полковника ВВС: – На расчёты и подготовку операции у вас будет, повторяю, больше чем достаточно времени. Как излагает в своей записке господин генерал Матюшин, секрет успеха гитлеровцев – в отличной слаженности и взаимодействии всех родов войск. Я склонен считать его точку зрения абсолютно верной. Вам, господа, – король кивнул адмиралам, – и вам, – он снова повернулся к штабисту, – необходимо сейчас всеми силами отрабаты-

вать и совершенствовать такое взаимодействие. Эта операция покажет, чего стоит Британская Королевская армия на самом деле, в условиях современной войны. Леди Рэйчел?

– Доклад генерала уже подписан в печать, милорд. Мне обещали, что в готовом виде он начнёт поступать в войска послезавтра, и в течение максимум пяти дней будет выпущено достаточное количество экземпляров.

– Превосходно. Что вы думаете по поводу производства самолётов?

– Как я уже говорила, Вы можете располагать ресурсами, милорд, на ваше усмотрение. Я уже отдала соответствующие распоряжения.

– Я думаю, нам следует создать Финансовый совет и назначить вас...

– Нет. Пожалуйста. Брукс отлично справится с этим.

– Хорошо, – коротко взглянув на Рэйчел, Эдуард решил не настаивать на своей неожиданной идее. – Пусть будет Брукс. Вам виднее. Я попрошу Адмиралтейство изложить свои соображения по поводу тоннажа судов эвакуационных конвоев и состава сопровождения не позднее, чем послезавтра утром. Чего флот не может ни в коем случае, я уже слышал. Теперь я хочу услышать программу действий, а не декларацию о беспомощности и несостоятельности. Благодарю вас за ваше участие, леди Рэйчел, господа.

– Мне кажется, ставить точку на этом несколько преждевременно, Ваше Величество, – Домвайл поднялся и, плотно задвинув стул, облокотился на его спинку.

– Адмирал?! – Эдуарду почти не требовалось притворяться. Он всё ещё отказывался поверить в то, что представлялось ему, по меньшей мере, маловероятным. – Будьте так любезны, поясните вашу мысль.

– Я полагаю, Ваше Величество, вам следует согласиться с убеждением большинства моих уважаемых коллег, в том числе из Военно-воздушных сил, что воевать с Германией – совершенное безумие. Да ещё и демонстративно бросать вызов господину Гитлеру, столь громко заявляя о своём юдофильстве. Мы не видим никаких предпосылок к тому, чтобы отказываться от дальнейших переговоров. Я, как и многие другие, как лорд Чемберлен и лорд Галифакс, уверены: у нашей континентальной политики имелись весьма значительные просчёты, которые просто вынудили Германию действовать таким жёстким образом, как она делает это сейчас. Поэтому мы видим альтернативу войне – переговоры и ещё раз переговоры. В конце концов, разве у нас не общий враг?

– Мой дорогой сэр Барри, – Эдуард принялся раскуривать сигару, погружаясь в этот процесс и придавая ему вид некоего почти священнодействия. Когда сигара, наконец, устойчиво засветилась рубиновым огоньком, король повторил: – Мой дорогой сэр Барри. А если я откажусь прислушиваться к вашему с лордом Галифаксом и лордом Чемберленом мнению?

– Боюсь, мы будем вынуждены решиться на крайне непопулярные меры, Ваше Величество, – адмирал Парсонс сложил свою папку и отодвинул её на середину стола. – Полковник Уайт?

– Прошу вас, Ваше Величество, – умоляюще проговорил лётчик. – Этот вопрос неоднократно обсуждался в кругу...

– «Линк», сэр Барри, – Эдуард откинулся на спинку стула и выпустил вверх плотную струйку желтоватого дыма. – Так, кажется, называется ваш круг единомышленников?

– Ваша глубокая осведомлённость говорит о том, что вы, Ваше Величество, вероятно, готовы согласиться с нашими прогнозами и доводами, – пробормотал Домвайл, уставившись на короля.

– Очень интересно, – Эдуард чуть отодвинулся от стола. – То есть вы хотите сказать, мы должны наплевать на союзнический долг и спокойно наблюдать за тем, как вермахт входит в Варшаву?

– Поляки вовсе не безупречны, Ваше Величество. Весьма опрометчиво представлять их себе в качестве невинной жертвы. Достаточно вспомнить, как Польша делила Чехословакию вместе с Германией!

– Вы предлагаете мне уподобиться и поделить теперь вместе с Германией Польшу?! – вскинул брови король. – Разве недостаточно ужасного примера Чехословакии, чтобы понять – немцы не успокоятся до тех пор, пока не поставят на колени весь континент?!

– Не только континент, – Рэйчел с тревогой смотрела на короля. Господи, мысленно взмолилась она, Господи, пошли ему сил. Пожалуйста...

– Тем более. В этом вы видите интересы Империи, адмирал? Господа? В сговоре с нацистами?

– В сотрудничестве с великой Германией, Ваше Величество. А вас, леди Рэйчел, я попросил бы покинуть зал Совета. Думаю, ваше присутствие здесь более не имеет смысла. Как и вашего помощника, мистера...

– Капитан Осоргин и графиня Дэйнборо приглашены на совещание ко мне и мною, джентльмены, – Эдуард готов был сорваться буквально каждую секунду. – И я сам решу, до какого момента их пребывание на совещании будет считаться необходимым и уместным.

– Простите, адмирал, – Рэйчел поняла: настало время для решающего вмешательства. – Насколько я понимаю, приказ Его Величества – более чем достаточное основание к тому, чтобы от разговоров перейти к действиям.

– Его Величество, вероятно, не до конца представлял себе весь комплекс вопросов, которые стоят перед нами. Надеюсь, Его Величество изменит своё мнение. Кроме того, я, повторяю, более не нахожу ваше дальнейшее участие в беседе уместным. И мне кажется, Его Величество пока не отдавал никакого конкретного приказа.

– Я приказываю вам замолчать, адмирал, – тихо проговорил король, глядя поверх голов присутствующих. – Хватит.

– Ну, что ж, – кивнул Домвайл. – Вероятно, вы правы, Ваше Величество. Я рекомендую вам немедленно отправить в отставку правительство и поручить формирование кабинета лорду Галифаксу, который тотчас же приступит к урегулированию недоразумений, возникших у нас в последнее время с Великогерманским Рейхом и лично канцлером господином Гитлером. Поверьте, Ваше Величество, это единственный выход для всех нас.

– А если я не соглашусь с вашим предложением?

– Даже если вы, Ваше Величество, не до конца понимаете необходимость такого решения, Вы вынуждены будете с ним согласиться под давлением непреодолимых обстоятельств. Ради блага Британии мы, патриоты, готовы на самые решительные меры. Прошу вас, Ваше Величество, принять это к сведению.

– Я в последний раз предостерегаю вас от весьма опрометчивых шагов, которые ставят Британию на грань катастрофы, – на этот раз голос Рэйчел звучал незнакомо – так сильно и резко, что король вздрогнул, как будто удар хлыста ожёг его спину. Ему показалось, будто фраза графини была адресована отнюдь не только Домвайлу и его сообщникам – но и ему, королю. – Британский народ никогда не капитулирует перед гитлеровской опасностью и будет защищать Родину и короля. Возможно, вы не понимаете, но следствием ваших действий сейчас станет – для начала – общенациональная забастовка. Мой долг предупредить вас об этом.

Домвайл повернулся и посмотрел на Рэйчел. Лицо его вдруг задёргалось, и он рывкнул:

– Конечно! Чего же ещё можно ожидать от... Жиды, большевики и мерзкая шлюха. Отличная компания, чёрт возьми! Капитан Мэйсон, коммодор Фрезер! Арестуйте эту чёртову ведьму и вышвырните её вон отсюда вместе с её русским денщиком. Хватит болтовни!

Названные офицеры вскочили, чтобы выполнить приказ Домвайла. Эдуард, побледнев, как полотно – только красные пятна рдели на щеках и на лбу – проговорил:

– Глокстон, пригласите, пожалуйста, охрану. Эти джентльмены, судя по всему, забыли, где и зачем они находятся.

– Это лишнее, Ваше Величество, – заявил адмирал Парсонс, переглянувшись с Домвайлом. – Охрана полностью информирована о происходящем. Вам не следует волноваться. Ваше заявление подготовлено, и вам осталось только подписать его. Прошу вас, Ваше Величество.

Парсонс, поклонившись, положил перед Эдуардом папку с бумагами и протянул ему автоматическое перо. Мэйсон и Фрезер встали позади Рэйчел и Осоргина. Король посмотрел на офицеров, вздохнул и пожал плечами:

– Хорошо. Раз вы настаиваете, джентльмены... Что ж... Пожалуйста. Это ваш выбор.

Эти слова были условным сигналом. В следующий миг все три двери распахнулись, и по залу, словно тени, рассредоточились две дюжины вооружённых людей. Мэйсон и Фрезер застыли, боясь пошевелиться, чувствуя, как ледяные клинки катана щекочут их шеи в области яремной вены. Адмирал Парсонс посерел от ужаса, а полковник Уайт скорчился в кресле и закрыл лицо руками. Остальные военные являли собой декорацию к последней сцене гоголевского «Ревизора», – впрочем, вряд ли отдавая себе в этом отчёт.

– Вы были абсолютно правы, миледи, – вздохнул король, к которому постепенно возвращался нормальный цвет лица вместе с самообладанием. Роялистский заговор молодых офицеров флота и военно-воздушных сил, подумал он. Интересно, как ей это удалось и сколько всё это ей стоило?! Какая женщина, Боже мой. – Невероятно, но вы опять оказались правы. Я до последней минуты был уверен – они не посмеют.

В кабинете обозначилось некое движение – люди Осоргина и Муруоки выводили военных, Глокстон отдавал распоряжения молодому лейтенанту ВВС, возглавлявшему отряд таких же молодых офицеров, сменивших дворцовую стражу. Юноше с трудом удавалось сохранять спокойствие при виде происходящего в присутствии монарха. Двое самураев – кажется, это Тагава и Касуги, подумал Глокстон, но разрази меня гром, если я в этом уверен, – истуканами застыли за креслом графини.

Домвайл, которого подталкивали к выходу двое гвардейцев, вдруг вырвался из их рук и двумя огромными шагами преодолел расстояние, разделявшее его и Рэйчел.

– Ведьма, – прошипел Домвайл. – Ведьма, мерзкая ведьма, чтоб тебя черти поскорей уволокли в перисподнюю, где тебе самое место!

Только по лихорадочному румянцу на скулах Рэйчел можно было догадаться, каких усилий стоит ей сохранять самообладание. Осоргин и король одновременно раскрыли рты, но тут один из самураев, обменявшись быстрыми взглядами с товарищем, сделал шаг в сторону адмирала и поклонился, держа меч наизготовку:

– Моё имя – Тагава-но Арисима Исаму, я самурай и хатамото¹⁹ госпожи графини. Пожалуйста, господин, сэр, вам надлежит немедленно просить прощения моей госпожи за ваши слова. Если вы не извинитесь, я буду вынужден, к сожалению, простите, пожалуйста, вас убить. Если моя госпожа не простит вас, я тоже буду вынужден вас убить. – И, кажется, потеряв всякий интерес к Домвайлу, повернулся с поклоном к Рэйчел: – Рэйчи-сама, простите, пожалуйста, мою дерзостную медлительность, но, к моему глубочайшему разочарованию, мы находимся вдали от Нихон, и это единственная причина, по которой этот невежественный и трусливый негодяй ещё жив. Покорнейше прошу извинить меня, Рэйчи-сама.

Домвайл лиловел, наливаясь дурной кровью:

– Что?! Что ты там бормочешь, узкоглазая обезья...

– Сэр Барри, – Рэйчел чуть побледнела, а румянец на скулах выступил ещё резче и ярче. Только голос её звучал ровно и тихо. – Пожалуйста, извинитесь поскорее. Если вы промедлите

¹⁹ Хатамото – самураи, составлявшие гвардию сёгунов (регентов, правивших от имени императора) или даймё (крупных феодалов). Здесь – личный телохранитель, сам определяющий, какие действия необходимо предпринять для наилучшей защиты хозяина.

ещё секунду, будет поздно. Мистер Тагава отрубит вам голову, и никто не сможет ему помешать.

Она слегка поклонилась Тагаве:

– Прошу вас, Исаму-сан, не гневайтесь на этого человека. Он не в себе, он просто сумасшедший старик, понимаете? Нет смысла убивать того, кто не осознаёт, что говорит, не так ли? Исаму-сан, пожалуйста.

– Вы так бесконечно добры, Рэйчи-сама, – поклонился в ответ Тагава, не убирая ладони с рукояти меча. – Простите меня, но мне кажется, вы ошибаетесь. Я полагаю, этого человека следует убить немедленно. Несомненно, он одержим духами тьмы, – вы абсолютно правы, моя госпожа, в этом я не сомневаюсь. Тогда тем более его следует как можно скорее убить, чтобы духи тьмы не могли больше пользоваться его телом и разумом. Конечно, это совсем уже не моё дело, но он оскорбляет своего императора в присутствии нас, чужеземцев. Только за одно это он должен быть казнён без всякого промедления. Извините, пожалуйста, Рэйчи-сама, но я действительно так думаю.

Домвайл, пятясь, разевал и закрывал пасть, как выброшенная на берег рыба:

– Что... такое?!

Глокстон стоял ни жив, ни мёртв. Кажется, только Эдуард без всякого страха – напротив, с огромным любопытством, – наблюдал за разворачивающимся спектаклем. У Глокстона даже возникла в голове совершенно дикая, крамольная мысль о том, что король предвидел такое развитие событий. Нет, нет, невозможно, испугался этой мысли Глокстон. Не может быть. Невозможно! Он уже понял, что сейчас произойдёт. Ужас ледяной молнией проткнул ему позвоночник.

– Восхитительно. Правильно. Именно так, – одними губами произнёс король. – Господи Боже. Как это вовремя. И как это прекрасно. – Он поудобнее устроился на стуле, закинул ногу на ногу и громко сказал: – Тагава-сан. Благодарю вас. Как король этой страны, я разрешаю вам – да что там, я вам приказываю! – защищать честь вашей госпожи всеми способами, которые вы находите правильными. В конце концов, для чего мне нужен адмирал, который не способен осознать совершенно очевидных фактов. Да ещё и столь явно одержимый духами тьмы, которые подталкивают его оскорблять своего короля в присутствии благородных воинов. Вы действительно считаете, будто его нужно убить, Тагава-сан?

Ответа не последовало. Что-то сверкнуло, и на шее Домвайла появилась толстая чёрно-багровая полоса. Губы адмирала искривились, явно пытаясь произнести что-то, но не сумели этого сделать: голова, подпираемая током крови, медленно откинулась назад, продемонстрировав присутствующим анатомические подробности ровного, как стекло, среза, и, упав, откатилась на несколько ярдов, застыв в неустойчивом равновесии. Тело адмирала, нелепо дёрнувшись, шумно осело на ковёр, заливая его тёмной кровью. Эдуард заставил себя посмотреть в лицо тому, что секунду назад было адмиралом сэром Барри Домвайлом, и ему почудилось: лицо кривится и двигает мимическими мускулами. Он с усилием отвёл глаза. Находящихся в королевском кабинете охватило полнейшее оцепенение – всех, кроме Рэйчел, короля и японцев.

Боже мой, подумала Рэйчел. Боже мой. Всё-таки мужчины – настоящие звери. Домвайл – кретин. Бедняжка Исаму! Я ведь не могу его осуждать, сердиться на него. Не имею права бояться. Господи, сделай, пожалуйста, так, чтобы меня не стошнило прямо здесь и сейчас! Он выполняет свой долг. Да. Клянусь маминой памятью и моей любовью к Джейку, – я никогда не покажу Тагаве, что расстроена его жестокостью. Конечно, он всё прочтёт по моему лицу, но... Боже мой, Джейк. Боже мой. В кого же мы все превращаемся? Проклятая война. Чёртово время.

У неё на глазах закипели слёзы.

– Да, – вздохнул король, посмотрев на Рэйчел. – Я вижу, Исаму-сан, вы действительно так считаете.

Рэйчел, ни на кого не глядя, произнесла:

– Домо аригато ²⁰, Исаму-сан.

– Дотасимаситэ. Оясуй гоё гири дэс ²¹, Рэйчи-сама, – поклонился Тагава. Меч снова был в ножнах, словно и не покидал их никогда.

Тагава учтиво, едва ли не до самой земли, поклонился Эдуарду:

– Тэнно хэйко банзай ²². Прошу извинить меня.

Самурай занял своё неизменное место позади Рэйчел и снова застыл совершенным истуканом. Осоргин вытащил странный, ни на что не похожий пистолет, перекрестился, вполголоса прошептав что-то – вероятно, какую-то молитву, тщательно прицелился в башку Домвайла и плавно потянул спуск. Раздался глухой, напоминающий кашель звук, сопровождаемый негромким лязгом затвора, и голова адмирала с треском разлетелась ошмётками во все стороны. Эдуард непроизвольно вздрогнул, и Рэйчел, передёрнув плечами, резко вскинула подбородок. Осоргин, пряча пистолет, спокойно пояснил:

– Так надёжнее, Ваше Величество. Извините, миледи.

– Да? – с сомнением посмотрел на кровавое пятно на полу король. – Вы уверены? А, впрочем, у вас, насколько я знаю, богатый опыт. Что ж, возможно, это действительно так. Как вы полагаете, дорогая, – снова обратился он к Рэйчел. – Наши адмиралы – все такие идиоты или хотя бы через одного?

– Надеюсь, адмирал Домвайл – последний из этой славной когорты, милорд, – кожа на скулах Рэйчел по-прежнему рдела лихорадочным румянцем, а её взгляд – устремлён куда-то в пространство.

– Я тоже на это надеюсь, – со значением проговорил Эдуард и оглядел присутствующих долгим, задумчивым взглядом. – Благодарю вас, джентльмены, вы можете чувствовать себя в безопасности. Глокстон, старина, прикажите рассадить наших доблестных офицеров по одиночным камерам и позаботьтесь о том, чтобы их допросили сегодня же, – король ещё раз демонстративно благодарно кивнул Осоргину и Тагаве. – Леди Рэйчел? Как вы себя чувствуете?

– Благодарю вас, Ваше Величество, – Рэйчел прикрыла веки. – Я в полном порядке, спасибо.

– Прекрасно, – кивнул Эдуард и поднявшись, подошёл к Рэйчел. – Глокстон, распорядитесь, чтобы здесь навели порядок. Ковёр придётся выбросить ко всем чертям, стены... Какая жалость! Разрешите предложить вам руку, дорогая леди Рэйчел? Журналисты, вероятно, вот-вот лопнут от нетерпения!

* * *

Когда бурная, хотя и весьма непродолжительная пресс-конференция, на которой Эдуард заявил о роспуске правительства и том, что принял решение поручить формирование нового кабинета сэру Уинстону Черчиллю, закончилась, и Глокстон с королём остались с глазу на глаз, Эдуард пересел в кресло и с наслаждением принялся раскуривать сигару:

– Какая женщина, – выпустив вверх сизое кольцо дыма, восхищённо прищёлкнул языком король. – Зная её столько лет, не перестаю изумляться. Любая из наших великосветских кумушек развизжалась бы или грохнулась в обморок. А она... Потрясающе. У этого парня, как его там, просто превосходный вкус. Как он угадал её, а? Каких людей вокруг неё собрал –

²⁰ Большое спасибо (японск.).

²¹ Не стоит благодарности. Это было совсем нетрудно, это мой долг (японск.).

²² Да здравствует Император (японск.).

невероятно! Это мне, кроме Вас, Артур, и миледи, не на кого по-настоящему опереться. Бог мой, как я жажду, наконец, с ним познакомиться! Что это вы так на меня смотрите, Артур? – на лице Эдуарда сияла безмятежная, мечтательная улыбка.

– Я не совсем понимаю, сэр, – осторожно ступил на тонкий лёд Глокстон. – Мне кажется, сейчас стоит сосредоточиться на реакции парламента, которая последует за вашим заявлением. Всё-таки, переоценивать влияние и могущество леди Рэйчел, право же, не стоит. У Галифакса и Чемберлена немало сторонников, и нам предстоит ещё столько...

– Ну, так пусть они составят Домвайлу компанию, чтобы ему там, в аду, не было так одиноко.

– Ваше Величество... Сэр!

Король махнул рукой:

– Всё очень просто, дорогой Артур. Мы уже практически находимся в состоянии войны. Войны с могучим, безжалостным и очень опасным врагом. В такой ситуации невозможно допустить, чтобы власть главнокомандующего подвергалась сомнению кем бы то ни было, да ещё в подобной хамской форме, вы не находите? А ведь главнокомандующий именно я, не так ли? Если я счёл нужным пригласить графиню Дэйнборо на военный совет, значит, так тому и быть, и ни одна позолоченная скотина из Адмиралтейства не смеет оспаривать это решение, сколько бы миль водорослей он не намотал на свою задницу за время так называемой беспорочной службы. Её мнение, моё мнение по тем или иным конкретным военным вопросам можно и нужно критиковать, в этом нет ничего предосудительного. Но оскорблять мою гостью, а, значит, меня, своего короля?! Старый кретин Домвайл получил по заслугам. И теперь все – слышите, все до единого! – поймут, как им следует себя вести. Что можно и чего ни в коем случае нельзя. Всё совпало, сложилось просто изумительно. Вы не согласны, Артур?

– Да, сэр. Безусловно, Домвайл – болван. Даже хуже, чем болван, – он почти состоявшийся предатель. Именно я докладывал вам, сэр, о его более чем возмутительных политических пристрастиях. Но...

– Но? Никаких «но», дорогой Артур. Предатель-адмирал – это напрасные жертвы среди моряков, потерянные впустую корабли, которые стоят миллионы фунтов моим подданным, это проигранные сражения и – кто знает? – возможно, проигранная война. Разве могу я допустить такое? Никогда! Наконец, этот отважный самурай одним ударом решил сразу множество проблем: защитил честь графини, мою честь, поскольку графиня находилась в моём кабинете, по моему приглашению, и, следовательно, под моим покровительством. Да ещё и избавил меня от утомительных препирательств с адмиралтейскими бюрократами по поводу перемещения Домвайла подальше от театра военных действий, а то и вовсе на пенсию. Ко всему прочему, парень сэконобил нам кучу денег. Чёрт подери! Не обратиться ли мне напрямую к моему кузену Хирохито с просьбой прислать лично для меня ещё пару дюжин таких отчаянных головорезов, как этот Тагава? В конце концов, не только леди Рэйчел. Я тоже, – король довольно хохотнул. – Ах, Артур! Какой удар, тысяча чертей! Какой удар! – Король взмахнул зажатой между средним и указательным пальцем правой руки сигарой, так, что хлопья пепла полетели во все стороны. – Никогда не видел ничего подобного. Хорошо бы уговорить леди Рэйчел, чтобы Тагава дал мне несколько уроков настоящего фехтования по-японски! У меня просто великолепное настроение, старина Артур. Прецедент, Артур. Великолепный, необходимейший прецедент! Я понял, наконец, как следует вести себя с этими... этими... Чёрт! Этими идиотами, предателями, соглашателями и трусами! Их надо рубить пополам, не раздумывая ни секунды! Я полагаю, господин Сталин на моём месте наградил бы Тагаву каким-нибудь высшим коммунистическим орденом. Кстати, ордена у них есть?

– Есть, сэр. Думаю, однако, господин Сталин вряд ли допустил бы присутствие в своём кабинете бешеного самурая с мечом, который, к тому же, машет им быстрее, чем снайпер управляется с винчестером, – вздохнул Глокстон.

– Вполне вероятно, – покладисто кивнул король. – Всё-таки, в отличие от меня, господин Сталин сумел избавиться от своих генералов с бонапартистскими замашками задолго до того, как они решились на путч. Уж не знаю, сам он до этого додумался или ему помогли – но он это сделал. А мы едва не упустили наш шанс, старина. Слава Богу, у нас есть леди Рэйчел! Теперь мы сумеем взять за глотку как следует, и вояк, и политиков. И народ в этом будет, безусловно, на моей стороне. А как ещё мы могли поступить, чёрт побери?! Миледи совершенно права, было просто жизненно необходимо заставить этих негодяев раскрыть карты! Подготовьте письмо графине с официальным извинением за поведение Домвайла, я подпишу. Ну, там, что-нибудь поцветистее, – как мы восхищены самообладанием миледи и её верных слуг, что мы гордимся и тому подобное. Надеюсь, Тагава останется мною доволен. Почему вы не записываете, Артур?

– Я запомню, сэр.

– Отлично. Свяжитесь с Home Office ²³ и скажите, что я желаю сегодня же вечером получить сведения о том, что Мосли ²⁴, и этот, как его, Рэмзи ²⁵, находятся за решёткой. Что там за кружок возглавлял этот старый индюк Домвайл ²⁶? Всех туда же.

– Ваше Величество, – Глокстон уставился на короля так, словно видел впервые.

– Демократия кончилась, Артур. Началась война. Пусть это дойдёт до всех и каждого.

– Конечно, милорд, – на пергаментной коже щёк Глокстона неожиданно расцвёл румянец. Он никак не мог избавиться от навязчивого ощущения, что король не просто воспользовался возникшей ситуацией, а... Нет. Не может быть. – Вы абсолютно правы, сэр.

– Далее. Позвоните сэру Уинстону и скажите, я желаю видеть его немедленно.

– Да, сэр.

– Ваши соображения по поводу смены декораций в разведке я желаю видеть к тому моменту, как Черчилль появится на пороге. И ещё одно.

– Я слушаю, сэр.

– Мы не будем воевать с Японией. Никогда. Пусть Рузвельт управляется в одиночку, если ему очень хочется. А что касается леди Рэйчел...

– Да, сэр?

– Ума не приложу, что мы станем делать, когда она уедет.

– Уедет?! – удивился Глокстон. Удивился так, что, против обыкновения, вовсе не потрудился этого скрыть. – Прошу прощения, сэр. Уедет – куда?!

– То есть как это – «куда»? В Россию, разумеется.

– Сэр, я вас не совсем понимаю, – осторожно наклонил голову вперёд Глокстон.

– Что же тут непонятного, Артур? Вы же видите – она держится из последних сил. У меня разрывается сердце, когда я на неё смотрю. Конечно, она уедет. Что?

– Я полагал, этот молодой человек вернётся в Лондон, – поправляя и без того безупречно повязанный галстук-бабочку, проговорил Глокстон. – Леди Рэйчел – в Россию? Это просто невозможно. Если он действительно любит её, он просто обязан вернуться.

– Вы совершенно не понимаете русских, мой дорогой друг, – Эдуард, резко запрокинув голову, выпустил в потолок густое облачко желтоватого дыма и весело подмигнул Глокстону.

²³ Home Office – министерство внутренних дел Великобритании.

²⁴ Освальд Мосли – лидер британских нацистов.

²⁵ Арчибальд Моль Рэмзи – член правого крыла Британского парламента (Палаты Общин), последовательный сторонник союза Британии с Гитлером.

²⁶ Адмирал Барри Домвайл – историческое лицо, возглавлял кружок прогитлеровски настроенных британских офицеров «Линк».

Сталиноморск. 28 августа 1940

Гурьев будто очнулся и снова посмотрел на девушку:

– Что?

– Почему она не с вами?

– Потому что это невозможно.

– Вы давно с ней виделись?

– Давно. Очень давно. Она не здесь, Даша. Далеко отсюда.

– Я знаю, – нетерпеливо сказала девушка, сердито сводя вместе выгоревшие на солнце брови. – Кто она? Испанка? Нет, нет, имя... Кто она, кто!?

Он чувствовал – интуицией, которая практически никогда не подводила его – до тянущей пустоты в желудке чувствовал, насколько важен его ответ. Не правильный ответ – правдивый. Честный. Как на духу. Он не знал, почему и зачем. Но ощущал необходимость этого разговора с предельной, пугающей ясностью, неотвратимой, как восход солнца. Всё зависело от того, сумеет ли он.

– Англичанка, – после недолгой паузы выговорил Гурьев. И добавил, словно извиняясь (Боже мой, перед кем?!): – Даша. Так бывает, – даже если у людей друг к другу очень сильные чувства, но у них такие разные жизни... Такие невероятно разные, что в одну их соединить никак невозможно.

– Это вы себя так уговариваете.

– Ты жестокая девочка, – улыбнулся Гурьев.

– Нет. Я честная. Хотите, я вам помогу?

– То есть?

– Я думаю, вы и сами всё знаете. Внутри – всё знаете. Просто иногда – этого недостаточно. Иногда – нужно, чтобы кто-то другой сказал это громко. Не вообще – а вам. Именно вам. Вы слышите?

– Слышу, – подтвердил еле заметным кивком Гурьев. – Слышу.

– Это – как будто болезнь, – произнесла девушка так, что у Гурьева внутри всё завибрировало в предчувствии чего-то невообразимо важного. – У многих это недолго, почти у всех. Недолго. А у таких, как вы и как я... Как она – может быть много всякого разного. А потом случается – одно навсегда. И всё. Я очень хочу, чтобы у меня случилось именно так. И как можно скорее.

Даша, не пригнувшись, встретила его взгляд, и тут Гурьев вспомнил. И едва не вскрикнул. Этого просто не могло быть. Невозможно. Немыслимо, как сказала бы Рэйчел. Он знал, что не ошибается. Он не мог ошибиться. Но этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Он не мог забыть. Или перепутать. Он никогда ничего не забывал. И не путал. Да и одно из самых ярких детских впечатлений невозможно ни забыть, ни перепутать с чем бы то ни было... Так, сказал он себе. Спокойно. Спокойненько. Очень, очень, очень спокойненько. Мы всё-всё выясним. Но не сейчас. Видит Бог, не сейчас.

– Возьмите меня к себе, – попросила Даша. – Я знаю, вы можете. Я вам пригожусь. Я много всего умею – и за маленькими ухаживать, и за больными. Я в госпитале почти всё лето проработала, санитаркой. Меня раненые слушаются. Возьмите. Пожалуйста.

Гурьеву пришлось сделать усилие, большее, чем обычно, чтобы голос его прозвучал ровно, как всегда:

– Куда – «к себе»?

– Неважно. К себе.

Она не отступит, подумал Гурьев. Конечно же, она не отступит.

– В каком качестве?

– В любом.

Я, похоже, опоздаю на обед к Завадской, подумал Гурьев. Ну, и... пёс с ним. С обедом.

– Возьмёте? У меня в табеле все-все пятёрки. Кроме географии, но это личное. А так – все. И в аттестате будут – все-все. Честное слово.

– Честное комсомольское?

– Я не комсомолка.

Да что такое происходит, перепугался Гурьев. Не может такого быть!

– Почему? – он наклонил голову набок.

– Папа сказал – не лезь. Будешь соответствовать – предложат сами. Нет – значит, не надо.

– Молодец папа.

– Я знаю.

Девушка смотрела на него, не отрываясь, ожидая ответа. Ответ может быть только один, это же очевидно, подумал Гурьев. А она ждёт. Нет. Я не могу.

– Хорошо. Но – с испытательным сроком. Согласна?

– Согласна, – кивнула Даша. И просияла. И снова сделалась вмиг серьёзной: – А она?

– Что – она?!

– Она что-нибудь умеет?

– Даша. Я не думаю, что нам стоит углубляться в эти дебри, – как можно мягче произнёс Гурьев. Со всей мягкостью, на какую был сейчас способен. – Разве можно, стоя на одной ноге, целую жизнь рассказать? Просто мы не можем быть вместе, и всё.

– Опять вы со мной, как с дурочкой? Вы обещали. Вы ведь не боитесь.

– Нет, – Гурьев улыбнулся.

– Вы думаете, у неё кто-то есть? – упавшим голосом спросила Даша. – Как страшно вы улыбаетесь. Вы думаете: да, она вас любит, но у неё кто-то есть? Нет. Нет. Я знаю, так бывает. От ужаса, от отчаяния. Но она?! Как вы можете думать так о ней?! Как... Как вам не стыдно?!

– Я так не думаю, – Гурьев прищурился, словно раздумывая, что ответить ей. Он действительно раздумывал, потому что это был не тот разговор, который обрывают на полуслове. – Это не так уж важно, как кажется многим. Но я так не думаю. Хотя мне было бы намного легче думать именно так. А ещё легче – знать: это именно так. Просто у неё есть там дело. Очень важное. А вообще-то женщине не обязательно уметь что-то особенное, – Гурьев улыбнулся, покачал головой. – Женщине вовсе необязательно участвовать в мужских делах наравне с мужчинами. Женщине очень часто – почти всегда – достаточно просто быть. А мужчине – просто знать: она есть. Я сделал когда-то опрометчивый шаг, втянув её в то, во что не должен был ни в коем случае втягивать. И я... – Гурьев опустил веки. – Всё, Даша. Действительно хватит.

– Нет. Не хватит. Там есть кто-то ещё. Кто?

Младший брат, подумал он. Младший брат.

– Один очень хороший человек. Очень важный человек. Она обязана находится с ним рядом. Он сейчас на войне, и она – она ждёт. Ты же, наверное, знаешь – там, в небе над Лондоном, сейчас война.

Он понял, что проболтался. И что сейчас она всё поймёт. Потому что от этой девушки ничего невозможно спрятать. Ну, по крайней мере, – спрятать надолго.

– Он лётчик, – тихо, потрясённо прошептала девушка. – Лётчик. Пилот. Истребитель. И вы... Вы страшно боитесь. Просто... Ужасно. Вы его очень любите. Вы... но ведь он – не ваш сын?!

– Больше, чем сын. Гораздо больше. Ученик.

– Вот оно что... Вот оно что. А у нас с фашистами... пакт. Но это же не дружба никакая, это просто политика. Вы же знаете всё. Вы же понимаете! Нам нужно время, чтобы подготовиться. А потом – мы так ударим по ним! Вместе! И обязательно победим. Обязательно!

Вот, подумал Гурьев. Вот, это хорошо. Пусть пока думает так. Это хорошо, хорошо. Это правильно. Пока – правильно. Лучше пока не нужно. Больше не нужно. Пожалуйста. Пожалуйста. Не нужно больше ни о чём догадываться, хорошо?!

– Всё равно. Это неправильно. Нечестно. Несправедливо. Вы должны быть вместе. Если это любовь... Ведь вы же не думаете, что всё кончилось, правда?!

– Я много о чём думал. И об этом тоже.

– Тогда позовите её. Скорее. Сейчас же!

– Я не могу.

– Почему?!

– Я не имею права.

– Если он её любит по-настоящему, он её отпустит. Он должен понять... Давайте, я ему письмо напишу?! Я ему всё объясню. Я сумею.

– На каком языке? – Гурьев не захотел сдерживать невесёлой улыбки.

– In English, – по-английски ответила Даша после короткой паузы. И медленно, но твёрдо продолжила: – I do not speak very well, but I can read and write much better. I simply had no opportunity to practice enough. And now, – perhaps I would have one ²⁷.

Интересно, подумал Гурьев, сколько ещё сюрпризов она мне преподнесёт? Явно не только сегодня. Конечно, акцент довольно жутковатый, но все вспомогательные глаголы, времена и предлоги на месте. Ах, как это радует.

– Меня папа учил. И сама училась. И по-испански тоже, – Даша опять вскинула подбородок: – А как его зовут?

– Эндрю.

– Я на неё похожа? Хоть немного?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что вы так на меня смотрите. Особенно. Вспоминаете кого-то, кого видели очень-очень давно. Её? Или ещё кого-то? Другого?

Этого просто не может быть, твёрдо решил Гурьев. Не может быть такого, и всё.

– Нет. Совсем не похожа. Ты очень красивая девушка, Даша, – но совершенно другая. – Гурьев не собирался сегодня углубляться в детали – кто на кого похож и что всё это значит. Пусть будет пока так.

– А сколько ей сейчас лет? Она... намного вас старше?

– Мне тридцать. А ей скоро исполнится тридцать два. В сентябре.

– Так это не её сын... Брат? Младший брат?

– Да.

– Ладно, – кивнула Даша и повторила с какой-то настораживающей интонацией: – Ладно. Я что-нибудь придумаю. Обязательно придумаю. Вот увидите. Обещаю.

– Давай всё-таки пойдем дальше, – осторожно сказал Гурьев. – А то я опоздаю на званный обед к вашей заведующей.

– Так нечестно, – Даша посмотрела на него.

– Что нечестно?!

– Я вашу тайну знаю, а вы мою нет.

– А что за тайна у тебя такая?! – Гурьев опять задавил адреналиновый всплеск.

Неужели, пронеслось у него в голове. Неужели. Она знает? Что – знает?!? Что за бред лезет тебе в голову, наставник заблудших?!

– Опять вы, – нахмурилась Даша. – Я же просила. А вы обещали.

– Это очень трудно, – вздохнул Гурьев. – Но я честно стараюсь, ты же видишь. Видишь?

²⁷ Я не очень хорошо говорю, но пишу и читаю гораздо лучше. У меня просто не было никакой возможности практиковаться в достаточной мере. А вот, – может, появится (англ.)

– Вижу, – Даша укоризненно покачала головой: дескать, что с тебя взять, зануда. – А тайна в том, что нет никакой тайны. Все думают, что есть, а на самом деле – нет. Грустно, правда?

Гурьев чуть перевёл дух. Кажется, пронесло. Пока – пронесло. Надолго ли?!

– Не грустно, – ласково произнёс он. – Тайна – это всегда скелет в шкафу. По-моему, лучше обойтись без скелетов. Они имеют привычку выпадать при самых неподходящих для этого обстоятельствах. Ну, и потом – теперь у тебя тоже есть тайна.

– Это ваша.

– Ну, мы же с тобой друзья, – Гурьев улыбнулся, покачал головой. – Мы так и будем болтать по колено в воде, пока не стемнеет?

– Конечно, нет. Идём.

– Мы разве на «ты»? – вкрадчиво поинтересовался Гурьев, уже угадав ответ и заранее смиряясь с неизбежным. А попробовал бы я трепыхнуться, подумал он не очень весело.

– Но ведь ты сам сказал – мы друзья. В школе я буду ужасно, до тошноты вежливая. А вообще... Я не знаю, почему. Я просто – так чувствую. Можно?

Это до такой степени непедagogично, подумал Гурьев с ужасом. До такой степени, что...

– Можно.

– Гур.

– Что?!

– Опять я угадала, – Даша посмотрела на Гурьева, как показалось ему, снисходительно. И улыбнулась.

– Угадала, – он смотрел на неё так, словно видел впервые. – Угадала ты, Даша.

А, всё равно, махнул он мысленно рукой. Всё равно через два дня вся школа будет его так называть. Ничего не попишешь. А там – и весь город. Пророчество.

– Я всегда угадываю, – она пожала плечами так, словно речь шла о чём-то безнадежно обыденном и скучном, как тетрадь в линейку. – Идём?

Они дошли до его скалы, потом, одевшись, быстро дошлёпали до пляжа, вместе поднялись в будку спасателя.

– Чердынцева?! – Огромный, похожий на боцмана пиратского галеона – только без повязки на глазу – мужичище вытаращился на них, переводя взгляд удивительно ясных, детских каких-то, глаз с Гурьева на Дашу. Лицо у него тоже было такое открытое, детское – просто читай, не хочу. – Заходи, кума, любуйся... Ты чего?!

Проклятые маленькие города, подумал Гурьев. Ненавижу.

– Познакомьтесь, Денис Андреевич, – Даша вздохнула и виновато посмотрела на Гурьева. – Это Денис Андреевич Шульгин, наш учитель физкультуры. А это...

Гурьев пожал веслообразную лапищу:

– Перекись, вата есть? Надо царапину обработать.

– А что случилось-то?!

– А не надо вопросов, – покачал головой Гурьев. – Сами справитесь, или помочь?

– Справимся, товарищ Гурьев.

Кажется, в голосе Шульгина прозвучало что-то вроде обиды. Вот это напрасно, подумал он. Напрасно я так с ним. Правильный мужик. Пригодится. Для дела – и вообще, пригодится.

– У тебя рубашка есть? – гораздо мягче спросил Гурьев и улыбнулся – своей нормальной улыбкой, против которой не было защиты ни у кого, никогда. – Ты посмотри, в каком я виде. Люди сейчас разбежаться начнут.

– Да нормально всё, – заговорщически усмехнулся Шульгин. – Щас.

– Спасибо, – надевая великоватую рубаху, от всего сердца поблагодарил Гурьев. – Я за таксомотором сбегая, а вы тут полевой лазарет пока разверните. Салют.

– Ну?! – повернулся к девушке Шульгин, когда хлипкая дверца будки затворилась за Гурьевым. – Рассказывай, быстро!

– Не могу, – покачала головой Даша. – Я честное слово дала.

– Садись, – мрачно кивнул Шульгин. – Ишь, ты. Честное слово. Эх, Чердынцева, Чердынцева. Одни хлопоты с тобой!

Гурьев возвратился через десять минут:

– Всё, едем. Денис Андреич, дай одеяло какое-нибудь, я завтра верну.

Шульгин хмыкнул довольно – судя по всему, скорый переход от официоза к неформальному сотрудничеству ему импонировал. Он вытянул из сундука позади себя и протянул Гурьеву требуемое:

– Только не забудь. Имущество-то казённое, Яков Кириллович, сам понимаешь.

– Не забуду. Бывай.

Набрасывая на плечи девушки одеяло, Гурьев недовольно проворчал:

– Идём быстренько, на нас смотрят. Терпеть не могу привлекать внимание.

Даша, коротко взглянув на Гурьева, улыбнулась, – опять эта снисходительная улыбка, подумал он, – и пошла вперёд. Как она ангельски соблазнительно выглядит в этом жутком одеяле, мысленно вздохнул Гурьев. Господи. Рэйчел.

Возле дома Чердынцевых такси остановилось. Быстро оценив картину – небольшая, чисто выбеленная хата в южнорусском стиле, невысокий штaketник забора, калитка с крючочком от честных людей и крошечный палисад, – Гурьев понял: нет. Так не пойдёт. Он спросил:

– Когда отец вернётся?

– В октябре. Точно я не знаю – это военная тайна. Я вас сразу же познакомлю. Он немножко будет ревновать сначала, но ты не пугайся, ладно?

– Я попробую, – усмехнулся Гурьев. – Ты как с хозяйством одна управляешься?

– Соседи помогают, если что. Да у нас и нет никакого особенного хозяйства. Справляюсь. Я привыкла.

Вот обормот, сердито подумал о Чердынцеве Гурьев. Разве можно ребёнка так мучить?! Ну, я тебе вправлю мозги, мореход, дай только тебя дожидаться. Ох, вправлю.

– Теперь слушай, – ласково сказал Гурьев. – У меня времени – ну, просто уже минус час. Давай быстренько переодевайся – и назад в машину.

– Зачем?! – у Даши глаза стали круглые-круглые.

– За Денисом Андреевичем съездим. Побудет с тобой до вечера, а там я придумаю что-нибудь.

– Гур...

– Всё, всё. Это приказ.

– Почему?!

– У приказа есть место действия и срок исполнения. Ответа на вопрос «почему» ни один приказ никогда не содержал – и не будет. Дочери военного моряка полагается это знать.

– Да, я быстро, – девушка выскользнула из автомобиля и скрылась за калиткой.

– Мотор не глуши, – буркнул Гурьев таксисту, оторопело озиравшему всю сцену. – Сейчас поедem.

Через несколько минут Даша появилась снова, быстренько уселась на сиденье и протянула Гурьеву аккуратно сложенную и отутюженную рубашку и свёрнутое скаткой одеяло. Чистюля, подумал Гурьев. Чистюля и аккуратистка. Отличница. Совсем, как Рэйчел. Какая-то непонятная, абсолютно безосновательная, беспочвенная радость клокотала в нём, бурлила, как пузырьки воздуха в кипящей воде. Неужто у неё и уют под парами стоит?! Господи, подумал Гурьев, да что же это такое?!

– Трогай, – проворчал Гурьев шофёру, натягивая свою рубашку, приятно щекочущую кожу теплом.

– Гур... А что случилось?

Гурьев приподнял бровь и указал глазами на шофёра. Даша быстро кивнула и отодвинулась вглубь сиденья.

* * *

Шульгин, кажется, не столько удивился, сколько обрадовался:

– Здорово! Зайдёшь? У меня есть как раз согревающего по...

– Я не зайду, а ты выйдешь, Денис, – тихо произнёс Гурьев. – Сколько до конца рабочего дня?

– Час ещё...

– Снимаю с дежурства. Вперёд.

– А...

– По дороге.

Выслушав короткий отчёт о событиях, Шульгин почесал то место, где когда-то росла буйная шевелюра, а теперь имелась гладкая и загорелая до черноты лысина:

– Ничего не понимаю... Это ж не ребёнок, а чистое золото!

– А я о чём. У меня, Денис есть интуиция. Она у меня большая. Большая-пребольшая. И она мне уже битый час твердит: всё это неспроста и очень, очень чревато. Поэтому я сейчас отправляюсь к вашей Завадской на рекогносцировку, а ты бдишь около Дарьи, аки пес цепной. Если что – бей и не думай. Думать и отвечать за всё буду я.

Шульгин сплюнул и длинно, громко, эмоционально и обстоятельно поведал Гурьеву подробности родословной живой силы вероятного противника. Гурьев догадался, что в основу исследования лёг целый ряд весьма рискованных допущений и смелых гипотез о степенях родства и некоторых малоизвестных науке подробностях анатомии мифологических существ – персонажей народного фольклора, – но форма, форма! Поэт, вздохнул Гурьев. Мне опять повезло.

– Ты ищак? – поинтересовался Гурьев, когда Шульгин сделал паузу для забора воздуха.

– Да ты что?!? – оскорбился Шульгин. – Да это ж так, разминка! Щас я...

– Стоп-машина. С этой минуты – такие слова произносятся про себя. А лучше – вообще не произносятся. Постепенно изымаются из обращения. Знаешь, откуда матюги взялись?

– Знаю. От татар.

– Сам ты от злых татаровей, – беззлобно усмехнулся Гурьев. – Матерщина – матерные слова – это проклятия, имена бесов. И человек, произносящий эти слова, особенно – попусту, автоматически призывает этих бесов на себя, своих детей и свой род. Материться – значит уничтожать разум и здоровье. Как своё, так и тех, кто эти ругательства слышит. Матерщина, Денис – это оружие. Страшное оружие. А оружие вынимают, чтобы убить. Вот, например, приходят наши красавцы за девочкой, – а тут вылетает из-за острова на стрежень товарищ Шульгин, и: та-та-та! та-та-та! та-та-та! Это есть боевое применение тонкого инструмента. И мне нравится. Как ты выражаешься: приходи, кума, любуйся. Так что – язычок-то прикуси до поры. Вопросы?

– Так ты – это?! – обалдело уставился на него Шульгин. – Правда, учитель, что ли?!

Сталиноморск. 28 августа 1940

Оставив Дашу с физруком и строго-настрого наказав звонить, в случае чего, Завадской – телефон Чердынцеву полагался по служебной надобности – Гурьев, хотя и с опозданием на целых десять минут, всё же угодил на званный обед.

Завадская провела Гурьева в комнату. Пушистая полосатая кошка выпрямилась при его появлении на диване и удивлённо сощурила на гостя зелёно-серые глаза с вертикальными щёлками-зрачками, – яркое солнце широким потоком света заливало комнату через большое окно в шесть стёкол. Прочитав кошкины нехитрые мысли, Гурьев улыбнулся. Мурка, успокоенная его «поглаживанием», опять улеглась, мгновенно свернулась калачиком и затарахтела довольно и мирно. Кажется, хозяйка не придавала значения эволюциям своей любимицы. Ну, это и к лучшему, подумал Гурьев. И улыбнулся снова.

– Садитесь прямо к столу, голубчик, Вы как раз вовремя! И чувствуйте себя, как дома.

Гурьев не ошибся в своих предположениях – кормить его собирались на убой. Пища, которой вынужденно наталкивались большинство соотечественников, вызвала у него сложную палитру эмоций. С продуктами в родных пенатах дело обстояло прескверно, а уж о поддержании привычной с детства морской диеты не следовало и мечтать. В общем-то, всё это было отнюдь не смертельно. Давно, ещё совсем подростком, он научился спокойно есть всё, что в принципе съедобно, даже то, от чего любого другого неделю тошнило бы желчью. Но – превращение этого в пищу требовало ресурсов организма, которые можно было направить на куда более важные и полезные участки работы. Кое-что начало в этом направлении меняться только в последние года полтора, но медленно. Очень медленно. Я же не могу браться за всё и всё тащить на себе, грустно подумал Гурьев. В цеховский распределитель он старался заглядывать как можно реже, тем более что и там ассортимент товаров отнюдь не соответствовал его предпочтениям. И в гости избегал поэтому ходить без крайней на то надобности. Вот разве как сейчас.

Гурьев прикинулся – и весьма правдоподобно – наповал сражёнными кулинарными ухищрениями хозяйки, и даже попросил добавки, ввергнув Завадскую в совершенно лирическое расположение духа, чем и не преминул воспользоваться незамедлительно. Отодвинув тарелку и вытерев губы мягкой, ненакрахмаленной – что тоже было приятно – салфеткой, он улыбнулся со всей обворожительностью, на которую был способен:

– Дражайшая Анна Ивановна. Хочу вас попросить рассказать мне об одном человеке.

– О ком же?

– О Даше Чердынцевой.

– О, Господи! Что случилось?!

– А разве обязательно должно было что-то случиться? – Гурьев сделал большие глаза.

Глазоньки вышли что надо, но Завадскую не так-то легко было провести на мякине:

– С этой чертовкой постоянно что-то случается, не ребёнок, а сущее наказание, кошмар!

Рассказывайте сейчас же!

– Да ничего не случилось, Анна Ивановна, оставьте, право слово. Просто случайно познакомились на пляже.

– Не лгите. Она не ходит на пляж. Или прыгает со скалы под крепостью, или забирается с книжкой в такую глухомань, что... Ну-ка, рассказывайте быстро!

О, вот это я не учёл, подумал сердито Гурьев. Да что это такое со мной сегодня?! Лопухнулся, как последний салажонок. Протух, можно сказать. Ладно.

– Ничего страшного, повторяю, не случилось. Мы действительно случайно познакомились. Я тоже решил прыгнуть со скалы.

И прыгнул, подумал он. Действительно, прыжок со скалы. Смешно. Обхохочешься.

– Вы хорошо плаваете?

– Не жалуюсь.

– Надеюсь, она была в купальном костюме, – проворчала Завадская, косясь на Гурьева всё ещё с явным подозрением.

– Да, – он позволил себе улыбнуться. – Всё было предельно целомудренно. Даже скучно.

– Слушайте, вы!

– Я пытаюсь вас слушать, Анна Ивановна, – Гурьев наклонил набок голову. – Но вы же не рассказываете, мне приходится разогревать вас репризами.

Завадская, помолчав несколько секунд, вздохнула:

– Очень, очень талантливая девочка. Просто невероятно одарённая. Вся, как обнажённый нерв. И, как все талантливые люди, чудовищно своенравная и неровная. Без матери, отец вечно болтается в море, женщины приходят и уходят. Она вам что-нибудь рассказывала о нём?

– Не так чтобы уж очень много. Но звание и должность мне уже известны. Он что, не женат?

– Ну, дождётесь от Чердынцева женитьбы! Анна, его жена, Дашина мать, умерла от родильной горячки. Он остался с недельной девочкой на руках. Один. Другой бы... Ну, вы же понимаете, Яков Кириллыч!

– Понимаю. Хотя вряд ли до конца. Сколько лет ему было?

– Двадцать четыре.

– О.

– Да, голубчик. Вот такой человек.

– Вы его хорошо знаете?

– Я всех в этом городе знаю, – вздохнула Завадская.

– Он уже адмиралом должен быть.

– Чердынцев?! Адмиралом?! Ни за что. Умрёт капитаном эсминца. Если не спишут на берег.

– Пьёт? – нахмурился Гурьев.

– Ну, не больше прочих. Не в этом дело. Начальство – ни в грош не ставит.

– Но матросы у него – как у Христа за пазухой, – улыбнулся Гурьев.

– Вам, конечно, хорошо знаком подобный тип.

– Я сам такой.

– Я обратила внимание.

– А про Анну? Что-нибудь, поподробнее?

– Не могу, к сожалению, – Завадская вздохнула и бросила рассеянный взгляд на кошку, по-прежнему с царственным видом восседавшую на подоконнике. – Об Анне я действительно ничего не знаю. Михаил появился здесь с нею вместе в двадцать втором, и кто она, и откуда – я не знаю. Я думаю, как это ни ужасно, что... Вы понимаете?

– Понимаю, – подтвердил Гурьев, чувствуя, как стекленеет его улыбка. И что он, чёрт подери, ничего не может с этим поделать.

Спокойно, спокойно, сказал он себе. Спокойно. Ещё ничего не ясно. Мало ли бывает совпадений? Случайностей? Просто похожих людей, наконец? Бутафорим дальше. Завадская ничего не заметила. Не могла заметить, не тот уровень подготовки, как уже было отмечено. Он поудобнее уселся на стуле, потрогал подстаканник за витую серебряную ручку, чуть шевельнул бровями, улыбнулся естественнее:

– Да. Так что же Даша?

– Что Даша? Даша пишет стихи, поёт, как сивилла, танцует, рисует... Проще сказать, чего она не умеет, чем перечислить её таланты.

– И чего же она не умеет?

– Подчиняться. Максимализм и бескомпромиссность на таком уровне, – только попробуйте не соответствовать! Уничтожит презрением. Ужас, а не девочка.

– Это не ужас, Анна Ивановна, – Гурьев улыбнулся отчаянно. – Это просто прелесть, что такое.

– Не вздумайте, голубчик. Даже не смейте думать об этом, – Завадская выпрямилась на стуле. – Иначе...

– Не волнуйтесь, Анна Ивановна. Всё будет в цвет.

– Что? Как?

– Это такой московский жаргон, – пояснил Гурьев. – Означает, что я полностью осознаю всю серьёзность ситуации. Не переживайте понапрасну.

– Понапрасну не стану. А вы не подайте повода.

– Нет. Не подам.

– Да-да, разумеется. Холостой столичный красавец с байронической грустью в глазах. Так я вам и поверила. И откуда вы только свалились на мою голову?!

– С неба, Анна Ивановна. С неба. А если я сказал, это значит – я сказал. Мы уже выяснили отношения.

– У вас есть кто-то? В Москве? – быстро спросила Завадская. – Она придет?

– Трудный вопрос, – восково улыбнулся Гурьев. – Надежда – верная сестра, как говаривал наш классик Александр Сергеевич.

– Ну, хорошо, хорошо, голубчик, я не буду лезть, вы уж простите. Я просто беспокоюсь! А я-то как беспокоюсь, подумал Гурьев.

– Слово, Анна Ивановна.

– Хотя бы до следующего лета. Пожалуйста.

– Да что это вы, в самом-то деле, – Гурьев приподнял правую бровь. – Она же ребёнок ещё!

– Ох, нет, – почти простонала Завадская, – ох, да нет же, голубчик, Яков Кириллыч, она совсем женщина! Вы думаете, я не понимаю ничего?!

– Так и я ведь понимаю – поверьте, ничуть не хуже.

– Ох, не знаю, не знаю!

– Я знаю. А что там за история с географией?

– Откуда вам известно?! – подозрительно нахмурилась Завадская.

– Мы случайно выяснили, что в таблице у нашего сокровища сплошные пятёрки – кроме географии. И прозвучала сакраментальная фраза – это личное. Остальное не составляет труда продекларировать.

– Я не хотела бы сейчас в это углубляться. Это... Ничего серьёзного. Ну, почти.

– Почти? – оводом впился Гурьев. – Ага, как интересно. Дальше, пожалуйста.

– Яков Кириллович, я не собираюсь вам всё прямо сейчас рассказывать. Во-первых, совершенно не желаю портить настроение ни вам, ни себе!

Гурьев опять повторил этот странный птичий жест – чуть наклонил набок голову. Что-то было в этом наклоне, – опасное. Опасное – не по отношению к ней, Завадской, но... Это опасное сияние уверенной силы окружало её собеседника, словно невидимый ореол. Завадской снова – в который раз – подумалось: не может же это всё на самом деле?! Она поплотнее закуталась в свой платок. А Гурьев проговорил, пряча под прищуром серебряные сполохи в глазах:

– Мне невозможно испортить настроение, дражайшая Анна Ивановна. Я вообще не человек настроения, потому что оно у меня давно и бесповоротно испорчено. Вероятнее всего, навсегда. И если бы я вздумал жить в соответствии с таковым, то не гонял бы тут у вас чай с бубликами, а находился совершенно в другом месте и абсолютно ином качестве. Так что покорнейше попрошу обрисовать драматургию. Можно штрихами.

– Язычок у вас, – почти непроизвольно отодвигаясь к спинке своего кресла, проворчала Завадская.

– Ну да, Анна Ивановна. Ну да. Сгораю в пламени любопытства.

– Ну, хорошо, – Завадская длинно вздохнула и покосилась на Гурьева. – Сама не знаю, чем вы так на меня действуете?!

Ох, я знаю, подумал Гурьев.

– А драматургия, как вы изволили это назвать, следующая. Даша пользуется со стороны юношей повышенным вниманием. Пока им не приходится столкнуться с её... э-э-э... темпераментом и требованиями. Результатом является почти всегда уязвлённое самолюбие, а утешаются многие весьма одинаково, то есть похвалой о мнимых подвигах.

– Всегда мнимых?

– Всегда, – отрезала Завадская. – Всегда. А некоторые коллеги... Э-э-э...

– Склонны вашу точку зрения «э-э-э», – Гурьев покрутил пальцами в воздухе и улыбнулся. – Огласите, пожалуйста, весь список.

– Вам весело?!

– Неописуемо, – кивнул он.

– Почему?!

– Давненько не занимался такими смешными проблемами. Всё время руки в крови по локоть, знаете ли. С удовольствием примусь за это дело, засучив рукава и подоткнув обшлага чеховской шинели.

– Яков Кириллович, – Завадская покачала головой. – Вы всегда такой?

– Стараюсь.

– Сколько вам лет?!

– А в бумагах разве не указано?

– Просто поверить невозможно. Сто лет дала бы вам запросто. Я вас ощущаю как своего ровесника, а не...

– Ну, вам я бы даже шестидесяти не дал, – чарующе улыбнулся Гурьев. – Так что сто лет – это гипербола, вероятно. Я просто мимикрирую замечательно. Итак, мы собирались перейти на личности.

– Танеч... Татьяна Савельевна Широкова, общественед. Ну, у неё с Дашей чисто женское соперничество за умы и сердца старшеклассников, так что... Она молодая и очень интересная женщина, – Завадская снова опасливо покосилась на Гурьева. – Замужем, муж её – второй секретарь горкома комсомола. Детей нет, ну, и отношения там... Сложные, одним словом. А вот Трофим Лукич... С ним не так-то уж...

– Тоже молодой и интересный? – Гурьев продемонстрировал одну из своих улыбочек.

– Если бы, – на лбу Завадской прорезалось сразу несколько морщинок.

– С этого места поподробнее, пожалуйста, – прищурился Гурьев.

– Трофим Лукич – секретарь школьной партийной ячейки. Преподаёт мало. Географию. Дети его... Не любят.

– Да и вы не очень.

– Яков Кириллыч, помилосердствуйте!

– Всё, всё, не буду. Неужто существует какое-нибудь постановление Политбюро в связи с поведением Чердынцевой? Не припоминаю, извините.

– Вы просто несносны.

– Этим и интересен, – продолжая сидеть, Гурьев умудрился шутовски поклониться.

– Ну, конечно. *Enfant terrible*²⁸. Как я сразу-то... Замечательное амплуа. Особенно на слабый пол действует!

²⁸ Ужасный ребёнок (франц.)

– Вы удивительно, неподражаемо проницательны, Анна Ивановна, – притворно пригрозился Гурьев. – Но вы же понимаете, это лишь тоненькая оболочка. А там, внутри, – ну, просто ох и ах!

– Прекратите же, в самом деле, – Завадская устало провела рукой по лбу. – Не пытайтесь эту роль перед Трофимом Лукичом представлять. Во-первых, не поймёт, а во-вторых, не оценит и станет вам учинять... несообразности.

– О. Вот так. Он и Даше учиняет? Несообразности?

– В некотором роде.

– Великолепно, – Гурьев на мгновение откинулся на стуле, затем подался вперёд, положил руки на стол, соединив кончики пальцев, больших и указательных, и просиял. – В высшей степени превосходно, должен заметить. Скучать не придётся. А это – главное, Анна Ивановна.

– Учтите, я не собираюсь вам потакать.

– Да куда же вы из колеи денетесь, – пожал плечами Гурьев.

– Яков Кириллыч. Вы... У меня даже слов нет. Вы кто, вообще?!

– Я тот, кто знает, чего хочет, и привык этого добиваться, – совершенно серьёзно сказал Гурьев. – И никто из принимавших мою сторону ещё никогда не пожалел о своём выборе. Никто и никогда, Анна Ивановна. – И опять улыбнулся: – Посоветуйте мне домик где-нибудь на отшибе с пожилой и одинокой хозяйкой.

– Что?!?

– Да, и желательно покосившийся. С подслеповатыми окошками и так далее.

– Поближе к морю или подальше?

– А, всё равно, – Гурьев беспечно махнул рукой. – Основные требования я озвучил, а остальное – не так важно.

– А общежитие для молодых специалистов вас...

– Я разве похож на специалиста? – искренне удивился Гурьев. – Или на молодого?

– Не слишком, – вздохнула Завадская. – И я вовсе не уверена, будто мне это так уж сильно нравится. А сейчас вы где остановились?

– В «Курортной».

– Это же сумасшедшие деньги! Вы в своём уме?!

– Отличный стимул поторопиться с поиском хижины дяди Тома. Или тёти Тома, что стилистически ближе к фактуре.

– Есть у меня одна мысль, – Завадская молодо поднялась и вышла, вернувшись через минуту с карандашом и бумагой. Сев снова за стол, она написала на листке что-то и протянула бумагу Гурьеву: – Вот, тут адрес. Нина Петровна Макарова, моя бывшая учительница. Кстати, географии. Она на пенсии уже шесть лет, так что квартирные будут ей совсем не лишними. Только не ждите увидеть покосившуюся хижину. Не тот человек.

– Чудесно, – Гурьев сунул листок в нагрудный карман рубашки и улыбнулся: – Разрешите откланяться? Снедаем нетерпением в ожидании знакомства с будущей хозяйкой.

– Идите, идите, – тоже улыбнулась Завадская. – Это не так уж и далеко, за час обернётесь. Завтра жду вас у себя, нужно обсудить учебные планы, и вообще – много работы.

– Ну, разумеется, – кивнул Гурьев и поднялся.

Сталиноморск. 28 августа 1940

Карта города давно была разучена им так, что от зубов отскакивало. Домик Макаровой он нашёл довольно быстро.

На хижину это действительно походило мало. То есть вообще никак. Свежая штукатурка, крашенная изгородь – дощечка к дощечке, аккуратная калитка, тщательно ухоженный палисадник, резные наличники, пристёгнутые ставенки. Ну-ну, подумал Гурьев. Неплохо для одинокой пожилой учительницы.

Он постучался и, не дождавшись ответа, осторожно приоткрыл калитку, вошёл и, поднявшись на крыльцо, постучался в дверь.

– Входите! Не заперто!

А вот с этой привычкой придётся расстаться на ближайший годик, подумал невесело Гурьев. Ну, за компенсацией дело не станет.

Он шагнул через порог, миновал небольшие сенцы и оказался в светлой и просторной, чистой до оторопи комнате. Профессионально отметил две двери напротив друг друга, проём входа на кухню, вечную мебель морёного дерева. И ни пылинки даже в потоке закатных солнечных лучей, льющихся из окна. Очуметь, подумал Гурьев. Мечта идиота.

Дверь слева от него распахнулась, и в комнату вошла хозяйка – пожилая невысокая женщина с клубком седых волос на затылке, в тёмно-синем платье из панбархата с белым воротничком и плотным рядом мелких, обтянутых материей пуговиц на груди, в туфлях на невысоком каблуке. Ох, старая школа, с удовольствием отметил Гурьев. И улыбнулся.

Он отрекомендовался, представился и спросил:

– В приживалы не возьмёте?

Хозяйка некоторое время его разглядывала – с ожидаемым им удивлением. Но, видимо, результатом осмотра осталась довольна:

– Почему же не взять? Возьму, голубчик. Аннушка плохого не посоветует. Да вы присядьте, – она указала Гурьеву на стул и села сама.

– По хозяйству помогать вряд ли смогу существенно, – Гурьев ещё раз окинул взглядом комнату. – Буду чрезвычайно занят. Ну, мужские дела, дрова нарубить, это вот – пожалуйста.

– У меня голландка на углях, – улыбнулась хозяйка. – Иван Юрьевич, мой супруг, царствие небесное, был флотский инженер и большой мастер на всякие технические хитрости. Есть даже водопровод и канализация, голубчик.

Герои не срут, подумал Гурьев. Зачем героям канализация?!

– Потрясающе, – он совершенно искренне крутанул головой. – И горячая вода?

– Если колонку почините и керосин раздобудете, – вздохнула Макарова. – Не достать ведь, напасть прямо!

– Попробую, – кивнул Гурьев. – Сколько?

– Что сколько?

– Сколько денег, Нина Петровна. Если вас не затруднит.

– Ах, оставьте, – махнула рукой Макарова. – Квартирные за вас бухгалтерия перечислит, а за свет, керосин и уголь уговоримся как-нибудь.

– Э, нет, голубушка Нина Петровна, – покачал головой Гурьев. – Двести рублей в месяц вас устроит?

– Вы с ума сошли, – с дрожью в голосе сказала Макарова. – Вы что же, деньги печатаете?!

– Я довольно близко знаком кое с кем из Ротшильдов, – улыбнулся Гурьев. Был, подумал он. – Седьмая вода на киселе, но, тем не менее.

– Пятьдесят.

– Уй, – вытянул Гурьев губы трубочкой. – Двести, Нина Петровна. Я не приказчик, торговаться не умею и не расположен. Мне приятно, а вам – кстати. Надо ведь и дочерям помогать. Жизнь нынче в больших городах нелёгкая, по себе знаю.

– Какой вы, – вздохнула Макарова. – Вы женаты?

– Нет. Симпосий устраивать на вашей территории, однако, не собираюсь, об этом не беспокойтесь. Но девушки у меня бывать станут, извините.

– Вот как? Во множественном числе?

– Ну, не знаю, – усмехнулся Гурьев. – Уж как прорежется.

– Экий вы фрукт, – покачала головой Макарова. – Ну, живите, там посмотрим. С деньгами. Пойдемте, покажу вам комнаты.

– Комнаты?!

– Две комнаты. За двести-то рублей!

– Вы меня просто в краску вгоняете. Чувствую себя лейб-гусаром и благодетелем.

– Насчёт благодетеля не знаю, – улыбнулась лукаво хозяйка, – а лейб-гусар вы совершенно точно вылитый. Усов вот только не хватает.

– Никогда, – проникновенно сказал Гурьев и прижал руку к груди.

Комнаты действительно были что надо. Осмотрев все прочие помещения в доме, Гурьев остался доволен. Настроение у него слегка поднялось.

– Хорошо, – совершенно искренне радуясь, вздохнул Гурьев. – Ну, в двух комнатах сразу мне пока делать нечего, так что будет у меня к вам, дражайшая Нина Петровна, сразу очень пикантная просьба.

Выслушав «историю с географией», хозяйка расстроилась и встревожилась не на шутку:

– Нужно в милицию заявить, и немедленно!

– Милиция очень любит факты, Нина Петровна. А фактов пока – ноль. Так что с милицией придётся подождать.

– Сейчас уже поздно, а завтра я вас к одному очень знающему человеку сосватаю. А почему вы Анне Ивановне ничего не хотите сказать?

– Что-то мне подсказывает – сердце товарища Завадской следует пожалеть. Интуиция-с.

– Опять вы правы, – кивнула Нина Петровна. – Конечно же, приводите. Побуду компаньонкой юной прелестной дебютантке, – хозяйка улыбнулась.

– Любовные романы бывают весьма занимательны, – улыбнулся в ответ Гурьев. – А иногда – и более того: полезны. Вещи я сейчас же принесу, те, что с собой. А потом мой багаж приедет. Так я за девочкой?

– Хорошо, Яков Кириллыч. Вот ключи. Да и я буду дома. До свидания.

* * *

Даша на объявленный план действий отреагировала бурно:

– Да вы что?! Никого я не боюсь! Это мой дом, и вообще – я не кукла!

– То, что ты никого не боишься, это замечательно, – проникновенно сказал Гурьев. – Да и дом твой никто пока у тебя не отбирает. Безусловно, ты не кукла, а очень хороший и чрезвычайно дорогой и ценный для меня человек, поэтому, ввиду угрожающей тебе опасности, масштабы которой мне не ясны, ты находишься под защитой бронепоезда «Крым» с гарнизоном в составе Шульгина Дениса Андреевича, Макаровой Нины Петровны и Гурьева Якова Кирилловича, он же – командир бронепоезда. Вопросы есть?

– Есть, – вскинутый подбородок, горящие гневом глаза и румянец во всю щёку – грубая и беспардонная лезть насчёт дороговизны и ценности человеческого материала явно попала в «десятку». Гурьев залюбовался: что за прелесть, ну, просто диво настоящее. – Долго?!

– Ровно столько, сколько потребуется.

– А ты?

– Ты-ы-ы?!? – уставился на них Шульгин глазищами, похожими на головные прожекторы упомянутого бронепоезда. – Бл... Ой. Заходи, кума, любуйся...

– Денис, всё в порядке. Не надо пены. Я буду в соседней комнате, с мечом наизготовку, готовый в любую минуту ринуться на твою защиту.

– С мечо-о-о-ом?! – Теперь глаза горели не гневом – неудержимым любопытством. Теперь Дашу невозможно было бы затормозить даже бронепоездом на путях. Ай да Гурьев, погладил он себя мысленно по макушке, ай да молодец. Знаешь, как человечка зацепить. – С каким мечом?!

– Самым настоящим. С двойным мечом. У него – или у них? – до сих пор не могу определить, как правильно – есть имя: Близнецы. Клинки из метеоритного железа, рукояти и ножны – из кости ископаемого звероящера.

Не говоря больше ни слова, Даша метнулась в угол и с грохотом потянула из-под кровати фибровый чемодан с кожаными уголками.

– Ик, – сказал Шульгин. – Ик. Бл... Бл... Бл... Ой.

– Что стоишь столбом?! – вызверился на него Гурьев. – Помоги!

У него так и свербило в одном месте – позвонить в Москву и распорядиться: не насчёт бронепоезда, – нет, слишком хило, – а, по крайней мере, насчёт бронекавалерийского полка. Это – как минимум. А лучше – двух. Спасла только привычка к экономии сущностей.

Сталиноморск. 29 августа 1940

Встав в пять, Гурьев убедился, что дебютантка с компаньонкой мирно спят. Вчерашний ужин, с демонстрацией шедевров кузнечного искусства и резьбы по кости, затянувшийся чуть не до полуночи, основательно укатал обеих. Сделав гимнастику и дождавшись заспанного Шулгина, он выдал порцию инструкций и отправился на осмотр крепости, взяв с собой бинокль, очень мощный, бывший таким снопом голубовато-белого света – ослепнуть можно – фонарь, карту, план, фотокамеру, – и, конечно же, Блинецов. Подъём на вершину занял у него добрых полчаса, хотя и двигался он совершенно не с туристической скоростью. Оказавшись на месте, он принялся за дело.

Крепость показалось ему большой. Или, точнее, просторной. Стены и башни – как продолжение скал, на которых они были выстроены, – и странная, развернутая в открытое море фортификация. Нет, наверное, рисунок береговой линии в период постройки всё-таки существенно отличался от нынешнего, подумал Гурьев. А места тут и вправду навалом. Для всего. Так и назовём местечко – «Старая Крепость», решил он. Очень романтично. Соколиное гнездо. Он вышел на оконечность далеко выступающего над водой мыса, похожего на нос огромного корабля, и долго стоял, подставив лицо чувствительному морскому ветру и разглядывая округу в бинокль. А может, это нарочно так и было задумано, промелькнула у Гурьева крамольная мысль. Весь полуостров – как корабль, а тут – капитанский мостик. С мифологией у пращуров было всё в полном ажуре. Могло, могло ведь и так оказаться.

Он обошёл стену по периметру, кое-где ощупал пальцами могучую кладку, рассчитанную даже не на века – на тысячелетия. Сделал несколько снимков «миноксом»²⁹, чтобы переслать их Городецкому. Съёмки с самолёта, рисунки, – всё это замечательно, но живые снимки куда более интересны. Да ещё цветные. Легенда гласила: крепость выстроили сыновья Орея – Кий, Щек и Хорив, потом она была заброшена, потом её приспособили для своих нужд основатели города – греки, после греков – генуэзцы. Строили её точно не генуэзцы, для понимания этого даже поверхностных знаний в области фортификационного искусства было более чем достаточно. И не греки. Город-то вроде бы греки основывали, а назывался он почему-то Сурожеск, Сурожск, подумал Гурьев. Не греческое какое-то названьице, однако. Это вам не Сталиноморск какой-нибудь. Советы, комбеды, пятилетку в четыре года. Русская это земля, усмехнулся он. Гостям мы рады, гости нам не мешают, наоборот, просторно у нас, места всем хватит, но земля эта русская, от века русская, и море это недаром Русским от века звалось. Русская земля. И такой навсегда останется. Уж мы постараемся.

Это здесь, понял он окончательно. Это здесь.

Он вернулся в гостиницу, ополоснулся холодной водой, переоделся и позвонил в Москву.

– Ну, как? Посмотрел, потрогал?

– И посмотрел, и потрогал. Картинки сделал, отошлю фельдъегерской через час.

– Вот и молодец. И я взгляну.

– Это здесь, Варяг.

– Ты уверен, всё совпадает?

– Даже самому не верится, – криво усмехнулся Гурьев. – Совпадает. Можем приступать.

– Добро. Строителей уже подрядили, скоро будешь гостей принимать.

– Ты мне человека нашёл?

– Быстрый какой. Подождёшь, других дел по горло. Занимаемся.

²⁹ «Минокс» (Minox) – марка фотоаппарата. «Минокс» – фирма, основанная рижанином, инженером Вальтером Цаппом, производила первоклассную фотоаппаратуру, в т.ч. миниатюрную, с оптикой «Leica». Модели фотокамер «Минокс», выпущенные после 1939 г., носили клеймо «Сделано в СССР».

- Ладно. Новости?
- Какие у нас новости, – Гурьев почувствовал усмешку друга. – Собираемся.
- Значит, всё по плану, – он вздохнул.
- По плану, по плану. У нас плановое хозяйство. С жильём определился?
- Угу. Очень даже неплохо устроился.
- Рад слышать.
- Людей можешь высылать, – Гурьев назвал адрес.
- Срисовал, Гур. Завтра отправлю.
- Голос твой мне не очень нравится. Что там с «Вратами» у тебя?
- С «Вратами» хорошо, Гур. Без «Врат» – плохо.
- Я серьёзно спрашиваю.
- А я серьёзно тебе отвечаю. Они работают, как проклятые. И Капица, и все. Но ты же понимаешь, что это такое. А ещё – столько расчётов, просто не справляются люди. Надо думать, как эту махину, вычислитель английский, хотя бы в корабль запихнуть.
- А наладка? Ты не выдумывай ерунды. Надо свой строить. Документация же есть?
- Есть, – Городецкий тяжело вздохнул. – Есть, а культуры – нет. Ладно, решаем эту проблему, ты голову себе пока не забивай. Если что, я тебе задам все вопросы.
- Варяг, я могу прилететь на пару дней.
- Пара дней ничего не решит.
- Нам нужны «Врата».
- Я знаю. Всё мы сделаем – и ворота, и калитку. И ключик, и замочек, и шпингалет. Вопрос – когда. Добро, Гур. Будь.
- Буду. Взаимно.

* * *

В двенадцать он был на пристани – катер в Алушту уходил через десять минут. В Алуште Гурьев зашёл в горком партии и, предъявив документы на имя сотрудника аппарата ЦК Кириллова, прошёл в кабинет начальника отделения фельдъегерской почты, отдал пакет. Тот проверил – сургуч, печати. Всё, как полагается. Несколько недоумённо смерив посетителя опытным взглядом, вопросов задавать, разумеется, не стал:

- Сейчас отправим, товарищ Кириллов.
- Отлично, – Гурьев кивнул, расписался в книге сдачи корреспонденции и распрощался.

Покинув здание, Гурьев посмотрел на часы. Через сорок минут рейсовый катер отвезёт его назад, в Сталиноморск. Плёнка из «Минокса» была слайдовой, это позволяло смотреть её через проектор сразу, без печати снимков. Хорошая штука техника, особенно – в нужных руках. Домой, подумал Гурьев. Домой.

К Макаровой он возвратился уже к шести вечера. Хозяйка вместе с Дашей встретили его в гостиной, где по всем правилам был накрыт стол:

- Гур! Как здорово! Мы уже волновались!
- Гостей не было? Незваных?
- Нет, – улыбнулась и покачала головой хозяйка. – Покорнейше прошу отужинать, Яков Кириллыч.

Опять жрать, тоскливо подумал Гурьев. Без этого никак в здешнем раю, что ли?! Он лучезарно улыбнулся:

- С превеликим удовольствием, Нина Петровна. Вы меня постоянно собираетесь кормить, или как?
- Отчего же не покормить, – улыбнулась Макарова. – Я готовить люблю, а если есть для кого – так и ещё лучше.

– И я люблю, – Даша посмотрела на Нину Петровну. – А то я так не могу – просто сидеть, как засватанная.

– А рынок далеко?

– Нет. Меня не затруднит, Яков Кириллович.

– Нас, – поправила её Даша и улыбнулась, заправляя за ухо непослушную прядку.

– Я понимаю. Давайте, в самом деле, отужинаем, а потом всё и обсудим.

Покончив с трапезой и отодвинув тарелку, Гурьев просиял:

– Просто невероятно вкусно. В Сурожске все так готовят?

– В Сурожске? – выпрямилась Макарова и посмотрела на Гурьева. – Вы интересуетесь историей?

– И историей в том числе, – улыбка Гурьева оставалась по-детски безмятежной.

– У нас очень спокойный город, – негромко заговорила после недолгого молчания Макарова и с беспокойством посмотрела на притихшую Дашу. – Спокойный, тихий, курортный город. Флот ведь не так давно здесь поставили, и полусотни лет нет ещё... И готовят здесь хорошо, и живут степенно, не по-московски, мне кажется. Всё у нас тут другое... В Сурожске.

– Мне нравится, – кивнул Гурьев.

– Мне тоже.

– И мне.

– Вот только так уплетать ваши, прекрасные мои государыни, кулинарные изыски за обе щёки – этак я через месячишко ни в одни двери не войду, ни анфас, ни в профиль.

– Вы преувеличиваете, – потупилась Макарова.

– Отнюдь. Ещё раз такой пир устройте – я вот возьму да квартирную плату на сто рублей-то в месяц и преувеличу.

Сказано это было с улыбкой и вроде как в шутку – но в серьёзности угрозы, похоже, никто не усомнился. Компаньонка и дебютантка переглянулись и дружно прыснули.

– Между прочим, я и сам неплохо готовлю, – притворно обиделся Гурьев.

– А сутки растягивать умеете? – улыбнулась Макарова. – Если уж Вы такой щепетильный, выдавайте, в самом деле, деньги на хозяйство. Чем-то же и мне нужно на старости лет заниматься. Вот съеду к внукам, тогда и будете справляться сами.

– Вы просто сокровище, Нина Петровна, – вздохнул Гурьев. – Что бы я без вас делал?

– Да уж. Давайте ваш паспорт, я вам прописку оформлю.

– Это лишнее. Быстрее, чем у меня, у вас вряд ли выйдет. Я такие, очень волшебные, слова знаю.

– Ох, Яков Кириллыч! Столичные молодые люди все теперь такие?

– К счастью, нет. Всеобщее падение нравов так далеко пока не простирается.

Он сослался на необходимость посидеть над бумагами и, оставив прекрасных дам дальше секретничать и чаёвничать, в чём у обеих, похоже, обнаружилась насущнейшая необходимость, проследовал на свою половину.

Сталиноморск. 30 августа 1940

Парадный вход был, разумеется, закрыт, – Гурьев намеренно выбрал такое время. Он вошёл в помещение, где располагался паспортный отдел милиции, с чёрного хода, просквозил тенью через полуподвальный коридор, вынырнув уже в рабочем вестибюле. Радостно поздоровался, как ни в чём не бывало, с попавшейся ему по дороге паспортисткой, растерянно уставившейся ему вслед, подошёл к двери начальника службы. Табличка на двери гордо известила Гурьева: в кабинете заседает капитан милиции Курылёва Г.А. О, так всё будет несложно, порадовался про себя Гурьев и без стука, по-хозяйски, шагнул внутрь. Сидевшая за столом дама с перманентом и в милицейской форме со шпалой вытаращилась на Гурьева:

– Гражданин?!.

– Здравствуй, голуба, – широко улыбнулся Гурьев, взял за спинку стоявший у стены стул, перенёс его прямо к самому столу, и, усевшись на него верхом, по-наполеоновски, вынул из нагрудного кармана пиджака красную сафьяновую книжечку и положил в раскрытом виде перед глазами дамочки. – Читай, голуба. Не отрываясь.

Всё это была, конечно же, липа. Липа – но высшего качества: отпечатанная в типографии «Гознака», подписанная самыми настоящими уполномоченными на то лицами, украшенная самыми настоящими печатями. Это удостоверение, например, – лично товарищем Сталиным. Хозяин никогда не манкировал своими секретарскими обязанностями. И всё-таки – липа: никогда и нигде он не числился в штатных расписаниях, не получал зарплату, не расписывался в ведомостях. Человек-призрак. Все эти паспорта, удостоверения, фамилии – Кириллов, Царёв, Гурьянов, Короленко и прочие – маски, личины, которые он менял, как и когда хотел. Скоро забуду, как меня на самом деле зовут, подумал он. Тьфу, глупость какая. А ведь поначалу это даже казалось забавным. Документы на имя Тенновского или Мессерера, а то и вовсе Ивана Артуровича Шwertмайстера³⁰. Глупость. Балаган. Интересно, а Сталин знает, как зовут меня на самом деле? Почему-то он ни разу не спросил об этом. Интересно – почему?

Прочитав, дамочка вернула Гурьеву удостоверение, подняла на гостя потрясённый взгляд и, едва не заикаясь, произнесла:

– Слушаю вас, товарищ инспе...

– Ну-ну, к чему такой официоз, – поиграл бровями Гурьев и опять улыбнулся. – Просто, по-домашнему. Яков Кириллович. Галочка? Глашенька? Грушенька?

– Га...

– Очень рад познакомиться, Галочка, – он достал паспорт, положил на стол, щелчком ногтя подтолкнул его к товарищу Курылёвой и назвал адрес Макаровой. – Прописочку оформи мне, голуба.

Слегка подрагивающей рукой Курылёва сняла трубку телефона прямой связи с паспортистками:

– Кто свободен, девочки? Кочкина? Зайди, Валентина. Сейчас прямо, говорю!

Вызванная Валентина явилась, постреляла глазками в неурочного гостя, обиженно поджала губки, убедившись в отсутствии должной реакции, и отправилась выполнять поручение. Вслед ей понёсся окрик Курылёвой:

– Пять минут, Валентина! Товарищ торопится!

³⁰ Тэнно – обращение к императору Японии. Мессерер (нем. Messerer) – мастер по изготовлению ножей. Шwertмайстер (нем. Schwertmeister) – имеет двоякое значение: 1) кузнец-мечник и 2) мастер фехтования на мечах. В имени и отчестве обыгрываются реминисценции на имена: рыцаря Круглого Стола сэра Ивейна и самого короля Артура.

– Ну, вот, Галочка, – снова растянул губы в улыбке Гурьев, демонстрируя эмалированный оскал, словно с рекламного плаката зубного порошка «Жемчужный». – Пока контора пишет, маленькая просьбишка. Не в службу, что называется, а в дружбу.

Он достал из внутреннего кармана плитку роскошного краснооктябрьского шоколада «Золотой ярлык», положил на стол и пододвинул его Курылёвой:

– Я тебе на днях человечка своего пришлю. Нужного такого человечка. Ты ей прописочку тоже организуй без вопросов, ладно, голуба?

– К... Я... Конечно, Яков Кириллыч. Я понимаю, – глаза товарища Курылёвой налились бетонной важностью причастности государственным тайнам, а брови сурово насупились, проникаясь всей торжественностью момента. Она трепетно покосилась на этот шоколад – едва ли не такой же могучий символ власти, как красные корочки и начальственно-хамское «тыканье». – Спецздание. Я всё сделаю, Яков Кириллович. В лучшем виде, как полагается.

Как мало нужно советскому человеку для настоящего, неподдельного счастья, тоскливо подумал Гурьев. Спецотдел. Спецздание. Спецбумажки. Спецулыбка. Спецжизнь, спец, спец.

– Ну, и – тс-с-с-с, – Гурьев, как заправский заговорщик, приложил палец к губам и, сально подмигнув, резко поднялся и протянул Курылёвой руку.

Курылёва, едва не захлебнувшись нахлынувшими верноподданническими слезами, тоже вскочила и с неженской мощью стиснула Гурьеву ладонь в рукопожатии. Да, подумал он, попадись такой в клешни, может и задушить на пике сладострастия. Ну, хорош бутафорить, оборвал он себя. Дело сделано. Мавр может уходить.

Сталиноморск. 30 августа 1940

Забрав проштампованный паспорт, он покинул милицию и направился в школу. На педсовет. Сейчас опять будут меня разглядывать, как на невольничьем рынке, чуть заметно усмехнулся он. Ох, судьба-индейка, как говорит Стёпа Герасименко.

Учителя заполнили большую, светлую комнату. Когда все уселись, Завадская заняла своё хозяйское место:

– Поздравляю вас, товарищи, с началом учебного года. И позвольте представить вам нашего нового учителя литературы...

Гурьев встал, раскланялся и снова сел. Завадская заговорила о школьных делах. Шульгин изображал опереточного шпиона: насупливал брови, поминутно оглядывался и подмигивал Гурьеву двумя глазами. Гурьев слушал её вполуха, изучая своих до сей поры лишь заочно знакомых будущих коллег. Не зря же он полночи провёл накануне в кабинете Завадской, где хранились личные дела учителей и школьников. Исаак Рувимович Цысин. Математика. Ага, это Танечка. Ну-ну. Интересная-то она интересная, вот только полпудика жирка согнать не помешает. Позже. Маслакова нет. Важные партийные дела отвлекли наше сясество. Гурьев отвернулся и сделал вид, будто до крайности поглощён словами Завадской.

Он покинул учительскую последним. У дверей уже маячил Шульгин:

– Куришь ведь? – деловито спросил Денис, запуская руку в карман тренировочных штанов и выуживая оттуда початую пачку «Норда».

– Балуюсь, – кивнул Гурьев.

– Айда в таком разе ко мне в кубрик, подымим.

Они спустились в маленькую каморку на первом этаже, забитую спортивным инвентарём, выпелами, кубками и всякой прочей дребеденью. Шульгин предложил гостю старый обтянутый дерматином диван, а сам взгромоздился на скрипучий стул, страдальчески вякнувший под его весом. Пудиков семь, подумал Гурьев. И улыбнулся.

– Ого, – Денис прищёлкнул языком, увидев у Гурьева портсигар и зажигалку. – Губа у тебя, однако, не дура, Кириллыч!

– Ничего, – согласился Гурьев, неглубоко, но со вкусом затягиваясь. И вдруг воткнул неумолимый, как древний, закалённый в хрустальной ледяной воде горного ручья, цуруги³¹, взгляд в Шульгина: – А ты вообще кто, Денис?

Шульгин поперхнулся дымом и долго смотрел на Гурьева, – секунд двадцать. Гурьев даже не мигнул ни разу. Наконец, Шульгин кашлянул и хрипло пробурчал:

– Проверяешь?

– А как же, – Гурьев откинулся на спинку дивана.

– А чего делать будем?

– Работать, Денис.

– А щас-то мы что делаем?!?

– Сейчас оглядываемся. Разминаемся. А потом будем работать. Почему такой бардак тут у тебя? Леня или настроения нет?

– Ух, Кириллыч.

– Ты приберись, боцман. Глядишь, и настроение появится. Настроение – такая вещь, должно приходить и уходить, когда тебе хочется, а не ему. Улавливаешь мою мысль? – Гурьев погасил окурочек в пепельнице и поднялся.

Поднялся и Шульгин:

– Есть прибраться, командир.

³¹ Длинный прямой обоюдоострый меч – основное оружие японских воинов примерно до конца II века н. э.

– Вот. Это по-нашему. Я понимаю, мы сработаемся. Сработаемся?

– А как же, – просиял Шульгин.

– Ну, тогда занимайся. А я пошёл к урокам готовиться – всё-таки первый раз, можно сказать.

И, хлопнув Дениса по плечу и ободряюще ему улыбнувшись, Гурьев покинул «кабинет физкультуры».

Сталиноморск. 30 августа 1940

Выйдя за школьную ограду и прошагав с полсотни метров в направлении дома, Гурьев заметил «хвост». «Хвост» был явно не милицкий и не чекистский, хотя ручаться он бы на всякий случай не стал. Гурьев удивился. Этого не должно было быть. Не должно было быть никакого «хвоста». Неужели шпана, подумал он. Вот это да. Обхохочешься. Невероятно. Только этого мне не хватало.

Он замедлил шаг и сделал вид, будто никуда не торопится. Хмыреватый вынош, увязавшийся за Гурьевым, не отставал. Ну-ну, подумал Гурьев. Отрываться пока не станем, посмотрим, что дальше.

Он прогулялся по набережной, потом по Приморскому бульвару, свернул на Сталинский проспект, постоял у кинотеатра «Краснофлотец», тщательно изучив программу киносеансов. Снова вернулся на бульвар, опять профланировал по набережной. Похоже, его филер утомился и соскучился. Гурьев вздохнул и пропал.

Он умел исчезать, никуда не исчезая физически. Гурьев дождался, пока шпик-самоучка устанет метаться туда-сюда, и встал перед ним, как лист перед травой:

– Огоньку не найдётся? Спички вот, – Гурьев, держа в одной руке папиросу, другой растерянно похлопал себя по карману чесучового пиджака и смущённо, обезоруживающе улыбнулся: – Дома, такое дело, забыл, наверное...

Топтунчик помялся, поозирался, посмотрел на Гурьева, невероятно правдоподобно прикидывающегося лопухом и фрайером, – он даже ростом сделался ниже, кажется, – и, снисходительно ослабившись, полез в штаны за изделиями фабрики «Сибирь», славного детища родимого Главспичпрома.

В следующее мгновение, успокоенный прикосновением гурьевского среднего пальца к точке на затылке, он уже спал, как младенец. Гурьев легко приподнял его, придерживая подмышками, поднёс к скамейке и аккуратно усадил, надвинув парню на глаза его собственную кепку. Улыбнулся нескольким мимоходящим курортникам и, разведя виновато руками, – ну, перебрал пивка парнишка, день уж больно жаркий сегодня, – направился к Вере.

Не тащить же их к Макаровой, подумал Гурьев. Вот уж не было печали. Что же это за катавасия такая несуразная, а?! А тебе, дивушко, придётся мне всё рассказать, чего я не знаю пока. Ох, не нравится мне этот приморский детектив. Ох, не нравится.

Гурьев вошёл в калитку Вериной хаты и постучал в дверь. Опять жрать посадят, страдальчески подумал он. И отказаться ведь невозможно.

Ему открыла пожилая женщина:

– Здрасьте.

– Здравствуйте. Вера дома?

– Да. А вы кто будете?

– А вы всегда через порог разговариваете? – растянул губы в улыбке Гурьев, хотя улыбаться ему вовсе не хотелось.

В этот момент из кухни показалась Вера, на ходу поспешно вытирая руки о передник. Увидев в дверном проёме Гурьева, она на мгновение остолбенела. Опомнившись, всплеснула руками:

– Мама, что же вы человека на пороге держите?! Это же Яков, я вам говорила!

С лица Вериной матери исчезло выражение настороженности:

– Ах, Господи! И как сразу-то не догадалась... Ну проходите же, Яков... по батюшке-то вас как?

– Не надо по батюшке, – отмахнулся Гурьев и шагнул в дом.

Вера провела его в горницу, усадила:

– Я тебя сейчас накормлю, чем, как говорится, Бог послал. И не возражай. Я так рада, что ты пришёл. Катюша! Катюша! Иди сюда!

Девочка появилась на зов. Увидев Гурьева, засмушалась, прошептала «здрасьте» и умчалась опять. Гурьев улыбнулся:

– Надо же, вспомнила. Не болеет?

– Нет, слава Богу. Ты посиди, я на минутку, – Вера выбежала на кухню, и до Гурьева донеслось взволнованное перешёптывание женщин.

Вскоре она снова появилась в комнате:

– Сейчас борща вот... Настоящий, как положено, ложка не шевельнётся. И хлеб домашний у нас, мама сама печёт!

– Спасибо. Мне просто чай, и достаточно.

– Потом и чай будем пить, обязательно!

– С пирогами? – улыбнулся он. – Теми самыми?

– Конечно!

– Сдаюсь.

Кормили Гурьева так, словно он последний раз в жизни ел. Вера с матерью смотрели на него... Ох, ну что ж вы так на меня смотрите-то, как будто я Спаситель собственной персоной, мысленно вздохнул он. Покончив с борщом, отодвинул от себя тарелку:

– Теперь неделю поститься буду.

– Ну, вот. Если бы я знала, что ты придёшь...

Гурьев в изнеможении откинулся на спинку стула:

– Могу себе представить.

Женщины засмеялись. Вера отправила мать с посудой на кухню. Гурьев достал папиросы:

– Позволишь? – Вера кивнула, и секунду спустя сильный аромат табака поплыл по комнате. – Рассказывай.

– Что же рассказывать-то, Яша. Денег твоих нам ещё на год хватит...

– Да забудь ты про эти деньги, – махнул рукой Гурьев. – Заладила, право слово. Ты что делать умеешь, Веруша? Или домохозяйкой была?

– Нет, – Вера отрицательно качнула головой, и Гурьев вдруг увидел: она совсем молода – лет двадцать пять ей, не больше.

Выдать бы тебя замуж, подумал Гурьев с тоской. Потому что вкайлили давно твоего Серёженьку, лоб зелёной намазали и в землю вкайлили...

– Нет, – повторила Вера и улыбнулась чуть смущённо. – Я парикмахер. Мужской мастер. Женские причёски тоже могу, конечно же, но специальность у меня мужская.

– Это вообще очень мужская профессия, – Гурьев приподнял брови. – И как же тебя угораздило?

– Не знаю, – приподняла плечи Вера. – С детства я такая – ненормальная. У нас мало было парикмахерских после НЭПа, я вот у Семён Рувимыча и пропадала. Как уроки в школе кончатся, я туда. Сначала вокруг вертелась, а потом... Потом вот училище в Москве закончила. И в Наркомстрое, в ведомственной парикмахерской, работала. Там с Серёжей и познакомилась.

Вера опустила голову и провела мыском ладони по щекам. Раз, другой. Гурьев поспешно проговорил:

– Это здорово. Мужской мастер. Художник, можно сказать. Здорово, Веруша. Правда.

– Скажешь тоже – художник. А хочешь, я тебя простригу? – Вера подняла глаза и улыбнулась. – Я первым делом побежала, инструмент купила. Это же невозможно – без инструмента. Я без инструмента – хуже, чем голодная. Давай?

– А давай, – отважно согласился Гурьев. – Что, прямо здесь?

– Ну да, – Вера поднялась. – Я мигом – пойду, всё приготовлю!

Вера возвратилась с простынёй, инструментом. Усадила Гурьева перед трюмо с большим зеркалом, обернула ткань вокруг шеи и плеч. И провела рукой по его волосам. Он едва не вздрогнул. Какие руки, подумал Гурьев. Боже, какие руки, только в эти руки можно влюбиться без памяти. Понимаю твоего Серёженьку, Верочка, ох, как понимаю. Прости, дорогая. Прости.

– Чем ты бреешься? – тихо спросила Вера, чуть касаясь пальцами его щеки.

– Ножом, – усмехнулся Гурьев.

– Тем самым, что ли?! – Вера непроизвольно отдернула руку. – Шутник...

– Златоустовской опаской. Отличная сталь, научились делать. Легированная. Благородная. Лучше золингеновской.

– И никогда не поранишься?

– Ну, отчего же, – Гурьев улыбнулся и пожал плечами. – Пару раз порезался. Давно только это очень было, Веруша. С тех пор – никогда.

Эту бритву ему действительно подарили на заводе – из первых образцов стали, выплавляемой по новому техпроцессу. Ему и Сан Санычу – по бритве. Городецкому – с малахитовой рукояткой, ему – с яшмовой. Ручная работа, штучный товар. На свете много есть такого... Не буду, не буду, спохватился он. Только декламации Шекспира не хватает бедной девочке сейчас для полного душевного равновесия.

Вера долго колдовала над ним. Гурьев чувствовал: она не только растягивает удовольствие, но и на самом деле истосковалась по любимой работе. Наслаждайся, милая, подумал он. Наслаждайся, мне не жалко, от меня не убудет.

Вера, завершив священнодействие, осторожно взяла его голову, чуть повернула из стороны в сторону. Потом немного отступила назад:

– Ну, вот. У тебя волос густой, сильный. И мягкий, укладывается хорошо. С таким волосом работать – одно удовольствие. Если хочешь, буду тебя стричь всегда. Приходи, когда захочешь. Придешь?

– Приду. Конечно, приду, Веруша.

– Тебя хорошо стригли. Даже ещё не оброс совсем.

Конечно, я за неделю до отъезда отметил у Тираспольского, усмехнулся про себя Гурьев. Он следил за собой, и весьма тщательно. Даже в самые поганные времена он не позволял себе распускаться. Что бы ни было, нельзя распускаться, подумал он. И ты молодец, Веруша, что не распустила себя. А теперь я тебе помогу. Вий а хосыд ³², подумал он, вий а хосыд. Ношусь по всей земле в поисках искр божественного света. И нахожу, что самое интересное. Ведь нахожу?

– Сейчас голову тебе помою и уложу причёску, – Вера снова дотронулась до его волос.

– Вера.

– Тут я командую. Я же мастер, – она улыбнулась и вышла.

Ох, думал Гурьев, жмурясь от Вериных прикосновений, ох, да что же это делается такое?! Такие женщины. Такие женщины, – нигде, нигде больше нет таких. Наверное, самое лучшее, что здесь есть, на этой земле – её женщины. За что же мучаются они так?! Был бы я нормальным – полжизни б отдал за то, чтобы женщина с такими руками занималась со мной любовью, сколько мне там отпущено. Господи. Рэйчел.

Вера осторожно вытерла ему волосы, расчесала густым гребнем:

³² Вий а хосыд (идиш) – как хасид. Согласно хасидскому вероучению, главной силой при творении стал Божественный свет: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы». Но при «переливании» этого света в формы творения, которые должны были послужить вместилищами света, сосудами для него, произошла космогоническая трагедия: «сосуды» не выдержали и разбились. Это привело к тому, что искры Божественного света рассыпались и смешались с несовершенными, и даже нечистыми элементами физического мира. Часть искр оказалась заключена в сосуды зла – так называемые «клиппот» (буквально «скорлупы»). Извлечение их оттуда и собирание искр – задача человека как союзника Творца и исполнителя Его воли.

- Одеколон твой я не знаю. Запах немного знакомый, а... Заграничный?
- Сорок семь одиннадцать. Старинный рецепт. Кёльнская вода, от него все прочие одеколоны пошли.
- Ах, вон как. Ты мне принеси флакончик. Чтобы всегда наготове был.
- Хорошо. Напиши мне твои данные. И Катюшины.
- Зачем?
- Документы, Веруша.
- Как?!
- Это службишка, не служба, – вздохнул Гурьев.
- Что же служба тогда, Яшенька? – умоляюще посмотрела на него Вера.
- Служба – так жизнь устроить, чтобы всё это никому не нужно было, Вера. Вообще никому. Никогда.
- Господи...
- Вот. А это, – он опять махнул небрежно рукой.
- Гурьев ушёл, а Вера долго стояла ещё в раскрытой калитке. Мать вышла, тронула её за плечо, сказала негромко:
- Ты не убивайся так, доченька. Может, выпустят Сергея-то... Время такое, суровое. Разберутся, да и выпустят. Люди говорят, да ведь и выпускают вот... Некоторых...
- Некого выпускать, мама, – Вера посмотрела на мать сухими глазами. – Убили Серёжу, я чувствую, нет его на земле больше.
- Ой, Верка... – затряслись у матери губы. – Ой, Верка, грех это, грех говорить такое, думать даже такое грех... Катюшка-то...
- Грех – с людьми такое творить, мама. Вот – всем грехам грех.
- А он-то? Он кто таков-то будет, Яков этот?
- Не знаю, мама. Не говорит он, да и зачем мне знать. Только он такой...
- Не твой он мужик, доченька, – покачала мать головой – почти осуждающе. – Чужой это мужик, уж и не знаю даже, чей, что за баба ему нужна, чтоб такого держать-то...
- Не мой, – кивнула Вера. – Нет, не мой, я знаю. А возится ведь со мной, как со своей. Другие и со своими так не возятся, как он со мной. Что ж, мама, понимаю я всё. А только, позовёт если, если понадобится... Хоть на часок, да мой.
- Уймись, Верка. Уймись!
- Не бойтесь, мама. Не бойтесь. Только вот на самом деле, так хочу я на ту посмотреть, с которой он будет. Какая она. Не от зависти, нет, я же всё понимаю. Просто посмотреть хочу.
- Вера повернулась и медленно пошла назад, к крыльцу.

Сталиноморск. 30 августа 1940

Гурьев вернулся домой и сразу прошёл на свою половину. Макарова и Даша уже спали – он предупредил, чтобы его не ждали. Ворча, ушёл освобождённый от вахты Денис. Гурьев переоделся в домашнее, немного побродил по комнате. Посмотрел, погасив свет, на улицу, нет ли чего подозрительного. Снова включил электричество, достал папку с чистыми бланками документов, предусмотрительно прихваченных из Москвы на случай непредвиденных обстоятельств и дожидавшихся своего часа в специальном отделении его чудо-чемодана, – вот как теперь, например. Паспорт, трудовая книжка и метрика, автоматическая ручка, заправленная специальной тушью, металлический футляр с набором штампов и печатей, – отличнейшая коллекция, спасибо техсектору. Щёлкнув пальцами – звук до оторопи похож был на выстрел – Гурьев приступил к делу.

Дождавшись, пока тушь и печати высохнут окончательно, он усердно несколько раз согнул-разогнул метрику ребёнка, прошёлся специальным оселком по углам страниц и складкам, замахрив их и придав таким образом бумагам потрёпанный жизнью вид. Всё просто в этом мире. Всё просто.

Сталиноморск. 1 сентября 1940

С утра, по случаю выходного, Гурьев провёл несколько часов в спортзале, вернувшись домой, пообедал, немного почитал. Вынужденное безделье его угнетало, как всегда. К счастью, недолго.

К шести вечера прибыли, наконец, долгожданные гости. Гурьев встречал их на автобусной станции. Делегация оказалась довольно внушительной: геологи, археологи, строители – одиннадцать человек. И Беридзе. Обнявшись с Тенгизом, Гурьев шепнул ему в ухо:

– Ты почему здесь?

– Работа, – вздохнул Беридзе и улыбнулся. – Да я сам попросился. Пока Света в больнице.

Гурьев увидел – улыбка даётся Беридзе нелегко. И сильно сжал его плечо пальцами, так, что Тенгиз поморщился.

– Это неправильно, Тень. Ты должен быть рядом, я же тебя учил.

– Я стараюсь.

– Хреново стараешься. Ладно, после договорим.

– Я твой мотоцикл привёз. Там, в «Газоне».

– Псих.

– Варяг велел.

– Я и говорю. Всё. По коням.

Автомобили – тентованный ГАЗ-АА, автобус на базе полуторки и ЗиС-101 – развернулись на небольшом пятачке станции. Гурьев сел в ЗиС к Беридзе, и маленькая колонна двинулась в город.

Первым делом они остановились возле школы, быстро перенесли гурьевский спортивный инвентарь в Денисово хозяйство. Следующей целью маршрута была квартира Гурьева. Пока они перетаскивали багаж, дольше всего провозившись с выгрузкой мотоцикла и сейфа, в чём помог находившийся на вахте Шульгин, Даша во все глаза рассматривала происходящее из-за занавесок. Справившись, они отбыли в санаторий ЦК, где разместили всю делегацию, за исключением Беридзе. Тенгиз отдал распоряжения, и они вернулись к Гурьеву, не забыв запастись провиантом в спецбуфете, находившемся здесь же, в санатории.

Макарова, увидев автомобиль и мотоцикл, ничего не сказала, но по тому, как взлетели её брови, было ясно: равнодушной она не осталась. Ну, не могу я ничего внятно объяснить вам, дорогие мои, тоскливо подумал Гурьев, хотя надо бы. Ладно. Рефлексии в ящик, как говорит Варяг. Пока что. Пожав руку Тенгизу, Макарова посмотрела на Гурьева:

– Ужинать будете?

– Спасибо, Нина Петровна. Даша как?

– Да что же ей делается, – вздохнула Макарова. – Так будете?

– Мы посидим по-нашему, – Гурьев похлопал ладонью по бумажному пакету. – Вы не беспокойтесь, мы ребята тихие и вежливые. Денис, ты как?

– Не, – тактично отказался Шульгин, прекрасно понимая: московской птичке нужно будет многое обсудить с Гурьевым. – Дела у меня. Пойду я, Кириллыч. Спасибо за приглашение, конечно.

– Где посуда, вы знаете, Яков Кириллыч, – сказала Макарова, когда Шульгин отчалил.

– Ещё раз миллион благодарностей, – склонился в полупоклоне Гурьев, а Тенгиз сверкнул зубами из-под усов.

– Ну-ну, угодники, – хозяйка покачала головой. – Приятно посидеть и спокойной ночи.

Они прошли на половину дома, занимаемую Гурьевым. Оглядевшись, теперь уже основательнее, Беридзе кивнул:

– Нормально устроился, Гур. А то Сан Саныч переживает. А вторая комната?

– Так уж и переживает, – Гурьев усмехнулся. – Вторая пока занята небесным созданием по имени Даша. Расскажу позже, если будет повод.

– А пока нет? – лукаво осведомился Беридзе.

– Нет, – не принял шуток Гурьев. – А если будет, то не такой.

– Добро. Я деньги привёз, кстати.

– Это и в самом деле кстати, – кивнул Гурьев. – Я не хочу о делах говорить, Тень. Завтра. Про Светку и про себя мне расскажи.

– Чего рассказывать, дорогой, – потемнел Беридзе. – То плачет – приходи, то – видеть тебя не могу. Варяг злится... Бабы, говорит, эти нас доконают. Я и так, и эдак – Сеточка, Сеточка, не время сейчас, а она...

– И? – Гурьев, как всегда, слушал внимательно и сочувственно, и это неизменно действовало нужным образом.

– Не понимаю, – Беридзе вздохнул. – Я же не виноват? Варяг же не виноват?

– Я же тебе объяснял, – покачал головой Гурьев. – Это гормональное, когда женщина теряет ребёнка на таком сроке, у неё возможны даже необратимые психические подвижки. А тут ещё эти командировки твои... Нет, Варяг не прав. Нельзя тебе сейчас ездить. Надо тебе в Москве дело найти. Или вообще тебя куда-нибудь в Латвию отправить, на Рижское взморье. Там воздух сосновый, целебный, песок мягкий, тишина. Светочке там хорошо будет. Ладно. Я поговорю на эту тему с Варягом.

– Да каждый же человек на вес золота...

– Вот именно поэтому.

– Всё равно, Гур. Дело есть дело.

– Дело для людей, Тень. И для нас в том числе. Иначе не нужно никакого дела, понимаешь?

– Для людей, да. Только мы давно не люди, дорогой. Мы...

– Нет, Тень. Если мы – не люди, то ничего у нас не выйдет. А у нас выйдет. Потому что мы люди. И Варяг это должен понимать. Короче, завтра утром – назад. Я сам справлюсь. – Он поднялся. – А сейчас – спать, завтра подъём в четыре.

– Я не засну.

– Заснёшь, – кивнул Гурьев. – Ещё как заснёшь. Ложись.

Беридзе подчинился, скинул обувь, лёг, вытянулся на кровати. Гурьев подошёл к нему, надавил пальцем на точку в районе затылка, и мгновение спустя Беридзе уже дышал спокойно и ровно. А Гурьев вышел к ЗиСу, достал из багажника чемодан с аппаратом «Касатки», вернулся на свою половину, развернул оборудование, послал срочный вызов Городецкому. Аппарат у Городецкого был всегда в ждущем режиме, – и в кабинете, и дома, и в машине, поэтому ответил он быстро. При установлении связи принимающий аппарат показывал уникальный номер вызывающего, так что предисловий Гурьев не ждал. Их и не было:

– Исполать тебе, Наставник, – проворчал в трубку Городецкий. – Рад слышать тебя, бродяга.

– Салют, секретарь. Скажи мне, ты здоров?

– Ну?

– Не нукай. Ты зачем Тенгиза прислал? Ты спятил?

– Ты меня не лечи, учитель. Я на кадровой политике столько собак сожрал – тебе до меня, как до Луны пешком – семь вёрст в небеса, и всё лесом, – Гурьев увидел усмешку друга, словно наяву. – Так и быть, как самому близкому соратнику и сподвижнику, объясню. Пусть девочка прочувствует – без Тенгиза ей жизнь не в жизнь, особенно теперь. Вернётся Тенгиз – и пойдёт у них всё, как по-писаному. Понял, салага?

– Ты тупишь, Варяг. Просто тупишь, и всё. Это химия. Химия и биология. Тут твоя социальная инженерия только всё испортить может. Терпение. Ласка. Любовь. Больше ничего

нельзя. Ничего. Когда ты это поймёшь?! С кадрами он меня учит обращаться. Это я тебя на семинар по вопросам кадровой политики пригласить могу. Так что?

– Отдыхай, учитель, – Городецкий вздохнул. – И я отдохну малость. А то дел у меня других нет, только за бабами слюни и сопли подбирать да истерики гасить. Человечка, что ты найти просил, нету. Можешь расслабляться в полное своё удовольствие. Хотя человек был... человек.

Выслушав короткий рассказ Городецкого, Гурьев зажмурился на миг:

– Так я и знал.

– А если знал, зачем теребил?! – рявкнул Городецкий так, что трубка завибрировала у Гурьева в руке. – Рефлексии душат?!

– Рефлексии? – усмешка Гурьева сделалась снисходительной. – Ты знаешь, зачем и почему я это делаю.

– Знаю, – буркнул Городецкий. – Знаю, только поверить всё никак не могу.

– А придётся.

– Да уж придётся.

– Не умножай... эманаций, Сан Саныч. Без особой на то нужды. И помни, кто и как этим пользуется. Веришь ты или нет – мне всё равно. Мир?

– А то как же.

– Отлично. Беридзе выезжает назад завтра утром.

– Беридзе выезжает, когда получит приказ. Послезавтра. Бывай, Наставник.

Гурьев посмотрел на умолкнувший аппарат и покачал едва заметно головой. И улыбнулся невесело. Вот так, подумал он. Что ж, пора последнюю бумажку для Верочки рисовать. Нельзя дальше тянуть, подумал он. И пусть будет, что будет. Посмотрев ещё раз на спящего Беридзе и на часы – начало одиннадцатого, – решил.

Сталиноморск. 1 сентября 1940

Улица была уже по-ночному пустынна. Гурьев двигался так, что собаки на него никак не реагировали. Только собачьего концерта ему не хватало для полного счастья.

Он перекинул руку через низкий штакетник, легко открыл калитку. Пёс насторожился было, зарычал, но у Гурьева имелись на этот случай несколько безотказных трюков, и секундой позже зверь продолжил смотреть свои собачьи сны. Гурьев тихонько постучал в стекло Веринной комнаты. Она выглянула встревоженно – не ложилась ещё:

– Ты, Яша! Ох, даже и собак не слышать! Случилось что?

– Нет. Ну, как сказать.

– Я открою. Заходи.

Он вошёл в дом, огляделся:

– Я ненадолго. Спят уже, мать, Катюша?

– Да. Проходи же, Яша!

Он, поколебавшись, двинулся за Верой. Они вошли в комнату, Вера села на высокую металлическую кровать, ещё не разобрannую, с горкой подушек. Гурьев опустилсЯ на стул, вынул из кармана паспорт, трудовую книжку и метрику, протянул Вере:

– Держи, голубка.

– Яша...

– Сколько лет уже Яша, – он усмехнулся. – Посмотри, всё там правильно?

Пролистав, она поднялась и убрала бумаги в комодик. И, снова опустившись на перину, провела мыском ладони под глазами:

– Спасибо, Яша. Слов-то не бывает таких, чтоб тебе сказать – сам знаешь.

– Не нужно, Веруша. Будешь моим личным парикмахером, – он растянул губы, делая вид, что улыбается.

– Буду, – кивнула Вера. – Можно на работу устраиваться?

– Можно. Но не спеши, я это улажу на днях. Завтра сходи в паспортный стол, там уже предупреждены. Прямо к начальнице иди, Курылёвой. Скажешь, я прислал.

– Скажу, – покорно кивнула Вера, отчаянно пытаюсь выжать из себя улыбку.

– Только это не всё ещё, Веруша, – Гурьев отвёл взгляд.

– А что?

Он достал из кармана последний бланк – свидетельство о смерти Лопатина Сергея Валерьяновича, 1910 г.р., по происхождению из мещан, беспартийного, образование средне-специальное. В графе «Причина смерти» стояло: «несчастный случай на производстве».

Он дождался, пока Вера прочтёт бумагу. Увидев, как дрогнули её пальцы, заговорил тихо, с нажимом:

– Ты прости, Веруша. Иначе нельзя. Тебе жить ещё, да и Кате сколько анкет заполнить придётся, никому неведомо. Понимаешь?

– Я знала. Знала. Как ты узнал? Как?!

– Вера, не надо. Слышишь? Нет Сергея. Всё, – только сверкнули серебряные сполохи в глазах. Но их Вера не могла сейчас видеть.

– Я знала, – Вера перекрестилась медленно, и две маленькие слезы покатались по её щекам. – Знала я, знала, Яшенька.

Он никогда не мог переносить женских слёз. И никакое дзюцу не помогало. Ничего не помогало. Ни опыт, ни тренировки. Ничего. Он поднялся:

– Пойду я, Веруша. Поздно совсем.

Он понимал, конечно: никуда он не уйдёт. Но надеялся. Дурак. А Вера тоже поднялась. И, шагнув к Гурьеву, прижалась к нему изо всех сил.

Он почувствовал её тугое, жаркое тело через тонкий ситец летнего платья. Почувствовал, как она втискивает себя в него. И, когда она вскинула дрожащее, с закрытыми глазами, лицо, наклонился, целуя, раздвигая её губы своими.

– Яшенька... Миленький... Господи... Мой...

– Ш-ш-ш. Молчи, голубка, молчи.

– Яшенька... Яшенька... Ох... Да, Яшенька... Ясный мой, Яшенька... Мой, мой...

Тебя же нет, яростно подумал Гурьев. Тебя нет... А если Ты есть, – как же Ты можешь такое с нами творить?!

Он так Веру любил, как будто она... Потом повернулся на спину, уложил на себя, гладил.

– Пожалел меня, – Вера, улыбаясь, провела рукой по груди Гурьева. Какие руки, подумал он. Какие руки. – Пожалел, разбойник. Спасибо.

Как же мог я тебя не пожалеть, голубка, тоскливо подумал Гурьев. Не мог.

– Вера. Не надо.

– Я знаю, знаю я всё, – Вера прижалась губами к его плечу, потом отстранилась. – Разбойник бесстыжий. Если со мной такой, то что же с ней?

– С кем?! – Гурьев даже привстал на локте.

– Что же, Яшенька, разве дура я, – тихонечко засмеялась Вера. И оборвала смех. – С ней. С любушкой со своей. С настоящей. Кто она, любушка твоя, Яшенька?

– Не надо, Веруша. Пожалуйста, – он снова лёг на спину, закинул руки за голову.

– Ты же горишь весь, глупый, – Вера прильнула к нему, положила голову ему на грудь, её распущенные лёгкие волосы, тонкие, тёмно-русые, с выгоревшими светлыми прядями, приятно щекотали кожу. – Ты же не меня любил, её. Поплачься мне, Яшенька. Тебе полегчает, увидишь.

– Нельзя мне плакать, голубка, – усмехнулся Гурьев. – Нельзя. И не надо.

Хранитель Равновесия, воин Пути не может плакать. Нет у него такого права. Да, в общем, ему и некогда. Как они чувствуют это, с ужасом подумал Гурьев. Гормоны, эндорфины, дипины... Как же это, и почему?! Господи. Рэйчел.

– Спи, Веруша. Я потом уйду. Спи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.